

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2

Том 4. История

Санкт-Петербург
2015

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2 (Том 4) 2015
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

В. А. Веремченко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор исторических наук, профессор (Польша);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2015
© Авторы, 2015

Содержание

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. К 70-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Н.Д. Козлов

Союзники и противник о патриотизме советского народа
в годы Великой Отечественной войны 7

Р.А. Тошев

Особенности организации автомобильных перевозок
в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.):
исторический аспект..... 18

Л.В. Смирнова, С.Н. Уваров

Эвакуация жителей Ленинграда и Ленинградской области
в Удмуртию в годы Великой Отечественной войны 26

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

И.Б. Михайлова

Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг..... 35

Л.В. Баширова

Моонзундская укрепленная позиция Балтийского театра
военных действий в период Первой мировой войны 45

С.Н. Емельянов

Новые вызовы и задачи: военное духовенство
в годы Первой мировой и Гражданской войн 51

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.А. Стерликова

Внешняя политика и дипломатия России
периода Северной войны в отечественной историографии 61

М.Б. Свердлов

К изучению научного наследия Ф.А. Эмина-историка 68

Е.В. Никуленкова, И.А. Тропов

Освещение революционных событий 1917 года в России
в советской историографии 20-х гг. 78

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

А.В. Абанин

Григорий Леонтьевич Валуев. Фактор личности
в период распада Московского государства в Смутное время..... 85

В.В. Каминский

Некоторые подробности службы выпускников
Николаевской академии Генерального штаба
в штабе Приволжского военного округа Красной армии
(на примере судьбы Генштаба полковника П.П. Петрова,
весна – 8 июня 1918 г.)..... 90

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ю.Н. Мельникова

Социальная мобильность купцов – гласных земских учреждений Северо-Запада России во второй половине XIX в. 99

Г.С. Шабалин

Рабочая молодёжь Мурманской области и антиалкогольная кампания в период перестройки (1985–1991) 108

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Д.В. Васильев

Мусульманская политика Российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах..... 117

В.А. Бобков

Организация медицинского обслуживания на арсеналах России в XVIII – начале XX в. 127

С.В. Шаламов

Защита экономических интересов России на морских направлениях Северо-Запада страны в XIX в. 133

Е.Н. Крылова

Требования к должности издателя-редактора периодического издания начала XX в. 141

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Я.С. Петрова

Российско-польские отношения в 90-е годы XX века 149

Д.Н. Щербаков

Варианты периодизации российско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере после распада СССР 158

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.В. Крылов

Рецензия на кн.: Базарова Т.А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб.: Гйоль, 2014. – 408 с. 167

С.В. Любичанковский

Строительство Российской империи в контексте золотоордынского опыта: рецензия на диссертационное исследование И.И. Булякова 171

Сведения об авторах 178

Contents

THE GREAT PATRIOTIC WAR HISTORY

On the 70th anniversary of the GREAT VICTORY

N.D. Kozlov

Allies and enemies about the Soviet people's patriotism 7

R.A. Toshev

Features of the organization of road transport in the first period
of the Great Patriotic war (1941–1942): historical aspect..... 18

L.V. Smirnova, S.N. Uvarov

The evacuation of the residents of Leningrad and Leningrad
region in Udmurtia during the Great Patriotic War..... 26

MILITARY HISTORY

I.B. Mikhailova

Moscow and Kazan: the military campaign of 1523 and 1524 years .. 35

L.V. Bashirova

Modsun's fortified position of the Baltic theatre
of war affairs during the First World War 45

S.N. Emelyanov

New challenges and problems: military clergy in the World War I
and the Civil War 51

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

A.A. Sterlikova

Foreign Policy and Diplomacy of Russia during
the Great Northern War in Russian Historiography 61

M.B. Sverdlov

Studying the scientific heritage of F.A. Emin-historian 68

E.V. Nikulenkova, I.A. Tropov

Interpretation of the revolutionary events of 1917 in Russia
in the Soviet historiography of the 1920s 78

PERSON IN HISTORY

A.V. Abanin

Gregory L. Valuev. Personality factor during the collapse
of the Muscovite state in the Time of Troubles..... 85

V.V. Kaminsky

Some details of the service of graduates of Nicholas General Staff
Academy in the headquarters of the Volga Military District
of the Red Army (the case of the fate of the General Staff Colonel
P.P. Petrov, spring – June 8, 1918) 90

SOCIAL HISTORY

Yu.N. Melnikova

Social mobility of merchants-active members
of Zemsky institutions of the North-West of Russia
in the second half of the nineteenth century..... 99

G.S. Shabalin

The young workers and the anti-drinking campaign
of the Perestroika era (1985–1991) in Murmansk region 108

RUSSIAN HISTORY PAGES

D.V. Vasilyev

Islamic Policy of the Russian Empire in Turkestan
and Steppe Governorate Generals 117

V.A.I. Bobkov

The organization of health care in the arsenals
of Russia in XVIII – early XX centuries..... 127

S.V. Shalamov

The protection of economic interests of Russia on the sea
directions of the North-West of the country in the XIX century..... 133

E.N. Krylova

Requirement for the post of publisher-editor
of the periodical of the early XX century..... 141

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Ya.S. Petrova

Russian-Polish relations during the 1990s of the 20th Century..... 149

D.N. Shcherbakov

Approaches to Periodization of Russia-China cooperation in oil
and gas sector after the dissolution of Soviet Union 158

SUMMARY AND REVIEW

P.V. Krylov

Review of: Bazarova T.A. Creation of “Paradise”:
St. Petersburg and Ingria in the era of Peter the Great.
Essays. St. Petersburg: “Gjöll”, 2014. – 408 p. 167

S.V. Lyubichankovskiy

Creation of the Russian Empire in context of the Holden Horde's
experience: review of dissertation of I.I. Bulyakov..... 171

About authors 178

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. К 70-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 94(47)«1941/1945»172.15

Н.Д. Козлов

Союзники и противник о патриотизме советского народа в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматриваются мнения и оценки союзников и противника о патриотизме советского народа в годы Великой Отечественной войны. Представлен обзор взглядов и суждений о его содержании, источниках и проявлениях. Делается вывод о единстве «русской» и «советской» его составляющих.

The article discusses the opinions and estimates of the allies and the enemy on the patriotism of the Soviet people during the Great Patriotic War. An overview of the outlooks and opinions of its content, sources and manifestations is presented. The author makes the conclusion about the unity of the “Russian” and “Soviet” its components.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм, союзники, противник, источники и составные патриотизма.

Key words: Great Patriotic War, patriotism, allies, enemy, sources and components of patriotism.

Патриотизм в период смертельной схватки с врагом являлся важнейшей вдохновляющей и мобилизующей силой. Борьба против иноземных захватчиков вызывала подъем традиционной народной готовности к самоотверженной защите своего народа и Отечества, возвышала долг служения над собственными нуждами и страданиями. Война в особом свете представила источники стойкости и единения, воли и самопожертвования народа, выдвинула на первый план общенациональные задачи.

В оценках содержательной сути патриотизма советская историография делала упор на социалистическую его сторону, не отрицая обращения к историческим и боевым традициям в прошлом. В последние десятилетия наметилась тенденция, вслед за западными авторами, отрицания советских составляющих патриотического сознания.

Однако безосновательно считать, что в этот период традиционное патриотическое чувство («русский патриотизм»), веками есте-

ственно жившее в народном сознании и усиленное советской пропагандой, однозначно возобладало над ценностями и чувствами, рожденными после 1917 г. («советский патриотизм»). «Что же питало массовый патриотизм российского народа ...?, – размышляет известный исследователь В.Т. Анисков. – Неужто только любовь к родной березке, селу, краю? А может безраздельная привязанность к ставшему уже привычным своему колхозу? Быть может, не столько малая, сколько по вековому и тысячелетнему счету большая Родина: то единое и неповторимое Отечество, связующими обручами которого всегда оставались его бескомпромиссная борьба с внешними захватчиками и самобытные общинность, артельность, соборность как реальные проявления коллективизма и всегда манившие к социально равным возможностям и справедливости, которые, кстати, одинаково провозглашались как светскими, так и христианскими идеалами» [1]. В результате анализа В.Т. Анисков приходит к выводу, что «доминанты советского патриотизма не противопоставлялись традиционным чувствам общероссийского», «...они все больше сливались в интегрированное советско-российское народное патриотическое сознание, предопределявшее позицию, волю и поступки людей» [2].

В ходе войны как союзники, так и противник, которые летом 1941 г. ждали краха Советского Союза, в результате мужественного сопротивления советского народа вынуждены были пересматривать свои взгляды и пытались определить истоки силы нашей страны и народа, причины его стойкости. В сентябре 1941 г. английская газета «Таймс» в статье «Самопожертвование русских – в чем причина?», выражая изумление, озадаченно писала: «Что заставляет русских сражаться так беззаветно? Почему, в отличие от других европейцев, они готовы уничтожать собственное имущество, дома, сжигать леса, отчаянно пытаюсь одолеть агрессора. Пожалуй, именно это больше всего ставит в тупик любого, кто наблюдает за войной на Востоке. Самих немцев это тоже ставит в тупик – и не на шутку тревожит. Они жалуются: русские не похожи на других, в них есть что-то необъяснимое – они не знают и не соблюдают правил игры, они сражаются насмерть, они теряют территорию, людей и технику, но продолжают драться с прежним ожесточением. Когда и где наступит конец этой войне, недоумевают немцы» [29].

Захватчики же в первые месяцы войны считали победу Германии неизбежной. «Все это кончится через каких-нибудь три недели, как нам было сказано, другие были осторожнее в прогнозах – они считали, что через 2–3 месяца, – вспоминал о настроении немецких солдат накануне нападения на СССР Б. Цейзер. – Нашелся один, кто считал, что это продлится целый год, но мы его на смех подня-

ли: "А сколько потребовалось, чтобы разделаться с поляками? А с Францией? Ты что, забыл?"» [15].

В основе таких настроений сказывались не только результаты нацистской пропаганды, недооценка экономического и оборонного потенциала Советского Союза, его национального и политического устройства. «Когда время придет, мы пройдем через Россию, как нож сквозь масло, – утверждал немецкий офицер в разговоре с американским журналистом С. Сульцбергером в январе 1941 г. – Русская армия никуда не годится, а русский солдат лишился необходимого стимула для борьбы – патриотизма. Он не сможет устоять против нас – да и не захочет» [22].

В ходе войны самоуверенные захватчики, а затем побеждаемые оккупанты вынуждены были осуществлять переоценку потенциала и боеспособности Красной армии, ее командного состава, вооружения и технического оснащения, характерных качеств советских людей и мотивов их поведения.

Немецкие солдаты и офицеры прежде всего вынуждены были признать присутствие духа, патриотизм, волю, их мужественное сопротивление. Уже неделю спустя после нападения на СССР одна из немецких газет с удивлением и раздражением писала, что «русский солдат превосходит нашего противника на западе своим презрением к смерти». Она сообщала, что красноармейцы сражаются до тех пор, пока их не убьют в окопе или рукопашной схватке и объясняла стойкое сопротивление выдержкой и фатализмом [13]. Первоначально стойкое сопротивление советских людей, более высокие потери германской армии на Восточном фронте по сравнению с кампанией на Западе воспринимались немцами как подтверждение фанатизма, крайней непритязательности, дикости и варварства людей «второго разряда» [15, с. 17; 21]. В то же время они вынуждены были признавать последствия тех изменений, которые произошли в предвоенный период.

«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением западных союзников и поляков при поражении, – отмечал генерал Г. Блюментрит. – Даже в окружении русские продолжали упорные бои» [8]. Начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер неоднократно отмечал в своем дневнике, что «русские всюду сражаются до последнего человека». «Общая обстановка все очевидней и яснее показывает, что колосс – Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на затруднения, был нами недооценен, – записал он в своем дневнике 11 августа 1941 г. – Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских» [10].

Специальная служба главного имперского управления безопасности, изучавшая настроения немецкого населения и военнослужащих Германии, отмечала, что до войны немцы, за небольшим исключением, узнавали о советском народе и его жизни из прессы, кино, пропагандистских выступлений и прошедшей цензуры литературы и в результате они видели в СССР «бездушную и бесчеловечную систему подавления и представляли народ Советского Союза как полуголодную и тупую массу» [10, с. 183]. Германские спецслужбы, изучив мнения и настроения собственного населения, указывали, что у немцев «значительно меняется представление о Советском Союзе и его людях», они приходят к мысли о том, что «большевизм вселил в большую часть русского населения непреклонное упорство», а боеспособность Красной армии во многом обусловлена такими качествами советских людей, как любовь к Отечеству, мужество и героизм, товарищество и чувство гражданского долга [21].

Немецкие генералы, столкнувшись с конкретными проявлениями патриотизма населения и воинов Красной армии, вначале также традиционно объясняли их упорством, непритязательностью и фанатизмом русских. В то же время они вынуждены были признать, что в основе мотивации поведения, особенно патриотизма, молодежи лежат более глубокие, новые духовные истоки. «Население высказывается очень сдержанно. Люди старшего поколения более доступны, – отмечал, характеризуя политическое положение в ноябре 1942 г. «руководитель рабочей группы Белоруссии» Хуземан. – Самая опасная возрастная группа – 17–21 год. Она заражена на 99 % и ее следует вычеркнуть из списка живых...» [9, с. 87]. «Советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и, надо сказать, даже фанатично, – писал генерал Г. Фриснер. – Это было коренное отличие всей Красной армии, и особенно относилось к молодым солдатам. Отнюдь не правы те, кто пишет, будто они выполняли свой долг только из страха перед подгоняющими их политическими комиссарами, которые в своем большинстве сами храбро сражались. Я собственными глазами видел, как молодые красноармейцы на поле боя, попав в безвыходное положение, подрывали себя ручными гранатами. Это были действительно презирающие смерть солдаты!» [20].

В ходе войны пересмотр представлений о Советском Союзе, его экономике, армии и народе, сложившихся в предвоенные десятилетия, под влиянием широкого круга факторов, среди которых важнейшую роль играли мужество, стойкость и воля к победе Красной армии и всего народа, происходил также в сознании общественности, политиков и военных стран – участниц антигитлеровской коалиции. «В страшные дни 1941–1942 гг. и на

протяжении следующих двух с половиной лет тяжело и дорого доставшихся побед меня никогда не покидало ощущение, что, то была подлинно народная война..., – писал английский журналист А. Верт, который в годы войны работал в нашей стране. – Дух подлинной патриотической преданности и самопожертвования, проявленный советским народом за эти четыре года, имеет мало подобных примеров в человеческой истории...» [7, с. 26–27]. «В конечном итоге нынешняя война, несмотря на все ужасающую мощь современной техники, в очередной раз продемонстрировала, что главное для любой армии – это решимость народа и моральный дух солдат», – писала «Нью-Йорк таймс». Газета объясняла «упорнейшее сопротивление Красной армии» патриотизмом и «стойкостью русского солдата» [22]. По мнению английской «Таймс», истоки патриотизма заключались в том, что «война для русских – не благородное и романтическое занятие... они всей душой ненавидят войну и агрессоров». Во-вторых, утверждала редакция газеты, «русский никогда не был покорным рабом, которым рисуют его европейские историки», а его патриотизм и необычайная энергия – результат «страстной приверженности русских социальной справедливости» [30].

Издание справедливо подметило, что миллионы советских граждан восприняли нападение гитлеровцев как агрессию и не сомневались в праведности своей борьбы. Стояла и благородная задача – оказать помощь народам Европы, поработанным фашистам. Характер и цели войны соответствовали национальной ментальности: стремлению не быть под пятой чужеземных завоевателей, тяготению к справедливости и поиску правды, спасению для всего мира. Это объективно способствовало включению в духовный потенциал традиций народа по защите Отечества.

Справедливый характер войны, благородные цели, которые встали перед народом, укрепляли его силы, рождали массовый героизм. «Мир не видел большей преданности делу, большей решимости и самоотверженности, чем те, которые были проявлены русским народом и его армией..., – отмечал президент США Ф. Рузвельт летом 1943 г. – Спасая себя, Россия рассчитывает спасти мир от нацизма. Мы должны быть благодарны этой стране...» [11].

На эти же истоки патриотизма обращали внимание также средства массовой информации и представители общественности союзных стран. «Говорят также, – писал Э. Сноу, – что русские дерутся просто потому, что их родина подверглась нападению. Русским солдатом движет-де доброе старое чувство патриотизма. Да, когда враг забрался в ваш дом, – это безусловно, сильный стимул для борьбы, и любовь к России играет очень большую роль в героизме рядового

солдата. Но ... один лишь русский патриотизм не дает этому объяснения» [12].

В связи с этим представляют интерес публикации на страницах американского журнала «Советская Россия сегодня» цикла и отдельных аналитических статей и материалов о патриотизме, источниках мужества и стойкости армии и народа. В январе 1943 г. журнал опубликовал статью «Истоки советской морали», автор которой У. Джонсон в 1934–1937 гг. работала преподавателем английского языка в одном из московских вузов. Статья имела подзаголовок, который раскрывал ее содержание – «Истоки советской гражданской морали находятся в самой советской жизни». Среди источников патриотизма и стойкости автор выделила взаимосвязь благосостояния отдельного человека с благосостоянием общества, личное участие в достижении общественного успеха, коллективизм и солидарность, взаимовыручку и взаимопомощь. Сюда же она отнесла высокие цели и социальную ориентированность людей, вдохновляющие традиции и символы, гордость успехами страны, доверие к руководству, стремление советских людей к сотрудничеству с другими народами. «Эти факторы формируют их величественную мораль, мораль, которая не рассыпалась пройдя через кровь и тяжелый труд, которая лишь укрепилась, – утверждала автор. – Эту мораль весь свободолюбивый мир уважает и чтит» [25].

Во второй статье в цикле публикаций, касающихся сознания и мотивов поведения советской молодежи, доктор Г. Уорд утверждал, что советский патриотизм включает в себя особые элементы, которые не представлены в такой степени в патриотизме народов других стран. «Это больше, чем любовь к русской земле и народу, больше, чем гордость великим прошлым, – считал автор. – Эти вещи тоже имеют значение, но лишь притоки главного течения. Это сознание обладания и принадлежности к тому, что сам помогал создавать. Это реализация пророческого обещания: "Кто строил, тот будет обживать", это преумножение чувства первопроходца к дому и земле, которую возделывал и вырвал у пустыни. Обратная сторона этого – чувство обязательства перед Родиной, которое символизируется общими усилиями и их результатами» [26].

Значительное внимание движущим мотивам борьбы народов нашей страны уделяли другие крупнейшие и влиятельные издания США и Великобритании. Различные аспекты патриотизма, стойкости и героизма советского народа многократно поднимались и с разной степенью полноты освещались на страницах британских «Тайм» и «Таймс», американских «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и др. Из множества статей на страницах «Нью-Йорк таймс» о борьбе советского народа против фашизма непосредственно ис-

токов патриотизма касались следующие: «Боевой дух Красной армии» (две статьи с этим названием – в 1941 и 1942 гг.), «Россия сражается», «Казак на боевом коне», «Солдат, который не сдается», «Севастополь», «Отчет о России и русских», «Человек, который остановил Гитлера», «Тимошенко – герой Красной армии», «Сергей – боец Красной армии», «Дух, движущий Россией» и др. [31].

Журналист У. Лоуренс, побывавший на фронте и пообщавшись со множеством советских людей, как военных, так и гражданских, пришел к выводу, что советский гражданин «всецело предан своей родине..., он готов переносить тяготы и лишения ради того, чтобы в Россию вновь вернулись мир и процветание, чтобы его страна продолжала развиваться в социальной и экономической сфере». «...Что бы там ни думали за рубежом, неоспоримым является тот факт, что во многом благодаря именно устройству советской экономической системы Красная армия сумела успешно отступить, перегруппироваться и перейти в наступление, – писал журналист. – Среднестатичный русский всегда был хорошим, патриотически настроенным солдатом, но без хорошей экономической базы и самоотверженных рабочих в тылу все усилия русской армии были бы сведены на нет, как это случилось во время первой мировой войны» [32].

В конце войны, анализируя изменения, которые она вызвала во внутренней жизни советской России, журнал «Тайм» в статье «Укрепление советской системы» отмечал, что одно из важнейших среди них – «взлет патриотизма». «Русским всегда была свойственна любовь к Родине, – подчеркивалось в издании, – но сейчас насаждается именно советский патриотизм – преданность не только отечеству, но и строю» [30].

Среди других истоков патриотизма союзная печать отмечала «более глубокое, широкое и настоящее чувство их связи с остальным человечеством», «мораль, построенная на совершенном понимании всех «почему» и «зачем», тот факт, что «дополнительные обязательства, которые они взяли на себя, были, за исключением риска для жизни, лишь повышением того, что они делали в условиях предыдущего периода» [27].

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что союзники однозначно характеризовали всю совокупность источников и составляющих патриотизма. «Иностранные дипломаты в Москве, – свидетельствует журналист Р. Паркер, – пропагандировали выгодную им "теорию" о том, что русский народ защищает не советский строй, но свое отечество независимо от его социального строя и что Красная армия обязана своими успехами "чуду", природным свойствам характера русского человека». С этой целью крупнейшее газетное агентство США, стремясь затушевать значение

партизанского движения, запретило своему корреспонденту передавать сообщения о партизанах, а сторонники этой концепции, утверждает журналист, «не могли и не хотели взглянуть в лицо истине, заключавшейся в том, что население освобожденных районов радовалось возвращению советской власти, что в период временной оккупации советские люди рисковали жизнью именно ради ее защиты. Признать это – значило отказаться от утверждения, будто советский строй держится на запугивании масс» [19].

Тем не менее, английские специалисты, анализируя источники побед Красной армии в ходе войны, пришли к выводу, что армия многонациональной страны – «политически сознательная армия народа», которая знает и любит то, за что она сражается, «армия мыслящих людей», тесно связанная с народом [3].

Один из главных источников силы, стойкости и героизма армии и народа в борьбе с захватчиками их зарубежные современники видели в единстве фронта и тыла, армии и народа. В ходе социологического опроса, проведенного в Англии в 1943 г., на вопрос «В чем вы видите главную причину успехов Красной армии?» большинство опрошенных ответили, что истоки ее побед в том, что все народы Советского Союза вместе участвуют в войне и знают, за что они борются [4]. Британские военные эксперты, признававшие влияние исторических, географических и природно-климатических факторов на ход военных действий, в то же время подчеркивали, что их не следует преувеличивать и недооценивать те изменения и успехи, которые были достигнуты в ходе индустриализации, достоинства Красной армии, ее военачальников и военной техники. Главную ошибку германского руководства они видели в том, что оно допустило грубейший просчет в своих расчетах на отсутствие сплоченности многонационального Советского государства и недооценило патриотическую готовность русских сражаться за свою родину [5].

Их соотечественники – делегация британских кооператоров, посетившая в 1944 г. ряд городов нашей страны, также отмечали, что самое сильное впечатление на них произвела любовь к своей родине самых различных слоев населения и их твердая решимость не жалеть усилий для достижения победы [6].

Эти же истоки патриотизма и силы народов нашей страны выделяли и другие средства массовой информации, политические и военные деятели. Вице-президент США Г. Уоллес публично признал, что причины «разительного примера мужества и стойкости», силы Советского Союза следует искать в предвоенных преобразованиях. Среди них он выделял то обстоятельство, что Россия «пошла дальше, чем какая-либо другая страна в отношении

применения этнической демократии», чему, призывал он, следует «поучиться у русских». К тому же, по мнению Г. Уоллеса, «в области просвещения осуществлена демократия со всей силой», что позволило народу «утолить вековую жажду грамоты, и в 20 лет Россия превратилась в нацию сплошной грамотности» [16]. Это мнение разделяли и представители общественности. «Да, русские действительно сплоченный народ, как ни один народ в мире, – утверждал американец А. Попе. – Русская церковь и все типы сектантов в России, все как один, встали на защиту своей Родины... В России нет расовой дискриминации, которые бы создавали причины для невзгод и конфликтов среди людей» [28].

Американский корреспондент С. Сульцбергер считал, что просчет Гитлера основывался на распространенном на Западе «пропагандистском клише о том, что русские не испытывают преданности к новой «вере». «...Он никогда не слышал, как бабушка – четыре ее сына воюют на фронте – сравнивает свои старые годы с тяжелой юностью, – писал журналист. – Я не пытаюсь делать вид, будто знаю, насколько глубоко эта преданность новому строю или понимаю стремление простого русского человека. Но я убежден, что этому народу... патриотизм сегодня свойственен не меньше, чем всегда» [18]. Его коллега Р. Паркер, пытаясь понять, чем отличается советский человек от своих предков, писал: «Основные инстинкты глубоко укоренились в характере русских. Социализм дал им идею, понятие смысла жизни и предназначения человека, которое нашло отклик в их сердцах. ...Чувство уверенности в себе, который русский приобрел в ходе экономических преобразований, произошедших у него на родине, является одним из самых удивительных достижений: с одной стороны, Россия избавилась от мук совести своих либералов XIX века, с другой – она была избавлена от агонии неопределенности, царившей среди масс трудящихся» [24].

На это же обращала внимание и эмигрантская антисоветская газета «Русская жизнь», издававшаяся в США, которая в 1941 г. призывала к свержению советского режима. «...Те, кто приписывает доблесть русской защиты только революционному воспитанию, не правы, – отмечалось в передовой статье газеты 15 сентября 1942 г. – Но и те, кто полагает, что в современной войне русский народ обнаруживает только исконные свои качества, тоже заблуждаются. Прошлое сплетается с настоящим. В современной войне выступает русский народ, перевоспитанный условиями новой жизни и испытаниями длительной революции» [14].

На сближение разных начал в патриотическом сознании советского народа указывал наблюдавший за ним на протяжении всей

войны английский журналист А. Верт. Он писал, что народ сражался в этой войне за Россию и за свои национальные традиции. Однако, подчеркивал вдумчивый наблюдатель и участник событий, «было бы слишком большим упрощением считать, что это была «национальная» или даже «националистическая» война и ничего больше». «Нет, – утверждал журналист и историк, руководствовавшийся принципами объективности и историзма в освещении прошлого, которые порой предают забвению наши современники, – в этой национальной, народной войне советские люди сражались так же за свою советскую власть» [7, с. 27].

Таким образом, участники войны, как соотечественники, так и союзники, а отчасти и захватчики, в отличие от многих наших современников, обращали внимание на разные истоки и стороны патриотизма народов нашей страны, восхищались мужеством и стойкостью армии и народа, пытались выявить причины и предпосылки силы нашей страны.

Список литературы

1. Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. – Вологда-Ярославль, 1998.
2. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. – М., 2003.
3. Британский союзник. – 1945. – № 3(125).
4. Британский союзник. – 1943. – № 4(24).
5. Британский союзник. – 1945. – № 2(127).
6. Британский союзник. – 1944. – № 49(121).
7. Верт А. Россия в войне 1941–1945. – М., 1967.
8. Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г. и др. Роковые решения. – М., 1958.
9. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию нападения Германии на Советский Союз / под ред. Р. Рюрупа. – Берлин, 1992.
10. Гальдер Ф. Военный дневник. 1939–1942. – Т. 3. Кн. 1. – М., 1971.
11. За рубежом. – 1970. – № 19.
12. За рубежом. – 1965. – № 19.
13. Известия. – 1985. – 8 мая.
14. Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны 1941–1945. – Воронеж, 1995.
15. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо Железных. – М., 2010. – URL: <http://e-libra.ru/read/238643-1941-god-glasami-nemzev.-beresovye-kresty-vmesto-zh...>
16. Комсомольская правда. – 1942. – 12 нояб.
17. Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942. – М., 1999.
18. По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941–1945 гг. / сост. А.Д. Шиндель. – М., 1995.

19. Паркер Р., Бюкар А. Подлость союзников. Как Запад предавал Сталина. – М., 2011. – URL: http://litrus.net/book/read/107767/Podlost_sojuznikov_Kak_Zapad_predaval_Stalina
20. Фриснер Г. Проигранные сражения. – М., 1966.
21. Якушевский А.С. «Большевизм вывел русских из ограниченности» (Представление населения о России) // Воен.-ист. журн. – 1994. – № 9. – С. 32–33.
22. The New York Times. – 1942. – 4 Jan.
23. The New York Times. – 1945. – 4 Feb.
24. The New York Times. – 1942. – 6 Dec.
25. Soviet Russia today. – 1943. – Jan.
26. Soviet Russia today. – 1943. – Aug.
27. Soviet Russia today. – 1942. – Oct.
28. Soviet Russia today. – 1942. – Apr.
29. The Times. – 1941. – 26 Sep.
30. The Times. – 1941. – 24 Sep.
31. URL://<http://www://Ognev.livejournal.com/70393.html>
32. The Times. – 1945. – 11 Apr.

**Особенности организации автомобильных перевозок
в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.):
исторический аспект**

В статье рассмотрены особенности организации автомобильных перевозок в первый период Великой Отечественной войны. Показаны преимущества автомобильного транспорта по сравнению с железнодорожным; описано влияние объективных и субъективных факторов на эффективность его использования. Проанализированы основные направления деятельности по организации функционирования автодорожного комплекса страны в военных условиях.

The article describes features of road transport organization during the first period of the Great Patriotic War. The advantages of road transport in comparison with railway are shown; the influence of objective and subjective factors on efficiency of its use is described. The main directions of activity on the organization of functioning of the country road complex in military conditions are analyzed.

Ключевые слова: автомобильный транспорт, автомобильные перевозки, автомобильные войска, «Дорога жизни».

Key words: motor transport, road transportation, motorized troops, «Road of life».

Вооруженные силы России представляют собой постоянно развивающуюся систему, необходимым элементом которой является автомобильный транспорт. Его эффективное использование в экстремальных ситуациях военного конфликта принято считать одним из индикаторов, позволяющих судить о способности государства адекватно отвечать на внешнюю угрозу своей национальной безопасности. В свою очередь, одной из важных форм его применения является организация автомобильных перевозок.

Важные аспекты, затрагивающие эту проблему в самый сложный период Великой Отечественной войны, рассматривались в трудах многих отечественных авторов. Так, в исследованиях, касающихся становления и развития отдельных служб тыла, анализировались процессы формирования автомобильной службы, автомобильных войск [1; 4; 10].

В работах А.С. Кудрявцева и З.И. Кондратьева показана зависимость эффективности работы автотранспорта от дорожных условий [5; 7]. В диссертационных исследованиях Е.А. Бочкова и Г.П. Рифицкого в рамках анализа системы тылового обеспечения

Красной армии, создания резерва автотранспорта Ставки Верховного Главнокомандования также было уделено внимание автомобильным перевозкам [2; 8].

Вместе с тем в них не получили ещё достаточного освещения особенности организации автомобильных перевозок с учётом диалектического взаимодействия объективных и субъективных факторов в конкретный хронологический период. В настоящей статье предпринята попытка в определённой степени восполнить существующий пробел. Под объективными факторами будем понимать совокупность погодно-климатических условий; военно-технический уровень противоборствующих сторон. К субъективным факторам необходимо отнести организационную деятельность командования; ратный труд военных автомобилистов и дорожников, их роль в подготовке и проведении фронтовых операций как оборонительного, так и наступательного характера.

К началу Великой Отечественной войны армейский парк составлял 272,6 тыс. машин, из которых 95 % были грузовыми и специальными. Также в наличии имелись 5 784 бронеавтомобиля. К 21 августа 1941 г. автопарк уменьшился до 271,4 тыс., т. е. сократился на 1 200 единиц [11. Д. 5. Л. 40–46].

Поэтому к главным направлениям деятельности по организации функционирования автодорожного комплекса страны в первый период войны необходимо отнести, прежде всего, мобилизацию автомобильного транспорта из народного хозяйства в Красную Армию. До конца 1941 г. из автохозяйств было мобилизовано и поступило в распоряжение РККА 166,3 тыс. автомашин из которых 93 % составляли бортовые полутора- или трёхтонные грузовики (151,1 и 104,2 тыс. единиц соответственно). На 1 января 1942 г. (с учётом мобилизации и потерь) насчитывалось 148,7 тыс. полуторок и 89,1 тыс. трёхтонок [6, с. 366, 368].

В таких сложных условиях всё большее значение приобретало выстраивание соответствующей военным реалиям структуры автотранспортных частей и организации автомобильных перевозок между фронтом и тылом. Последняя зависела от ряда следующих условий:

- характера военных операций (наступательные или оборонительные);
- состояния дорог и погодно-климатических условий (зима или лето);
- способа организации руководства автомобильными частями.

В первые месяцы войны были созданы автомобильные бригады, однако уже к ноябрю 1941 г. стало ясно, что недостаток техники и неполнота личного состава не позволяют эффективно использовать подобную организационную модель. Бригады были упразднены

ны, а вместо них созданы автомобильные полки. Каждый полк состоял из четырех батальонов по 240 автомобилей в каждом. Такие полки зарекомендовали себя как мощный транспортный резерв Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтов при обороне Москвы, а также на Воронежском и Сталинградском фронтах. С апреля по июль 1942 г. была проведена реорганизация, в результате которой количество автомобильных рот в батальоне снизилось с четырех до трех при общей численности 301 чел. и 156 автомобилей. Вместе с тем отдельные батальоны для подвоза горючего состояли из четырех рот общей численностью 441 чел. и 262 автомобиля [3]. Наиболее эффективной оказалась работа тех автомобильных частей, в которых были две смены водителей. В феврале 1942 г. приказом наркома обороны такой же режим был введён во всех имеющихся автомобильных частях.

Еще одним важным направлением деятельности по повышению эффективности использования автотранспорта следует считать организацию движения на военно-автомобильных дорогах. В тяжёлых условиях оборонительных боёв силами автотранспортных частей решались важные задачи: прежде всего, это обеспечение манёвренности войск, т. е. выполнение оперативных перевозок частей и соединений в крупных масштабах. Оптимальным расстоянием для перевозки стрелковой дивизии с точки зрения военной теории считались 200–400 км. Для подобных перевозок стали приспособлять бортовые грузовики. Их платформы дополнялись съёмными поперечными досками-скамьями: к примеру, на ГАЗ-АА ставили четыре скамейки для 16 бойцов, а на трёхтонный ЗИС-5 – пять скамеек для 20–25 бойцов. В плохую погоду кузова могли прикрываться тентами [9]. Таким способом, 24 июня 1941 г., четыре стрелковые дивизии были перевезены из-под Барановичей в район Слонима и введены в бой с прорвавшимися частями немецких войск. Это была первая массовая оперативная перевозка войск автотранспортом в ходе войны. Особенно крупные оперативные перевозки войск были выполнены во время оборонительного сражения под Москвой.

Например, 14-я автобригада резерва Ставки Верховного Главнокомандования в июле 1941 г. перевезла шесть стрелковых дивизий из Москвы в район Вязьмы – на расстояние от 120 до 300 км [12. Д. 16. Л. 17].

В ноябре 1941 г. той же автобригаде было приказано срочно и скрытно перевезти 133-ю стрелковую дивизию в район Яхромы, где немецко-фашистские войска, захватив г. Клин, рвались к каналу Москва-Волга, угрожая перерезать последнюю дорогу, связывавшую столицу с Калининским и Северо-Западным фронтами. Дивизия в это время вела оборонительный бой в другом месте, и «братъ её надо было прямо из окопов, из-под орудий врага» [5, с. 81–86]. До-

рога к месту дислокации была только одна: Москва – Дмитров – Кимры. На выполнение задания – одна ночь. До рассвета дивизию надо было доставить к Дмитрову. Оперативная автомобильная перевозка была организована следующим образом:

1. Было выделено 1000 автомашин, которые выезжали небольшими группами до 10 машин с интервалом в полчаса. Ехали практически вслепую. Чтобы не потеряться, устанавливали под кузовом автомобиля световой маячок так, чтобы его не было видно сверху. Фары включать запрещалось, подфарники прикрывали с трёх сторон и их мог видеть только водитель последующей машины.

2. В Кимрах представители Калининского фронта отправляли по 2–3 машины в район погрузки, на которую старались затратить минимум времени, и машины тут же отправлялись в обратный путь к Дмитрову. До рассвета вся дивизия была перевезена и с ходу вступила в бой.

Опыт оперативных перевозок в условиях оборонительных боёв выявил следующие особенности:

✓ во-первых, передвижение большой колонной оказалось неэффективным: скопление машин было уязвимо с воздуха, на погрузку-разгрузку уходило много времени, в обратный рейс автомобили шли порожняком. Более эффективным оказался так называемый «челночный» способ. При нём автомобили двигались парами или небольшими группами, что позволяло увеличить среднесуточный пробег подвижного состава и уменьшить расход топлива за счёт увеличения скорости;

✓ во-вторых, положительно зарекомендовало себя движение групп через определённые интервалы времени (не менее получаса). В этом случае ликвидировались остановки для ожидания отставших машин;

✓ в-третьих, движение небольшими группами давало возможность обеспечить в максимальной степени скрытность перевозки от противника, снизить потери от воздействия вражеской авиации.

Несколько иными чертами характеризовались крупные оперативные перевозки на большие расстояния. В декабре 1941 г. та же 14-я автомобильная бригада совместно с 10-м автомобильным полком и двумя отдельными батальонами перевезли четыре стрелковых дивизии со всем имуществом, вооружением и боеприпасами на помощь войскам Ленинградского фронта из районов Люберец, Красково, Малаховки, Томилино в район Осташково – на расстояние свыше 450 км. Такая крупная перевозка войск в условиях снежных заносов стала для автомобилистов серьёзным испытанием. Вот как об этом рассказывал в своих мемуарах генерал З.И. Кондратьев, которому было приказано организовать эту операцию: «... дороги только что освобождены, завалы на них не разобраны, мосты – взо-

рваны; на обочинах – снятые мины... Мороз 27–29 градусов, пурга... дивизии разбросаны по пяти населённым пунктам. Срок – 14 дней... Для организации такой крупной перевозки был необходим чёткий, развёрнутый план, учитывающий как природно-климатические условия, так и состояние дорог» [5, с. 90].

Основными пунктами этого плана были следующие:

- ✓ организовать сборные погрузочные площадки для людей и имущества, чтобы не объезжать все пункты дислокации дивизии;

- ✓ колонну вести не единственной дорогой, а разбить на два маршрута: Северный и Южный, по каждому из которых осуществить два рейса; движение запланировать только в светлое время суток, для чего предусмотреть прикрытие с воздуха;

- ✓ по маршрутам выслать разведку, которая должна приготовить дорогу к движению колонны: расчистить завалы, снежные заносы;

- ✓ вперёд выслать колонны автоцистерн с горючим и оборудовать временные заправочные станции; на последних обеспечить горячее питание, летучие команды из армейских автобатальонов для профилактического ремонта, подмену, при необходимости, вышедших из строя автомобилей;

- ✓ утеплить автомобили фанерными щитами, соломенными матами; снабдить брезентовыми тентами и палатками;

- ✓ оборудовать часть автомобилей станками для лошадей (в каждой дивизии имелся свой конный транспорт, и в такой мороз животных также решили перевезти на автомобилях).

План был подробным и чётким, а вот при его выполнении возникло большое количество трудностей, особенно во время первого рейса. Но, несмотря на серьёзные недочёты, операция была выполнена: в первых числах января все части были на месте и вступили в бой. Автомобилисты сдали серьёзный экзамен и доказали, что способны обеспечить крупные оперативные перевозки на дальние расстояния [5, с. 91–96].

Не менее важной задачей была эвакуационная перевозка больных и раненых, повреждённой боевой техники, вооружения, имущества и населения из прифронтовой зоны. Специальных санитарных автомобилей катастрофически не хватало. Необходимо было найти возможности оперативно переоборудовать серийные бортовые автомобили для перевозки раненых и больных. Так, военный инженер третьего ранга В. Захарченко разработал комплект съёмных деталей для приспособления кузова обычной полупортки ГАЗ-АА под санитарный фургон: по углам кузова устанавливались четыре деревянные стойки для подвешивания шести носилок в три яруса и каркаса для тента. Седьмые носилки размещались в проходе, где также могли располагаться сидячие раненые [6, с. 403].

К особенностям организации автомобильных перевозок в конце 1941 – начале 1942 г. следует отнести необходимость учёта погодных условий (сильнейших морозов, снежных заносов и т. д.). Выше уже был приведён пример переброски крупных соединений в сложных погодных условиях.

Другим примером может служить создание знаменитой автомобильной «Дороги жизни» – постоянно действующей зимней автомобильной коммуникации через Ладожское озеро во время блокады Ленинграда. По этой трассе с 24 ноября 1941 г. по 21 апреля 1942 г. автотранспортом было эвакуировано более полумиллиона человек: в январе – 11 296 чел., феврале – 117 434 чел., марте – 221 947 чел., апреле – 163 392 чел.; всего – 514 069 чел. [13. Д. 3. Л. 8–43].

Специфика ее успешной эксплуатации заключалась в следующем:

1) ширина дороги должна была быть не менее 10 метров для двустороннего движения;

2) обязательное условие – наличие отдельных полос движения для пешеходов, гужевого и автомобильного транспорта;

3) необходимо было иметь возможность оперативно произвести смену направления трассы в зависимости от изменения толщины льда, скорости и направления ветра и т. п.

Уже в декабре 1941 г. были оборудованы пять широких трасс: две предназначались для подвоза продовольствия; две – для перевозки боеприпасов, горючего, технического имущества; одна – запасная. Массовое использование автомобильного транспорта на ледовой трассе по Ладожскому озеру стало возможным также благодаря тактике сосредоточения техники на решающих направлениях, проведения мероприятий по техническому обслуживанию, чёткой организации дорожного движения. В частности, необходимо было обеспечить:

- предварительный подогрев воды и масла для запуска двигателей;

- защиту от мороза перевозимых продуктов питания;

- снабжение водителей спальными мешками и тёплыми одеялами, а на крытых машинах – установку временных печей для отопления.

Получило распространение парное движение автомобилей, что при необходимости обеспечивало взаимопомощь и буксировку. В первую зиму дорога просуществовала 152 дня. Автомобилисты прошли более 40 млн км. В Ленинград всего было доставлено 361 тыс. т различных грузов. В том числе: 271 тыс. т вооружения и боеприпасов, 35 тыс. т горючего, 23 тыс. т угля [5, с. 176].

Огромная работа была проделана автотранспортом резерва Ставки Верховного Главнокомандования по обеспечению войск в период подготовки и в ходе битвы за Сталинград. Было перевезено около 20 стрелковых дивизий на расстояние 120–450 км; 150 тыс. т грузов снабжения, в том числе 100 тыс. т боеприпасов [13. Д. 3. Л. 8–43]. Условия подвоза грузов осложнялись тем, что их приходилось переправлять к линии фронта с баз, которые находились на левом берегу Волги. В тот момент наиболее эффективным оказался способ перевозки двумя звеньями: сначала грузы подвозились на автомобилях к восточному берегу Волги, затем перегружались на плавательные средства, переправлялись на западный берег и в конце доставлялись в войска снова на автомобилях. Такая организация перевозок практически исключала простой автотранспорта в ожидании переправы.

Изучение опыта организации и осуществления военных автомобильных перевозок между фронтом и тылом в 1941–1942 гг. позволяет сделать следующие выводы:

✓ во-первых, автомобильный транспорт оказался очень важным и маневренным видом транспорта, особенно в военных условиях, когда противник в первую очередь стремился разрушить железнодорожное сообщение;

✓ во-вторых, высокая мобильность автотранспорта позволила минимизировать усилия при выборе оптимальных способов перевозок в зависимости от погодных условий и характера конкретной военной операции;

✓ в-третьих, большое значение имела деятельность по совершенствованию управления автотранспортными частями и соединениями.

Последнее, в частности, предопределило необходимость иметь в Ставке Верховного Главнокомандования постоянный резерв, части которого находились в непосредственном подчинении начальника тыла Советской армии. Данный резерв позволил максимально эффективно использовать автотранспорт для подготовки и проведения как оборонительных, так и наступательных военных операций 1943–1945 гг.

Список литературы

1. Автомобильная техника. Автомобильные войска. Автомобильная служба / под ред. И.В. Балабая. – М., 1982.
2. Бочков Е.А. Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в межвоенный период 1921–1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2007.
3. Голушко И.М. [и др.]. Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под общ. ред. ген. армии С.К. Куркоткина. – М., 1977.
4. История тыла российских вооружённых сил (XVIII–XX вв.): в 4 кн. / под ред. В.И. Исакова. – СПб., 2000.

5. Кондратьев З.И. Дороги войны. – М., 1968.
6. Кочнев Е.Д. Автомобили Красной Армии 1918–1945. – М., 2009.
7. Кудрявцев, А.С. Очерки истории дорожного строительства в СССР (послеоктябрьский период). – М., 1957.
8. Рифицкий Г.П. Развитие автомобильно-дорожного комплекса России накануне и в годы Великой Отечественной войны (исторический аспект): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1999.
9. Рубец А.Д. История автомобильного транспорта России. – М., 2008.
10. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / В.Т. Анисков, А.В. Басов, А.М. Беликов [и др.] / отв. ред. Г.А. Куманев. – М., 1988.
11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 90. Оп. 123757.
12. ЦА МО РФ. Ф. 41. Оп. 346668.
13. ЦА МО РФ. Ф. 41. Оп. 27014.

Л.В. Смирнова, С.Н. Уваров

Эвакуация жителей Ленинграда и Ленинградской области в Удмуртию в годы Великой Отечественной войны

Рассматривается малоисследованная тема эвакуации жителей Ленинграда и Ленинградской области в Удмуртию в годы Великой Отечественной войны. Анализируется их численность, размещение, условия проживания, отмечаются проблемы учета. Эвакуация позволила спасти жизни тысячам выехавшим ленинградцам и облегчила продовольственное снабжение оставшимся в блокаде.

The article discusses the underexplored topic of evacuation of the residents of Leningrad and Leningrad region in Udmurtia during the Great Patriotic war. Their number, placement, living conditions are analyzed, there are problems of accounting. Evacuation saved those who moved from Leningrad, and facilitated food supply remaining in the siege.

Ключевые слова: эвакуация, население, Великая Отечественная война, Ленинград, Ленинградская область, Удмуртия.

Key words: evacuation, population, the Great Patriotic War, Leningrad, Leningrad region, Udmurtia.

Эвакуация из Ленинграда в годы Великой Отечественной войны занимает особое место в истории героической обороны города. Эта тема освещалась рядом исследователей [1; 2; 4; 8], отдельно рассматривалась реэвакуация в Ленинград [3]. Тем не менее, считать данную тему исследованной в полной мере нельзя. Еще меньше изучено размещение эвакуированных ленинградцев по областям страны, хотя в некоторых регионах эвакуированные жители Ленинграда и Ленинградской области составляли очень заметную долю. Так, например, в Удмуртской АССР они занимали 1–2 место среди всех эвакуированных в республику. Наиболее подробно эвакуация населения в Удмуртию в годы войны была исследована Н.А. Родионовым. Он рассмотрел прием, размещение, трудовую деятельность эвакуированных, выявил их количество. Однако им приведена численность эвакуированных из Ленинграда лишь на 9 и 26 декабря 1942 г., 10 февраля 1943 г. Он показал распределение эвакуированных ленинградцев по некоторым районам на 10 февраля 1943 г., а также назвал эвакуированные образовательные учреждения: Ленинградский машиностроительный техникум, Ленинградский техникум

пищевой промышленности, ремесленное училище № 52 (145 чел.), 1-я музыкальная специальная школа (100 чел.) [6, с. 144–148].

Полный список предприятий и учреждений Ленинграда, эвакуированных в Удмуртию, был опубликован в 1995 г. и оказался не очень длинным. Помимо названных Н.А. Родионовым, в него вошли: 5-я ГЭС, табачная фабрика им. К. Цеткин, 2-е и 3-е пехотные училища, НИИ «Гипрогор», экспонаты пригородных дворцов-музеев [9, с. 319–325].

Эвакуацию населения на Урал в годы войны изучала М.Н. Потемкина. По ее данным, из Ленинграда и Ленинградской области к началу 1943 г. на Урал было эвакуировано 264,7 тыс. чел., из них 16,4 тыс. чел. разместились в Удмуртской АССР [5, с. 81]. В целом можно сказать, что заявленная тема является малоизученной. В данной статье предпринимается попытка осветить проблему эвакуации жителей Ленинграда и Ленинградской области в Удмуртию и связанные с этим вопросы (учет, размещение, условия проживания).

Всего с 29 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. из Ленинграда были эвакуированы 1 743 129 чел. Из них жители города составили 1 448 338 чел., население районов Ленинградской области – 147 291 чел., население прибалтийских республик – 147 500 чел. [10. Л. 45]. Значительная часть эвакуированных из Ленинграда разместились в Удмуртской АССР. С 21 июля 1941 г. руководство эвакуационными мероприятиями на территории Удмуртии стал осуществлять Переселенческий отдел при СНК УАССР. В декабре 1941 г. его функции были переданы уполномоченному Управления по эвакуации населения по УАССР. С 1 марта 1942 г. на его базе был создан Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР. Постановлением правительства республики от 5 октября 1945 г. он был вновь реорганизован в Переселенческий отдел при СНК УАССР.

Уже к 9 августа 1941 г. из Ленинграда в Удмуртию было направлено 12 776 чел. [4, с. 19]. Так, 16 июля на станцию Ижевск выехали поездом 2 969 эвакуированных, 17 июля – 2 787 чел., 19 июля – 2 932 чел., 20 июля – 1 617 чел., 23 июля – 1 562 чел. [11. Д. 303. Л. 6, 7, 67, 77, 83]. При исполкоме Ленинградского горсовета была создана штатная должность уполномоченного по эвакуации женщин и детей в Удмуртскую АССР, которую на момент ликвидации в январе 1942 г. занимала В.А. Нечаева [12. Д. 57. Л. 31].

Однако к 9 августа в Удмуртию прибыло всех эвакуированных 13 005 чел., в том числе 126 ленинградцев. Даже к 1 сентября 1941 г., как видно из табл. 1, количество эвакуированных ленинградцев в Удмуртии составляло 442 чел., из Ленинградской области – 994. По всей видимости, эвакуированные, пользуясь

возможностью высаживаться в городах, расположенных на пути следования, это и сделали [4, с. 21].

Таблица 1

Количество эвакуированных в Удмуртской АССР в 1941 г., чел.¹

	По состоянию на										
	09.08	15.08	01.09	15.09	01.10	15.10	01.11	15.11	01.12	15.12	31.12
Всего	13005	13980	15456	16800	22319	26137	30793	34643	36986	38302	40903
из Ленинграда	126	418	442	561	563	620	620	620	620	620	663
из Ленингр. обл.		584	994	1981	5345	7479	9755	10562	10856	11081	12021

В целом за 1941 г. жителей Ленинграда прибыло в республику немного. Эвакуированные из Ленинградской области массово стали прибывать с начала сентября 1941 г., к концу года их численность составляла 29,4 % от всех эвакуированных в Удмуртии. В 1942 г. количество жителей Ленинграда значительно увеличилось: настоящий всплеск был в августе 1942 г., когда их число в республике увеличилось почти вдвое (табл. 2).

Таблица 2

Количество эвакуированных в Удмуртской АССР в 1942 г., чел.²

	По состоянию на									
	01.01	01.02	01.03	01.07	01.08	01.09	01.10	01.11	01.12	
Всего	40903	44227	47366	63061	63794	70481	70606	71310	73195	
из Ленинграда	663	772	1143	1862	2001	4242	4257	4361	4757	
из Ленингр. обл.	12021	13714	14769	12311	12346	12059	12059	12059	12065	

Количество жителей Ленинградской области на территории республики на начало и конец 1942 г. было практически одинаковым, из чего можно сделать вывод, что в этом году их не эвакуировали. Показанные в таблице 2 цифры на 1 февраля и 1 марта объясняются, скорее всего, ошибками в учете. На 1 апреля 1942 г. Переселенческий отдел при СНК УАССР представил два совершенно не совпадающих отчета о количестве эвакуированных. В первом, составленном по форме, использовавшейся с начала войны, сообщалось о 1 456 жителях Ленинграда и 16 356 жителях Ленинградской области. Во втором, составленном по новой форме № 2, употреблявшейся до окончания реэвакуации, речь шла

¹ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 13, 14, 17, 18, 24, 25, 28, 29, 37, 38, 40, 41, 43–45, 48.

² Там же. Л. 48, 49, 52, 53, 57, 58, 69, 70 об., 71, 72 об., 73, 74 об., 75, 76 об., 77, 78 об., 79, 80 об.

соответственно о 1 632 и 10 775 эвакуированных [12. Д. 5. Л. 61, 62, 66 об.]. В более позднее время также выявлялось несовершенство учета. Например, в Ижевске на 1 июля 1943 г. значилось 15 458 чел. эвакуированного населения, а при проверке на 20 июля 1943 г. оказалось 6 179 чел., в Можге соответственно – 1 319 и 1 205 чел., в Граховском районе – 1 370 и 607 чел. [12. Д. 123. Л. 7].

По численности эвакуированных Ленинград и Ленинградская область на 1 сентября 1942 г. занимали второе место, немного уступая Москве и Московской области. Однако с 1943 г., по мере возвращения москвичей на родину, ленинградцы до октября 1944 г. включительно занимали первое место, уступив затем его жителям Украинской ССР, которых в Удмуртии тоже было немало.

Расселение эвакуированных в Удмуртской АССР производилось с учетом экономической мощности, наличия промышленных, промысловых и других предприятий. Эвакуированные из Ленинграда расселялись равномерно по всей территории республики. На 1 ноября 1943 г. в городах Удмуртской АССР проживало 2 255 жителей Ленинграда и 1 390 – Ленинградской области, в районах – 3 559 и 7 692 чел. соответственно [12. Д. 128. Л. 110]. К 1 марта 1945 г. на территории Удмуртской АССР проживало 2 645 жителей Ленинграда, из них 1 473 – в городах. Из Ленинградской области на тот же период оставалось 2 392 чел., из них 696 чел. – в городах [13. Д. 7. Л. 7, 23].

Половозрастной состав эвакуированных из отдельных областей в отчетах переселенческих органов не указывался. Лишь по настоянию исполкома Леноблсовета в отделе по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР сообщили, что в январе 1944 г. в республике проживает 8 980 чел. из Ленинградской области, из них мужчин – 2 792 чел., женщин – 3 505 чел., детей до 14 лет – 2 683 чел. [13. Д. 6. Л. 4–5]. Трудоспособных мужчин с берегов Невы было очень мало, поскольку в Удмуртию практически не эвакуировались ленинградские промышленные предприятия. Если говорить про все эвакуанное население, то в Удмуртии на 1 декабря 1942 г. числилось 29 994 мужчин и 43 201 женщина, из них 23 689 – дети до 14 лет [12. Д. 5. Л. 79]. На 1 января 1943 г. из разместившихся в сельской местности (исключая города и поселки городского типа) 90 % были женщины, дети, старики [7, с. 113].

Условия проживания эвакуированных ленинградцев были типичными для прибывших в Удмуртию. Обеспечение жилой площадью эвакуированного населения производилось за счет уплотнения в коммунальных, частновладельческих домах и частично за счет приспособления ранее нежилых домов, бараков и помещений, принадлежащих культурно-просветительским учреждениям.

Эвакуированные трудоустраивались, как правило, с учетом их возможностей и специальности. Удельный вес обеспеченных работой известен лишь в целом по республике, а также по отдельным городам и районам. По состоянию на 1 февраля 1942 г. из 27 500 трудоспособных эвакуированных работали только 20 805 чел. (76,7 %). Главной причиной невыхода на работу являлся недостаток одежды и обуви. Например, в Вавожском районе П.Д. Роза, эвакуированный из Ленинградской области, работал на железной дороге, неплохо справлялся со своими обязанностями. Но из-за отсутствия теплой одежды, как выяснила проверка в марте 1943 г., ему пришлось прекратить свою работу.

Из-за нехватки одежды и обуви не всем детям эвакуированных удавалось посещать школу. Например, в сентябре 1943 г. в Киясовском районе у большинства эвакуированных дети в школу не ходили [12. Д. 63. Л. 3, 36]. Серьезность положения с одеждой и обувью подтверждается выборочным анализом жалоб, поступивших в отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР. Так, в июле 1943 г. из 37 жалоб от эвакуированных 21 касалась приобретения обуви и одежды, 5 – недостаточного снабжения продуктами питания, 4 – жилищных условий, 3 – несвоевременного расчета с колхозами [12. Д. 123. Л. 6 об.]. В зимний период жалоб на нехватку обуви и одежды, надо полагать, было еще больше. Мероприятия по обеспечению эвакуированного населения одеждой и обувью (удовлетворялись жалобы, проводились месячники помощи эвакуированным и т. д.) принесли свои плоды: на 1 января 1943 г. доля трудоустроенных составила 99,2 % [5, с. 261], на 1 января 1944 г. – 99,7 % [12. Д. 165. Л. 2]. В январе 1945 г. по материалам проверю, в основном все дети эвакуированных посещали школы.

Продовольственное обеспечение эвакуированного населения оставляло желать лучшего. Положение эвакуированных из Ленинграда несколько облегчалось повышенными нормами снабжения. Постановлением СНК УАССР от 3 апреля 1942 г. в Удмуртии нормы хлеба для эвакуированных из Москвы и Ленинграда были повышены до 500 г, для остального эвакуонаселения остались на уровне 400 г. Этого количества, конечно, было недостаточно, эвакуированные из блокадного Ленинграда приезжали очень ослабленные. К примеру, в январе–апреле 1942 г. в Удмуртию прибыло 1 248 ленинградцев, из них 391 чел. были госпитализированы. Из следовавших через Сарапул в другие районы и области эвакуированных ленинградцев в апреле 1942 г. ежедневно 5–10 чел. останавливались в городе для восстановления сил на срок от 3 до 10 дней, так как не могли ехать дальше [13. Д. 4. Л. 33, 76, 78].

Кроме хлеба, других продуктов часто не было. В зимний период особенно трудно было с молоком, его не выделяли даже детям во многих колхозах. С октября 1943 г. правительственным распоряжением нормы выдачи хлеба в сельской местности были снижены для служащих до 300 г, для иждивенцев – до 150 г в день. Кроме того, в 1943 г. отмечался неурожай, в силу чего материальное положение многих семей ухудшилось [12. Д. 125. Л. 2 об.].

В основном эвакуированных старались селить в крепких колхозах, но соблюдалось это правило не везде. Поэтому положение эвакуированных было различным. Например, в колхоз «Виль-Улон» Якшур-Бодьинского района в конце 1942 г. прибыло три семьи из Ленинградской области. По приезду им выдали по 4 кг муки на человека, 6 кг картофеля. Все трудоспособные работали в колхозе, ежедневно им выделяли молоко, кроме того, они получали хлеб в сельпо. Обратный пример – в Малопургинском районе жила эвакуированная из Ленинграда Подлипская, воспитывала двух детей своей сестры, умершей во время блокады. Пособие на детей не получала и нуждалась во всем, так как не имела документов о том, что их отец мобилизован в РККА [12. Д. 63. Л. 5 об., 26].

В целом минимальные условия для проживания эвакуированным были обеспечены, серьезных конфликтов у приезжих и местных не было, эвакуированные из Ленинграда и Ленинградской области внесли большой вклад (экономический, культурный и т. д.) в жизнь республики.

История ленинградской реэвакуации началась в 1943 г., когда стали выдавать первые разрешения на въезд в город [3, с. 178]. Однако разрешения на выезд давали не всем, и люди уезжали в Ленинград по своей инициативе. Соответственно, при этом существовал большой недоучет реэвакуированных, так как многие не снимались с учета в горрайисполкомах. По мнению руководителя отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР, выехавших без отметок в 1943 г. было большинство [13. Д. 5. Л. 6]. С середины 1941 г. и до конца 1947 г., когда уже практически закончилась реэвакуация, количество прибывших в города Удмуртии из Ленинграда на 1 841 чел. превысило число выехавших обратно (табл. 3). Конечно, часть эвакуированных по достижении призывного возраста ушли в армию, кто-то мог умереть в республике, но вряд ли их было столько. Механический прирост жителей Ленинградской области был меньше, но они в основном селились в сельской местности, в которой учет мигрантов не проводился.

Таблица 3

**Сведения о передвижении населения Удмуртской АССР
в 1941–1947 гг., чел. (по городам и городским поселениям)¹**

	Прибыло		Выбыло		Механический прирост за счет	
	из Ленинграда	из Ленингр. обл. (без Ленинграда)	в Ленинград	в Ленингр. обл. (без Ленинграда)	Ленинград	Ленингр. обл. (без Ленинграда)
1941 (второе полугодие)	3481	1820	22	42	3459	1778
1942	2114	508	68	98	2046	410
1943	189	179	42	86	147	93
1944	95	112	1819	710	-1724	-598
1945	119	66	1377	462	-1258	-396
1946	230	88	924	207	-694	-119
1947	284	496	419	816	-135	-320

В 1944 г. выезд в Ленинград и особенно в Ленинградскую область из Удмуртии приобрел массовый характер (табл. 3 и 4). Этому способствовало распоряжение СНК СССР от 11 августа 1944 г., которое разрешило Ленинградскому облисполкому возвратить к прежнему месту жительства в августе–ноябре 1944 г. и марте–апреле 1945 г. ранее эвакуированное население. Из Удмуртии планировалось вернуть 3 000 чел. в августе, 4 200 чел. – в сентябре 1944 г. [11. Д. 482. Л. 6, 8]. Как показано в табл. 4, исполнено это не было.

Таблица 4

**Количество эвакуированных в Удмуртской АССР
в 1944–1945 гг., чел.²**

	По состоянию на:											
	01.01	01.02	01.03	01.04	01.05	01.06	01.07	01.08	01.09	01.10	01.11	01.12
1944 г.												
Всего	54612	53130	52120	51834	49154	47711	46818	45000	43565	38372	31047	27899
из Ленинграда	5750	5670	5662	6027	5279	5897	5583	5513	5315	4187	3808	3650
из Ленингр. обл.	9082	9018	8970	8913	9017	8172	8160	7391	6922	5915	3190	2798
1945 г.												
Всего	24967	22891	22461	22501	22375	21597	21164	20613	18858	16496	15868	15724
из Ленинграда	3331	2571	2645	2649	2608	2554	2903	2777	2628	2329	2105	2067
из Ленингр. обл.	2615	2420	2392	2416	2400	2483	2115	1990	1318	1058	979	969

¹ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 5. Л. 24; Д. 7. Л. 26; Д. 9. Л. 18; Д. 11. Л. 17; Д. 13. Л. 16; Д. 15. Л. 13; Д. 20. Л. 1.

² Там же. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 165. Л. 1, 6, 21, 32, 41, 47, 51, 57, 60, 64, 71, 78; Д. 166. Л. 1, 7, 15, 21, 29, 37, 52, 60, 64, 70, 75, 90.

В 1945–1946 гг. темпы реэвакуации были не такими существенными (табл. 4 и 5). К концу 1946 г. в республике остались те, кто категорически не желал возвращаться, а также те, кто откладывал реэвакуацию на неопределенное время. На 1 января 1948 г. в Удмуртии насчитывалось 1 345 эвакуированных [5, с. 256], которые, можно считать, остались в республике.

Таблица 5

Количество эвакуированных в Удмуртской АССР в 1946 г., чел.¹

	По состоянию на:											
	01.02	01.03	01.04	01.05	01.06	01.07	01.08	01.09	01.10	01.11	01.12	31.12
Всего	1497	14128	13863	13460	13154	12707	12119	11705	10332	10319	10296	10154
из Ленинграда	1827	1389	1363	1346	1264	1221	1182	955	855	853	900	866
из Ленингр. области	967	951	943	896	861	761	625	598	496	451	529	522

Таким образом, Удмуртская АССР явилась регионом, где разместилось не так много эвакуированных ленинградцев. Однако в общем составе эвакуированных в Удмуртию их доля была значительной, доходя до трети от общего количества. Прибывали они неравномерно: если в 1941 г. размещали в основном эвакуантов Ленинградской области, то в 1942 г. – из Ленинграда. Жители области размещались в основном в сельской местности, преобладание жителей города в районах было не таким значительным. Эвакуация позволила спасти жизни тысячам выехавшим ленинградцам и облегчила продовольственное снабжение оставшимся в блокадном городе.

Список литературы

1. Амосова А.А. Эвакуация населения Ленинграда // Величие непокоренного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. – СПб., 2008. – С. 128–135.
2. Данилов П.П. Эвакуация населения и оборудования из Ленинграда в 1941–1943 годах // Отеч. история. – 2006. – № 3. – С. 55–64.
3. Карпенко И.А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. // Вестн. С.-Петербур. ун-та. – 2006. – Сер. 2. История. – Вып. 4. – С. 177–181.
4. Ковальчук В.М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года // Отеч. история. – 2000. – № 3. – С. 15–24.
5. Потемкина М.Н. Эвакопоселение в уральском тылу (1941–1948 гг.): моногр. – Магнитогорск, 2006.

¹ ЦГА УР. Ф. 3-755. Оп. 1. Д. 234. Л. 6, 7об, 12, 13 об., 19, 20 об., 24, 25 об., 28, 29 об., 34, 35 об., 38, 39 об., 51, 52 об., 56, 57 об., 61, 62 об., 65, 66 об., 73, 74 об.

6. Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) // В годы суровых испытаний: о ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии: сб. ст. – Усти-Устинов, 1986. – С. 141–166.

7. Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. – Ижевск, 2014.

8. Уродков С.А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1958. – № 8. – С. 88–102.

9. Удмуртия в Великой Отечественной войне: сб. док. – Ижевск, 1995.

10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4965. Оп. 3.

11. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-551. Оп. 2.

12. ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1.

13. ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 3.

14. ЦГАУР. Ф. Р-845. Оп. 7.

УДК 94(47)«1523/1524»

И.Б. Михайлова

Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг.

В статье исследуется проблема русско-казанской войны 1523–1524 гг. Проблема рассматривается на основе анализа широкого круга источников: летописей, разрядных книг, записок современников. Автор подробно освещает события, называет имена их участников, объясняет причины побед и поражений русских войск и казанцев, показывает историческое значение военных действий 1523 и 1524 гг. в Среднем Поволжье.

The article is devoted to the war between Russia and Kazan in 1523–1524 years. The author applies on a wide range of sources such as chronicles, rank books, notes of contemporaries. Mikhailova I.B. covers facts, denominates the names of participants, and explains the reasons of victory and defeat of Russian and Kazan armies. The author points out the historical significance of the military campaign of 1523 and 1524 years in the middle Volga region.

Ключевые слова: Московское государство XVI в., Казанское ханство, Василий III, Сафа-Гирей, военный поход, конница, военное судно.

Key words: Muscovy in XVI century, Kazan khanate, Vasili III, Safa Giray of Kazan, military campaign, cavalry, warship.

Летом 1505 г. казанцы ликвидировали признанный ими с 1487 г. протекторат Москвы, восстановили контроль над Волжским торговым путем, вновь создали очаг военной угрозы для России в стратегически важном регионе, связывавшем ее с Персией, племенами, народами и государствами Северного и Центрального Кавказа [6, с. 147; 13, с. 375; 18, с. 134; 19, с. 8–9].

Неудачный весенне-летний поход русского войска в Среднее Поволжье 1506 г. ситуацию не изменил [5, с. 76–78; 1, с. 53–55; 26, с. 52–55; 7, с. 172–173; 9, с. 310–311]. В отличие от него военные кампании 1523 и 1524 гг. имели существенное значение для укрепления восточных границ России, усиления ее влияния во взаимоотношениях с Турцией, Крымом, Казанским ханством, возвращения последнего «под руку» московского государя.

В 1519–1520 гг. произошло сближение двух мусульманских государств – Крымского и Казанского ханств, первое из которых стремилось создать «широкую и мощную» антирусскую коалицию с участием Турции, Казани, Астрахани [8, с. 165], во втором консолидировались и активизировались недруги Москвы. Весной 1521 г. они посадили на казанский трон крымского царевича Сагиб-Гирея, после чего совершили нападение на Унженскую землю [5, с. 240–241; 8, с. 165, 202, 225–227; 26, с. 66, 69; 7, с. 184–186] и, по мнению Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Г. Перетятковича, И.И. Смирнова, В.В. Каргалова и С.Х. Алишева, приняли участие в июньском вторжении Мухаммед-Гирея в Московское государство [1, с. 62; 8, с. 228]. Поэтому ответный поход в Поволжье готовился как военно-религиозная акция православного народа.

Поводом к войне стала расправа Сагиб-Гирея с русскими весной 1523 г. Тогда хан «въ Казани много зла христианству навель и кровь пролиа, яко воду», по его приказу был убит посланник Василия III В.Ю. Поджогин [13, с. 402; 14, с. 519; 11, с. 43; 24, с. 124]. Летом того же года московское войско, состоящее из «судовой рати», усиленной двумя артиллерийскими полками и укомплектованной «многими людьми» конницы [13, с. 402; 11, с. 43], выступило в поход: оно традиционно шло на Казань через Нижний Новгород. 28 июля Москву покинули Василий III и удельные князья Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий. Они поехали не вслед за войском, на восток, а в объезд: через Переяславль-Залесский, Юрьев, Суздаль, Владимир. В последнем городе братья задержались на две недели: в Нижний Новгород они прибыли только 23 августа [15, с. 222]. Этот маневр – не что иное, как паломничество по святым местам с целью умилостивить Всевышнего и обеспечить его поддержку в предстоящей войне.

К боевым действиям подготовились основательно, но разворачивать их накануне осенней непогоды и распутицы не имело смысла. Поэтому Василий III изменил план военной кампании. Он «свой ход...отложил х Казани для осени, позно». Воеводам было приказано «пленити казанские места по луговой стране и по горней» [19, с. 14], но главное – для дальнейшего, решающего продвижения вглубь ханства закрепить свое присутствие на его территории постройкой крепости. Номинальным военачальником был назначен изгнанный из Казани весной 1521 г. хан Шах-Али – ставленник великого князя Московского. В действительности командование осуществляли опытные воеводы (см. табл. 1) [21, с. 187–188].

Командование русским войском в Казанском походе 1523 г.¹

Вид «рати» – составной части вооруженных сил, принимавших участие в походе			
«Судовая»		«Конная»	
Название полка	Воеводы	Название полка	Воеводы
Большой	Кн. В.В. Шуйский, М.Ю. Захарьин	Большой	Кн. И.Ю. Горбатый Кн. И.В. Немой Телепнев Оболенский
Передовой	Кн. С.Ф. Курбский М.А. Плещеев	Передовой	Ф.Ю. Щука Кутузов И.В. Ляцкий
Общее командование артиллерией («нарядом»)	М.Ю. Захарьин	Правой руки	Кн. А.И. Стригин Оболенский
«Наряд» как отдельный полк	Г. Собакин Я. Ивашенцов М. Зверь	Левой руки	Кн. П.И. Репнин
«Большой наряд»	С. Собакин И. Шенгурский	Сторожевой	В.И. Шереметев Кн. И.М. Шамин

Цель похода 1523 г. была достигнута. Покорив население тех районов ханства, которые поставляли людей для наиболее боеспособной части его войска, московские ратники привели к присяге «мордву и черемису казанскую, а также татар» [16, с. 312; 25, с. 110]. К югу от Казани, на Отяковом поле, они разбили и потопили в реке Свяге «многих татар» и захватили большой «полон» [19, с. 14]. В устье Суры на территории противника была построена деревянная крепость Васильград [13, с. 402; 14, с. 519; 11, с. 44; 24, с. 124; 19, с. 14] с православным храмом Покрова Богородицы и его приделами, названными в честь архангела Михаила и чудотворца Николая [2, с. 32]. Здесь остался многочисленный гарнизон под командованием А.И. Стригина-Оболенского, В. Салтыкова (вероятно, В.М. Салтыкова Морозова) и М. Бокеева (должно быть, М.И. Бородатого-Бокеева) [14, с. 519].

15 сентября Василий III вернулся в Москву и начал готовиться к новому походу. К весне 1524 г. были традиционно сформированы «судовая» и конная рати, командующими назначены воеводы, имевшие большой боевой опыт, в том числе участники Казанской кампании 1523 г. (см. табл. 2). Сбор конницы осуществлялся при

¹ В Хронографе редакции 1512 г. командующими «судовой» ратью названы В.В. Шуйский и А.В. Сабуров, а воеводой большого полка конницы – Б.И. Горбатый [14, с. 519]. Согласно Нижегородскому летописцу, конную рать возглавлял А.Б. Горбатый [2, с. 32].

помощи доверенных лиц государя – сына боярского И.Ю. Шигоны-Поджогина (брата убитого в Казани посланника) и дьяка А. Курицына. Они же в составе кавалерии отправились в поход [10, с. 270; 13, с. 403; 11, с. 44; 20, с. 69–70; 22, с. 189–190]. Типографская летопись упоминает прибывшую на помощь московским полкам «силу Великаго Новагорода конми» [15, с. 222]. В целом, по сведениям С. Герберштейна, в весенне-летнем походе 1524 г. участвовало 180 тыс. чел., согласно автору «Казанской истории» – 150 тыс. воинов [5, с. 262]. Их главнокомандующим считался Шах-Али, в действительности первым воеводой был И.Ф. Бельский.

Таблица 2

Командование русским войском в казанском походе 1524 г.¹

Вид «рати»			
«Судовая»		«Конная»	
Название полка	Воеводы	Название полка	Воеводы
Большой	Кн. И.Ф. Бельский Кн. М.В. Кислый Горбатый М.Ю. Захарьин	Большой	И.В. Хабар Симский М.С. Воронцов
Передовой	Кн. С.Ф. Курбский И.В. Ляцкий	Передовой	В.А. Шереметев Ф.С. Кольчев
Правой руки	Кн. С.Д. Серебряный- Оболенский Кн. П.Ф. Охлябинин	Правой руки	Кн. П. И. Репнин Д.Г. Копос Бутурлин
Левой руки	РК 1475–1598: Кн. В.Ю. Ушатый Кн. В.В. Чулок Ушатый РК 1475–1605: Кн. Ю.В. Большой Ушатый И.М. Шамин ВЛ, НЛ, ЛЛ: Кн. Ю.В. Большой Ушатый Кн. В.В. Чулок Ушатый	Левой руки	Кн. И.Ф. Овчина Телепнев Оболенский А.А. Меньшой Кропоткин

¹ В табл. указаны источники, сведения которых о назначении воевод расходятся: РК 1475–1598 [20], РК 1475–1605 [22], ВЛ – Воскресенская летопись [10], НЛ – Никоновская летопись [11], ЛЛ – Львовская летопись [13].

Продолжение табл. 2

Сторожевой	РК 1475–1598: Кн. М.И. Кубенский И.М. Шамин РК 1475–1605: Кн. М.И. Кубенский Кн. В.В. Чулок Ушатый ВЛ, НЛ, ЛЛ: Кн. М.И. Кубенский И.М. Шамин	Сторожевой	И.В. Лошак Кольчев И.М. Чулок Засекин
Общее командование артиллерией («нарядом»)	М.Ю. Захарьин		
«Наряд» как отдельный полк	Г. Собакин Я. Ивашенцов М. Зверь		
«Большой наряд»	И. Шенкурский		

В путь тронулись, как только закончилась суровая и снежная зима: в тот год она продолжалась до 15 мая – дня Святой Троицы [15, с. 222]. Согласно Разрядной книге 1475–1598 гг., на судах были подняты паруса за неделю до праздника, 8 мая, а конница выступила в поход в «Троицын день». В Разрядной книге 1475–1605 гг. записано, что военные корабли отчалили от берега за день до праздника. В Типографской летописи начало похода датируется 12 мая [20, с. 69; 22, с. 189; 15, с. 222].

Сагиб-Гирей заранее готовился к войне. Еще в декабре 1523 г. он просил брата, крымского хана Мухаммед-Гирея, прислать «пушек, и пицалей, и янычар», но реальной помощи не получил [5, с. 261]. По мнению Б.И. Дунаева и А.Б. Кузнецова, весной 1524 г. он «заложились» за турецкого султана, который объявил Казанское ханство «юртом» Османской империи [4, с. 77; 8, с. 233]. Собрав под свои знамена не только татар, но также мордву, черемису и другие подвластные ему народы, Сагиб-Гирей, однако, не был уверен в победе, поэтому, узнав, что из Москвы идет «крепкое и грозное въинство великое», «съ великимъ срамомъ побеже ись Казани» в Крым [11, с. 44], откуда Мухаммед-Гирей срочно прислал 13-летнего претендента на освободившийся трон – своего племянника Сафа-Гирея.

О дальнейших событиях (до битвы на Отяковом поле) сообщают только имперский посол С. Герберштейн, автор «Казанской истории» и «краткий Волоколамский летописец». Согласно С. Герберштейну, казанская знать встретила Сафа-Гирея «с пышностью и почетом», но сеид (глава мусульманской церкви) «симпатизировал Василию и

держал его сторону, поэтому он старался захватить юношу и отправить его [связанным] в Москву, но был в этом уличен, схвачен и всенародно зарезан ножом» [3, с. 176]. Проверить эти сведения невозможно, однако вполне допустимо обострение накануне военных действий, в период отсутствия легитимного хана, противоречий между двумя группировками казанцев, настроенных про- и антиросийски. В этих условиях мог созреть заговор с целью выдачи крымского царевича московскому государю и возвращения Казанского ханства под протекторат России.

Тем временем рать И.Ф. Бельского прибыла в Нижний Новгород и здесь пополнилась кораблями «для доставки орудий и провианта; число этих судов было так велико, что река, пусть и широкая, повсюду казалась покрытой множеством кораблей». 7 июля войско И.Ф. Бельского переправилось на Гостиный (Купеческий) остров, расположенный «среди рукавов Волги недалеко от казанской крепости». Здесь оно стояло 20 дней, дожидаясь подхода конницы. В это время «несколько московитских шпионов подожгли» деревянную Казанскую крепость, «и она совершенно сгорела на глазах русского войска». Однако «по страху и малодушию» московские воеводы, и прежде всего М.Ю. Захарьин, не воспользовались удобным моментом и не решились штурмовать город. Более того, они позволили казанцам восстановить укрепления.

28 июля «судовая рать» переправилась через Волгу и разбила лагерь севернее Казани, на берегу реки Казанки, который постоянно подвергался нападениям черемисов. Стремясь завершить войну с наименьшими потерями, Шах-Али направил Сафа-Гирею послание с предложением добровольно отказаться от власти, но юный хан настаивал на решении спорного дела оружием. К этому времени запасы продовольствия в русском лагере подошли к концу, местность вокруг него была опустошена и перекрыта черемисами; начался голод.

Узнав о бедственном положении «сидельцев» под Казанью, нижегородцы направили к ним 90 судов с 30 членами экипажа в каждом, заполненные продовольствием, под командованием И.Ф. Палецкого и 500 «всадников сухим путем». Однако конный отряд попал в засаду, устроенную черемисами, был разбит, его смертельно раненый командир через два дня скончался в плену, «и только девятерым (воинам. – *И.М.*) удалось в суматохе спастись бегством». И.Ф. Палецкий «ночью высадился для отдыха на берег Волги». Его охрана не сумела распознать лазутчиков, обеспечивших неожиданное нападение на лагерь противника. И.Ф. Палецкий, «оставив в руках врагов» всю флотилию, «отчалил от берега на своем корабле, поплыл по середине Волги и под покровом тумана почти нагишом добрался до войска. Вернувшись затем оттуда в сопровождении многих судов, он...вторично попал в засаду черемис-

сов». В середине лета в остроге на Казанке распространялись слухи «о полном истреблении всей конницы», люди в панике изыскивали способы бегства на родину [3, с. 176–177].

В «Казанской истории» события мая–июля 1524 г. излагаются иначе. Ее автор сокрушается, что «рати въ лодияхъ на Волге черемисы злыя казанския нашихъ поби(ша) весь яртоулны полкъ, убиша 5000, передовой полкъ весь поби(ша), 15000, а отъ болшого полка 10000, некоимъ ухищрениемъ». Хитрость состояла в том, что узкие протоки между островами были перегорожены большими деревьями и забиты камнями. Входившие в них суда теснились «и друга отъ друга сокрушахуся», а черемисы, засевшие по берегам, расстреливали русских воинов и сбрасывали на них подрубленные деревья. «Много пушекъ великихъ и малыхъ погрязе, много людеи истопоша, и метохуся сами въ воду отъ страха», – пишет казанский летописец [12, стб. 35].

Волоколамский летописец подтверждает сведения С. Герберштейна. Он сообщает, что поход начался 29 мая, 3 июля «судовая рать» прибыла под Казань и возвела «острог» на Царевом лугу. Вскоре «город» сгорел. Разумеется, здесь речь идет о Казани, а не о ставке русского войска. 19 июля воины Сафа-Гирея напали «на острог, на воевод великого князя с великим нарядом, пушками и с пищалями». Они были разбиты, но и после этого «многожды» безуспешно «приходили на острог» [5, с. 262]. Упоминаемый в этом источнике Царев (Царский, Ханский) луг простирался на восточном берегу Волги до реки Булак, протекавшей перед Казанским кремлем. Его северную часть пересекало устье реки Казанки [26, с. 240]. Значит, острог, о котором здесь идет речь – это лагерь «судовой рати» И.Ф. Бельского, находившийся напротив северо-западного выступа Казанской крепости. Сведения волоколамского летописца и С. Герберштейна расходятся только в одном: первый упоминает о пожаре в неприятельском городе после сообщения о прибытии русского войска на Казанку, второй – до него.

По нашему мнению, на первом этапе Казанского похода 1524 г. события развивались следующим образом. В конце мая–июне «судовая рать» И.Ф. Бельского прибыла в Нижний Новгород, где получила подкрепление грузовыми кораблями. Двигаясь дальше вниз по Волге, она попала в засаду и потеряла ертоульный, передовой полки, значительную часть воинов большого полка и много артиллерийских орудий. В конце июня – начале июля сильно ослабленное войско высадилось на Гостином острове, где восстанавливало силы. После удачной диверсии, приведшей к пожару в Казанском кремле, оно переправилось на левый берег Волги и обосновалось в устье Казанки. Здесь, неоднократно отбиваясь от врага и страдая от

голода, русские ратники ждали подхода конницы. Попытка нижегородцев снабдить их продовольствием оказалась неудачной.

Тем временем конница И.В. Хабарова Симского и М.С. Воронцова вступила в пределы Казанского ханства с юга. С. Герберштейн упоминает о двух «встречах» ее с татарами и черемисой [3, с. 178], другие источники сообщают только об одном кровопролитном сражении: в 20 верстах от Казани, на Отяковом поле возле Свяги. Оно произошло 24 июня (Типографская летопись) или 28 июля (Хронограф редакции 1512 г.) [14, с. 520; 15, с. 222]. Составители разрядов и летописей указывают, что на эту битву вышла «вся земля Казанская» [10, с. 270; 11, с. 44; 13, с. 403; 17, с. 127; 22, с. 191], «краткий Волоколамский летописец» – 2 тыс. «избранных татар» [5, с. 262]. Во главе с Отучем (Отуном) и Аталыком они «безвестно» (внезапно) напали на русских, и была сеча «велика» («крепка») [25, с. 110–111; 24, с. 124; 12, стб. 35]. Согласно «Казанской истории», она продолжалась три дня, если верить В.Н. Татищеву, быстро закончилась [24, с. 124; 12, стб. 35]. Московская рать одержала блестящую победу: «И на томъ бою многихъ князей, и мурзь, и татарь, и черемису и чювашу избиша, а иныхъ князей и мурзь многихъ живыхъ поймаша» [10, с. 270; 11, с. 44; 13, с. 403; 17, с. 127. См. также: 14, с. 520; 22, с. 191]. Согласно «Казанской истории», на Свяге погибло 42 тыс. воинов Сафа-Гирея [12, стб. 36]. Однако потери русских тоже были велики. В сражении на Свяге, заметил С. Герберштейн, «обе стороны понесли большие потери» [3, с. 178].

Не задерживаясь на Отяковом поле, московская конница совершила бросок на север, соединилась с «судовой ратью» И.Ф. Бельского [10, с. 271; 11, с. 44; 13, с. 403; 14, с. 520; 17, с. 127; 25, с. 111] и за неделю до «Оспожина дня», т. е. 8 августа 1524 г., уже снова сражалась с татарами [5, с. 262]. Объединенное русское войско предприняло штурм Казани: «И начаша приступати къ граду, и многихъ татарь подъ градомъ побиша» [10, с. 271; 11, с. 44; 13, с. 403; 17, с. 127], но взять крепость не смогло и приступило к ее осаде, сопровождавшейся частыми стычками с противником. Одну из них описал С. Герберштейн. По его словам, однажды к русскому лагерю приблизились шесть верховых казанцев. Их намеревался захватить Шах-Али, командовавший 150 служилыми татарами, но И.Ф. Бельский, вероятно, не доверявший хану, запретил ему это делать. По приказу воеводы казанцев преследовали русские всадники. Обманутые «притворным бегством» противника, они увлеклись погоней и попали в ловушку: вражеские воины неожиданно развернулись и обстреляли их из луков. В отряде преследователей многие были ранены, а казанцы, потеряв двух лошадей, убитых пушечным ядром, бросив на произвол судьбы их чудом выживших владельцев, вернулись в расположение своих войск [3, с. 178].

Наступала осень, а осада Казани затягивалась. Все усилия русского командования, в том числе предпринятый им мощный артиллерийский обстрел города, были сведены на нет мздоимством некоторых продажных воевод (если верить С. Герберштейну, одним из них был И.Ф. Палецкий) и находившихся на великокняжеской службе иностранцев [3, с. 178–179]. Казанцы «добыша челомъ великого князя воеводам да и шерть дали на всей воли государя великого князя» [10, с. 271; 11, с. 44; 13, с. 403; 17, с. 127; 22, с. 191], но их покорность означала временное военное поражение, а не ликвидацию независимости мусульманской твердыни в Поволжье и даже не восстановление протектората над ней московского государя. Именно поэтому русские ратники возвращались на родину «съ печалию великой». Некоторые из них скончались на обратном пути от ран и голода, другие долго мучились «чревною болезнию», от которой «на Руси помроша» [12, стб. 36].

В Синодике конца XVII в. сохранился список имен православных воинов, сложивших головы «под Казанию» в 1523 и 1524 гг. Его открывают имена тех, кто «бишася на реце Свиазе съ людьми Казанскими, и всю рать ихъ побиша, и землю ихъ всю плениша» – Федора Ивановича Козлова Морозова, Ивана Ивановича Арапа Сназина, Григория Васильева сына Кокошкина Глебова, Злобы Иванова сына Наумова, Григория Тюшкова сына Лихарева, Якова Максимова сына Елагина, Стефана Романова сына Кренева, Ивана Иванова сына Борисова Трофимова. Затем названы «на той же брани (имеется в виду весенне-летний поход 1524 г. в целом. – *И.М.*) избиенные»: Петр Иванов сын Шетнев, Борис Федоров сын Новокрещенов, Андрей Судолов сын Линев, Алеша Сомов сын Линев, Василий Васильев сын Малечкин, Миша Семенов сын Татищев, Михайла Опалев, Судок Андреев сын Огарев, Федор Васильев сын Селиванов, Илья Михайлов сын Бешенов, Матфей Юров сын Андауров, Андрей Котух Иванов сын Семенов, Андрей Семенов сын Кутяков (рязанцы), Косма Григорьев сын Коротнев, сын последнего Александр. Скорбный список завершается именами погибших «на той же брани подъ градомъ Казанию»: Ивана Иванова сына Клушина Белеутова, Истомы Гаврилова сына Неплюева, Андрея Михайлова сына Лазарева, Космы Константинова сына Бурмасова, Василия Шушпана – рязанца [23, с. 465–466].

Список литературы

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995.
2. Гациский А.С. Нижегородский летописец. – Н. Новгород, 1886.
3. Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988.
4. Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. – М., 1916.

5. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). – М., 1972.
6. Иоасафовская летопись. – М., 1957.
7. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. – Ижевск, 2005.
8. Кузнецов А.Б. Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века. – Саранск, 2002.
9. Михайлова И.Б. Походы русского войска на Казань в 1506–1530 гг. // Военная история России: люди и события. (К 70-летию Великой Победы): материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. – СПб., 2015. – С. 308–313.
10. Полное собрание русских летописей (далее. – ПСРЛ). – Т. 8. – СПб., 1859.
11. ПСРЛ. Т. 13. – М., 1965.
12. ПСРЛ. Т. 19. – М., 2000.
13. ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. Ч. 1. – СПб., 1910.
14. ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. – СПб., 1911.
15. ПСРЛ. Т. 24. – М., 2000.
16. ПСРЛ. Т. 26. – М.; Л., 1959.
17. ПСРЛ. Т. 31. – М., 1968.
18. ПСРЛ. Т. 33. – Л., 1977.
19. ПСРЛ. Т. 34. – М., 1978.
20. Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966.
21. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. I. – М., 1977.
22. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. II. – М., 1977.
23. Синодик: заповедь святого и великаго всея вселенныя Никейскаго седьмаго собора. Ок. 1684 г. // Древн. Рос. вивлиофика. Ч. VI. – М., 1788. – С. 420–505.
24. Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. – М.; Л., 1966. Т. 6.
25. Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI века // Тр. о-ва изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в прошлом. – Ч. 2. – М., 1930. – С. 105–114.
26. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 2004.

Л.В. Баширова

Моонзундская укрепленная позиция Балтийского театра военных действий в период Первой мировой войны

В данной статье дается описание общей системы обороны Финского залива накануне Первой мировой войны, анализируется боевое состояние, роль и место в ней Моонзундской укрепленной позиции, характеризуется степень боевой готовности позиции к атаке неприятеля в годы войны.

In this article there is a description of the general system of defence of the gulf of Finland before the First World War. Also there is an analysis of military state, the role and place of Modsumd's fortified position in it. The state of military willingness to attach of the enemy during the war is described here.

Ключевые слова: Моонзундская укрепленная позиция, береговая оборона, береговая артиллерия, Первая мировая война, Балтийский театр военных действий.

Key words: Modsumd's fortified position, coastal defence, coastal artillery, the First World War, the Baltic Theatre of war affairs.

Накануне Первой мировой войны Российская империя оказалась в ситуации, когда слабость возрождающегося Балтийского флота после практически полного его уничтожения в Русско-японскую войну требовала создания на Балтике не просто надежного пункта базирования флота, а целой системы морской позиции для защиты всего Балтийского побережья. Перед Морским и Военным ведомствами встал вопрос о создании заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции в центральной части Финского залива для отражения атаки предполагаемого противника в предстоящей войне. Исходя из предложения, что таким противником может стать Германия и Швеция, необходимость защиты флота, а также столицы Российской империи – Петербурга, была очевидна. Учитывая возможность предстоящей борьбы с превосходящим по силам германским флотом, штаб Балтийского флота главное внимание уделял разработке теории и практики проведения оборонительной операции в Финском заливе по наступающему противнику на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции к югу и к северу от о. Гогланд. Под понятием «позиция» подразумевалось такое место в Финском заливе, где естественно-географические условия – узкость берега и мели – не допускали бы развертывания и маневрирования более сильного флота. В предвоенные годы на Балтике

для этой цели была выбрана позиция Нарген-Поркалауд, позже названная центральной (передовой). Она же стала основой для строящейся новой базы флота – Морской крепости императора Петра Великого (Ревель). Таким образом, общая идея ведения войны на море заключалась в том, чтобы боем на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции оказать сопротивление неприятелю при его попытке прорваться в восточную часть Финского залива.

В связи с оборудованием и устройством главной («центральной») позиции флота, особо важное значение придавалось созданию прежде всего фланговых опорных точек, «фланговой позиции», которая непосредственно примыкала бы к главной и с ней вместе образовала оперативно укрепленный плацдарм, на котором флот мог бы развернуться и преградить доступ неприятелю вглубь Финского залива. Такой фланговой позицией считался шхерный участок северного берега Финского залива от Тверминэ до Поркалаудда и далее до Свеаборга, служащего вместе с Ревелем базой флота. Вместе с тем одним из серьезных недостатков проекта служило отсутствие активных баз для флота вне пределов Финского залива. Морское ведомство, давно оценившее выгодное положение Моонзундского архипелага, который выходит и в Рижский, и в Финский залив, однако признавало, что «...при существовавшем неблагоприятном соотношении сил флот не сможет удержать Моонзундские острова» [1, с. 665], и от создания здесь базы пришлось отказаться.

С началом войны и крепость, и Балтийский флот ожидали наступления неприятельского флота. Между тем приказ начальника Генерального Морского штаба Германии гласил: «Главная задача: насколько возможно, мешать наступательным операциям русского флота» [3, с. 18]. В ночь с 5 на 6 августа произошло событие, потрясшее Морское ведомство – в районе севернее мыса Тахкона (о. Даго) подорвались на минах два голландских парохода, шедших из Петрограда, что означало отсутствие активных намерений немцев против Финского залива. Это заставило реорганизовать весь план операций Морского ведомства, а в связи с этим изменились и характер работ на Балтике. В течение войны шли работы по созданию шхерной, передовой, Або-Оландской, а также Моонзундской позиций, что в совокупности образовывало целую систему морского укрепленного района.

Командующий Балтийским флотом находил, что применение немцами мин для закупорки устья Финского залива указывало на отсутствие у них намерения входить в Финский залив и желание лишь загородить нашим судам выход в море, поэтому он решил занять также Моонзунд и Рижский залив и укрепиться на берегу пролива Большого Зунда для обеспечения связи с островами Эзель и Даго.

«Непосредственным следствием постановки германского заграждения явилось выдвижение нами дозоров к Дагерорту, причем базой для них явился Моонзунд... Фарватеры Моонзунда были снова обставлены и наши суда чувствовали себя в нем как дома» [2, с. 49]. Этим было положено начало созданию так называемого Моонзундского укрепленного района, на который Морское ведомство обратило свое внимание еще в 1884 г. Обнимая водное пространство между берегами Эстляндии, Лифляндии и Курляндии с одной стороны и Балтийским морем – с другой, обладая островами Эзель, Даго, Вердер, Моон и Ворис, опираясь на Рижский залив, имея 4 выхода на большом расстоянии друг от друга, наконец, – занимая центральное положение в Балтийском море, Моонзундский район, при производстве соответствующих дноуглубительных работ и оборудовании морскими и сухопутными сооружениями, являлся почти идеальной активной базой для флота, дающей последнему возможность активно оборонять побережье Балтийского моря и Финского залива [10, с. 103].

Моонзундский архипелаг в стратегическом смысле имел много преимуществ и мог служить как база флота, минных судов и подводных лодок, а также как защищенный проход для миноносцев и подводных лодок, действующих из Ревеля [9, с. 4]. Конечно, в разгар войны думать о создании здесь такой базы было поздно и приходилось, как и указывал командующий флотом, занять Моонзунд лишь с целью иметь передовые наблюдательные пункты и авиационные станции. Однако затяжной характер войны позволил создать здесь и нечто более серьезное путем возведения некоторого количества береговых батарей, со всякого рода дополнительными сооружениями, и нескольких укрепленных позиций полевого характера.

В 1916 г. позиция приобрела новое значение как опора левого фланга передовой, и она была выделена в самостоятельную организацию приказом командующего флота Балтийского моря от 14 декабря 1916 г. [6. Л. 16], получив самостоятельные задачи, которые заключались в следующем:

- 1) нанесение наибольшего вреда неприятельскому флоту в случае подхода его к Ирбенскому проходу с целью прорыва;
- 2) недопущение неприятелю войти в Финский залив;
- 3) недопущение по всему двухсотверстному фронту позиции приближения неприятельского флота к островам Эзель и Даго с целью высадки десанта [4. Л. 30].

На случай входа флота противника в Рижский залив, Моонзундской позиции пришлось бы играть роль крепости. В этом случае она приобретала новые задачи: 1) уничтожение флота неприятеля и не-

допущение его свободного маневрирования; 2) находясь в тылу у неприятеля, недопущение высадки десанта [4. Л. 30].

Моонзундская позиция имела двойное стратегическое значение: морское – левый фланг передовой позиции российского флота; сухопутное – прикрывала вход в Рижский залив и влияла на десантные операции противника.

Особое значение позиции проявлялось в содействии морским операциям российского флота, а также в удержании северного и южного входов в Моонзундский пролив, так как с их потерей: а) российские суда в Рижском заливе отрезаются от главного флота; б) неприятель, получая базу у самого входа в Финский залив, делал невозможным борьбу на передовой позиции, запирая вход российскому флоту в Финский залив [4. Л. 177].

Учитывая особо важное значение позиции, высшим морским командованием признавалась необходимость ее усиления. Оборона проливов должна была обеспечиваться силами флота, батареями приморского фронта и минными полями.

Для обеспечения безопасности со стороны Балтийского моря как Моонзунда, так и Рижского залива было положено начало минированию Ирбенского пролива. Заграждения в Ирбенском проливе получили значительное развитие, образуя обширное минное поле. Это минное поле полностью перекрывало Ирбенский пролив, оставляя лишь на своей северной стороне так называемый «маневренный мешок», в котором российские суда могли действовать как для защиты самого поля от траления, так и для боя с подходящим к нему неприятелем.

Ввиду мелководности Моонзундских фарватеров там находились лишь мелкосидящие суда, так как проход туда судов крупных, линейных кораблей и крейсеров через Ирбенский пролив был сопряжен с огромным риском и грозил отрезанием кораблей в случае наступления немецких морских сил со стороны Балтийского моря.

Начальник Моонзундской позиции подчинялся непосредственно коменданту Морской крепости императора Петра Великого. Однако в отношении прав и распоряжений по подготовке позиции к обороне начальник позиции был ограничен и не имел в составе подчиненного ему штаба артиллеристов инженеров и интендантского ведомства. Инженерный офицер, ведавший работами по укреплению позиции, был подчинен строителю укреплений крепости и производил по его поручению работу вне Моонзунда, поэтому ее начальник был лишен возможности распоряжаться им [4. Л. 64].

Таким образом, определялся ряд недостатков управления позиции. Разделенная на участки артиллерия не имела специального руководителя. Участки не были сведены в более крупные боевые соединения (районы обороны), а находились в непосредственном

подчинении начальника позиции, а не отдельного начальника обороны острова. Не было специальной инструкции об организации связи и способах получения донесений с наблюдательных постов. А противовоздушная оборона была недостаточна и имела лишь моральное значение.

В отношении артиллерийской обороны позиции было очевидно явное противоречие между наличными силами и поставленными задачами: несоответствие гарнизона протяженности береговой линии; отсутствие а) хороших транспортных путей у побережья; б) технических средств для переброски войск; в) самокатных частей и автомобилей; недостаточность артиллерийской обороны побережья.

Вследствие указанных проблем было решено ограничиться более узкой задачей, а именно, обороной отдельных участков. Для о. Даго – позиции Симпернес, Тифенгафен, Гельтерме, для о. Эзеля – позиции на о. Сворбе, Ориссарская и линия Яверкюль-Ярве. Выбранные рубежи решено было усилить дальнобойной артиллерией большого калибра, но в таковой ощущался серьезный недостаток.

8 марта 1917 г. оборону Приморского фланга Моонзундской укрепленной позиции решено было разделить на четыре самостоятельные группы [б. Л. 19]: батареи о. Вормс и северного побережья о. Даго; о. Даго и северное побережье о. Эзель; мыс Церель; о. Моон и о. Вердер, каждая из которых имела свою самостоятельную задачу.

На конец августа 1917 г. положение было достаточно плачевное. В отчете об инженерной готовности батарей приморского фланга Моонзундской позиции отмечалось: «Батареи о. Сворбе стоят открыто, погреба имеют защиту лишь от осколков аэропланых бомб малого размера. На о. Эзеле не были закончены, хотя пушки стрелять могли. Дальнометры оборудованы не были, установлены на временных деревянных основаниях, прислуга не в полном комплекте, офицерский состав не опытный, маскировки нет. Батареи Моонской группы все на деревянных основаниях, с земляным бруствером, единственные, которые прошли курс практических стрельб. Батареи о. Даго на временных деревянных основаниях, офицерский состав молодой, орудия стоят открыто» [4. Л. 320].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Моонзундская позиция имела оборудование, не соответствовавшее ее статусу и роли в обороне Финского залива. Здесь нужно учитывать, что работы по созданию и укреплению позиции начались уже в период ведения войны, и обстановка не способствовала усилению позиции. Работы в этом районе до начала войны морским командованием не планировались, и все проведенные мероприятия могли быть выполнены постольку, поскольку это позволяла пассивность противника. Что касается средств обороны, то соотношение сил явно был в

пользу немцев. Морские силы России были представлены в Рижском заливе в крайне малом количестве, сухопутная и береговая артиллерия находились в плачевном состоянии ввиду неготовности батарей, отсутствия маскировки, неопытности личного состава, отсутствия связи и многих других недостатков, что объяснялось, в первую очередь, спешным характером укрепления Моонзундской позиции. Все это в совокупности дало возможность немцам провести неудачную для российских сил Моонзундскую операцию 1917 г.

Список литературы

1. Золотарёв В. А. Козлов И. А. Три столетия российского флота. Т. 2. XIX – начало XX в. – СПб., 2004.
2. Косинский А. М. Борьба флота против берега в мировую войну. Т. 4. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 г. / под ред. Б. Б. Жерве. – Л., 1928.
3. Морской сборник. – 1928. – №1.
4. Российский Государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 941. Оп. 1. Д. 23.
5. РГА ВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 24.
6. РГА ВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 48.
7. РГА ВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 49.
8. РГА ВМФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 121.
9. Смирнов М., Черкасский М. Военно-морское стратегическое описание Балтийских островов, Моонзунда и материка, к нему прилежащего. – Пг., 1916.
10. Яковлев В.В. Приморские крепости. – Л., 1926.

С.Н. Емельянов

Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн

В статье предпринята попытка проанализировать условия службы военного духовенства в годы Первой мировой и Гражданской войн. Рассматриваемый период стал завершающим этапом деятельности института военного духовенства в досоветское время. Особое внимание уделяется принципам пополнения и функционирования штата военного духовенства в годы Первой мировой и Гражданской войн. Характеризуется количественный состав православных священников военно-духовного ведомства, их участие в боевых действиях.

This article analyses the conditions of a military clergy duty in the period of The World War I and The Civil War. The focused period turned to be the last phase of the military clergy practice in pre-Soviet times. Special attention is devoted to the principles of replenishment and functioning of the military clergy stuff in the period of The World War I and The Civil War. The number of military clergy orthodox priests and their involvement in the hostilities are explored.

Ключевые слова: военное духовенство, русская армия, полковые священники, протопресвитер армии и флота, военное ведомство, Первая Мировая война, Гражданская война, мобилизационный план, численность военного духовенства, численное увеличение корпуса военного духовенства, религиозные лозунги.

Key words: military clergy, The Russian Army, regiment priests, the protopresbyter of the Army and Fleet, military department, The World War I, The Civil War, mobilization plan, number of military clergy stuff, expansion of the military clergy department, religious slogans.

После крушения Советского Союза и начала нового исторического этапа развития российской государственности, казалось бы, прошло уже немало лет. Однако процессы реформирования политических, общественных и иных институтов нашего общества далеки от завершения. Слишком велики разногласия по многим основополагающим вопросам, в том числе о месте религии в светском государстве. Показательным здесь является сложный процесс возрождения института военного духовенства в Вооруженных силах РФ.

В этой связи крайне важным является задействование уже имеющегося исторического опыта функционирования института военного духовенства в Русской Императорской армии.

Важным является изучение и анализ условий службы военного духовенства в годы Первой мировой и Гражданской войн. В судьбе страны обе войны оказались неразрывно связаны между собой. Для военного духовенства этот период был отмечен сначала службой в чрезвычайных условиях глобальной войны, а за тем попыткой возродиться в новых условиях не менее глобальных изменений в жизни страны. В этот период времени состав кадрового военного духовенства впервые в столь серьезном масштабе оказался размыт мобилизованными епархиальными священниками и добровольцами из духовного сословия. Возникали ранее неизвестные проблемы, требующие незамедлительного разрешения.

Нахождение православных священников в среде русского воинства известно с момента принятия христианства на Руси. В царствование императора Петра I появились штатные должности священников в полках русской армии и на военных кораблях, уходящих в дальнее плавание. При императоре Павле I для руководства военным духовенством была учреждена должность обер-священника армии и флота. Завершенный вид ведомство военного духовенства под управлением протопресвитера армии и флота получило в последней четверти XIX в.

В ходе эволюции военно-духовного ведомства в конце XIX – начале XX в. в русской армии сформировался корпус военного духовенства, наподобии офицерского корпуса или корпуса военных чиновников.

К кандидатам на военно-духовные должности и действующим полковым священникам предъявлялись повышенные требования. Под влиянием руководства формировалась своя профессиональная этика.

Отбор кандидатов на вакантные места в военно-духовном ведомстве производился только из среды духовенства с высоким уровнем образования, проверялись нравственные качества претендента. Попутно на военное духовенство были распространены многие права и привилегии, существовавшие в отношении офицерского корпуса. Служба духовного лица в армии стала почетной и престижной.

В подтверждение вышесказанного можно привести данные за 1909 г. В фонде протопресвитера армии и флота, сохранилось около 600 ходатайств от различных высокопоставленных лиц с просьбами, оставленными без удовлетворения, помочь определить их протее на должности военных священников. На всех этих прошенных стоит резолюция протопресвитера: «Оставить без удовлетворения за неимением мест». Никто из рекомендованных не был зачислен даже в кандидаты. Среди прошений есть ходатайство известных и влиятельных людей того времени, например В.М. Пуришкевича. Однако последнее тоже не помогало [См.: 11. Д. 6708].

Духовенство военного ведомства в мирное время имело еще одну особенность – оно было немногочисленным. Накануне Первой мировой войны под управлением протопресвитера состояло всего 730 священников.

На случай войны, при развертывании новых полков и военно-медицинских учреждений в их штат включались священники из мобилизованного приходского духовенства. Планы мобилизации приходских священников утверждались на основе действующих мобилизационных расписаний.

Последнее мобилизационное расписание, перед Первой мировой войной было принято в 1910 г. [12. Д. 79. Л. 9]. От протопресвитера требовалось срочно составить новый список священников, необходимых для мобилизации в полки и военно-врачебные заведения, развернутые в условиях военного времени.

Мобилизационное расписание 1910 г. вступило в силу 1 мая 1912 г. Кадры священников, подлежащих мобилизации, были определены уже в 1910 г. [11. Д. 7118. Л. 124]. По новому расписанию мобилизации в случае войны призыву в армию подлежали 152 епархиальных священника [11. Д. 7118. Л. 29–33 об.], в военные госпиталю – 434 [11. Д. 7118. Л. 22–27].

Однако реалии начавшейся войны перечеркнули все предполагаемые планы. Мобилизационные схемы пришлось пересматривать. Ни кто не предполагал, что под ружье придется поставить столь значительное количество людей. Для службы во вновь формируемые части и замещения убыли в первоочередных полках регулярно проводилась мобилизация приходских священников. За период 1914–1917 гг. через армейские ряды прошло свыше 5 тыс. священников [16. Т. 2, с. 93]. Только на Западном фронте в ноябре 1915 г. «состояло всего священников – 665, из них: полковых – 263, лазаретных – 117, священников полевых подвижных госпиталей – 131, священников маршевых запасных батальонов и бригад государственного ополчения – 49, священников артиллерийских бригад – 6, священников при штабах армий – 6, священников при штабах дивизий – 4 и 1 священник при штабе главнокомандующего армиями Западного фронта» [11. Д. 10581. Л. 10]. При этом, учитывая всевозрастающую численность армии, ведомство протопресвитера считала количество военного духовенства недостаточным.

Как видим, через военно-духовное ведомство прошло более чем в пять раз больше священников относительно численности довоенного кадрового состава.

Во время проведения мобилизации запасных чинов армии военные священники обязаны были следовать по назначению с воинскими частями и находиться в безусловном подчинении военному командованию. Круг обязанностей военного духовенства значительно расширился по сравнению с мирным временем.

Как правило, военные священники неотлучно находились в госпиталях, беседовали с ранеными, успокаивали их, а тяжелобольных напутствовали. Находились священники и на перевязочных пунктах под неприятельским огнем среди раненых и умирающих [6, с. 7].

Многие представители военного духовенства неотлучно находились на передовой вместе со своими частями, участвовали в боевых действиях.

Еще одной, нетипичной для мирного времени задачей военного духовенства стала пастырская служба в местах сосредоточения русских военнопленных. Исполнение религиозных треб могли проводить как священники, попавшие в плен вместе с солдатами, так и присланные по линии Красного Креста из России.

В годы Первой мировой войны оказание духовно-нравственной помощи из России в лагерях военнопленных Германии и Австрии началось при посредничестве зеландского епископа Остенфельда в 1915 г. Епископ Остенфельд, состоящий при датском Красном Кресте, предложил свои услуги в деле снабжения русских военнопленных в Германии и Австрии Библией, Новым Заветом и другими назидательными книгами и свое содействие при отправке сюда священников.

Святейший синод быстро отреагировал на предложение о посредничестве. Было принято решение откомандировать в Германию и Австро-Венгрию «для пастырского попечения о военнопленных, священников, снабжать находящихся в плену священнослужителей принадлежностями, необходимыми для совершения богослужений, а так же посылать нашим военнопленным, в духовную помощь и утешение, соответствующие издания религиозно-нравственного содержания...» [12. Д. 80. Л. 5–5 об.] На командировку духовенства в Германию и Австрию в 1915 г. было выделено 5 тыс. р. Однако немцы русских священников не пропустили на свою территорию, заявив, что обеспечивают религиозные нужды военнопленных за счет присылки православных священников из Австрии, Болгарии и завоеванных русских территорий [12. Д. 80. Л. 22]. В лагерях военнопленных богослужения и духовное окормление православных воинов совершались в основном пленными полковыми священниками.

Представители военного духовенства, находящиеся на передовых позициях, всецело разделяли судьбу русских солдат. Известно немало случаев, когда духовные лица получали боевые награды или попадали в плен, погибали вместе со своими однополчанами.

Данные о ранениях и потерях в среде военного духовенства можно проследить на примере нижеприведенной таблицы, содер-

жащей сведения о священнослужителях, находившихся на передовых позициях в Западной армии в октябре 1915 г. [11. Д. 10581. Л. 8, 10]:

Общее число	Убитых	Умерших от ран	Раненых	Пострадавших от удушливых газов	В плену	Пропавших без вести	Контуженных
511	3	7	2	3	10	5	24

Как видим, учитывая общую численность военных священнослужителей и специфику их службы, убыль пленными, убитыми, ранеными и пропавшими без вести была довольно значительной.

О доблести военных священников в годы этой войны свидетельствовали многочисленные факты награждения чинов духовенства за боевые заслуги. Если за все время существования ордена Св. Георгия (до войны включительно) этой награды было удостоено только 4 священника, то за Первую мировую войну – 14. Священникам было вручено 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов Св. Владимира 3-й степени с мечами, 203 ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, 304 ордена Св. Анны 2-й степени с мечами и 239 орденов Св. Анны 3-й степени с мечами [14, с. 164].

Высоко оценивал деятельность военного духовенства и его руководитель протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский. В письме Екатерине Ивановне Мосоловой 18 ноября 1914 г. он отмечал: «Очень утешен я и работою священников на войне. Смело скажу: никогда еще духовенство на войне так не работало, как теперь. Потери в его составе огромные. Кто-нибудь обвинит меня за них» [15, с. 271]. А уже после войны Шавельский подытожил: «Могу смело сказать, что с тех пор как существует военное духовенство, оно впервые только теперь отправлялось на войну с совершенно определенным планом работы и с точным понятием обязанностей священника в разных положениях и случаях при военной обстановке: в бою и вне боя, в госпитале, в санитарном поезде и пр. Несомненно, этим объясняется то обстоятельство, что, по общему признанию, в эту войну духовенство работало как никогда раньше» [15, с. 84].

События 1917 г. в стране стали переломными как для армии в целом, так и для военного духовенства в частности. Вне зависимости от своих личных качеств, полковые священники ассоциировались с ушедшим ненавистным режимом. Уже в демократический период революции военные священники стали подвергаться притеснениям наравне с офицерами. После прихода к власти большевиков началась демобилизация старой Русской армии, еще ранее был ликвидирована структура военного духовенства. Любые религиозные институты, по мнению большевистских лидеров, должны были быть ликвидированы в ближайшие годы [см.: 3, с. 33].

По-иному складывалась сама возможность существования института полковых священников в армиях правительств, не признавших большевистский переворот. Институт военного духовенства был повсеместно перенесен в армии антибольшевистских государственных образований и правительств. С одной стороны, этот акт показывал правопреемственность белых армий от старой Русской армии, с другой – это было «знаком антибольшевизма, протестом против безбожного интернационализма» [Цит. по: 9, с. 266]. Даже социалистический Комитет членов Учредительного собрания не смог обойтись без военного духовенства: одним из первых приказов по Народной армии КОМУЧа (20 июля 1918 г.) была учреждена должность священника-проповедника армии [2, с. 44].

Военное духовенство наиболее значимых антибольшевистских сил возглавили: в Сибири – А.А. Русецкий, на территории Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) – бывший протопресвитер военного и морского духовенства Императорской армии Г.И. Шавельский (при генерале П.Н. Врангеле его сменил на этом посту епископ Симферопольский Вениамин (Федченков)).

Долгое время, благодаря мифу, созданному под влиянием советской пропаганды считалось, что число военного духовенства было довольно значительным. В историографии советского периода, отмечалось, что в Вооруженных силах на Юге России, возглавляемых А.И. Деникиным насчитывалось около тысячи, в Русской армии П.Н. Врангеля более 500 [1, с. 164] и у А.В. Колчака около 2 тыс. военных священников [6, с. 164]. Приведенные утверждения полностью не соответствуют действительности. Также сильно преувеличивалось влияние полкового духовенства на строительство белых армий.

Анализ документов и литературы, ставшей доступной в постсоветское время, показывает иную картину. Так, в своих мемуарах протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский отмечал: «Прямого дела по моей должности было очень мало. Число священников в армии не превышало 50. Ездить по фронту не представлялось никакой возможности, так как части были очень разбросаны и раздроблены. Но косвенного дела оказалось уйма» [16, с. 118].

Незначительным был и авторитет духовенства в армии. Г.И. Шавельский отмечал, что на собрании Союза офицеров армии и тыла во время выступления митрополита Антония, офицеры слушали его «небрежно: некоторые повернувшись к нему спиной, закурили папиросы» [16, с. 399].

Пример, приведенный протопресвитером Г.И. Шавельским, полностью подтверждается наблюдениями его преемника митрополита Вениамина (Федченкова): «Авторитет церкви был вообще слабый, – отмечал в своих мемуарах митрополит Вениамин, – Голос

наш дальше храмовых проповедей не слышался. Да и все движение добровольцев было, как говорилось, патриотическим, а не религиозным. Церковь, архиереи, попы, службы, молебны – все это для белых было лишь частью прошлой истории России, прошлого старого быта, неизжитой традиции и знаком антибольшевизма, протестом против безбожного интернационализма. А горения не было ни в мирных, ни в нас, духовных. Мы не вели историю, а плелись за ней...» [9, с. 245–246].

Как видим, в такой ситуации военное духовенство ведущей роли в белых армиях не играло.

Кадры военного духовенства составляли как священники, ранее исполнявшие эти обязанности, так и те, кто вследствие Гражданской войны по той или иной причине остались без прихода. Третью категорию представляли священнослужители, которые желали послужить Родине, под чем понималось служба в армиях А.В. Колчака, А.И. Деникина либо других лидеров Белого движения.

По этой причине были добровольцы из духовенства на территории белых армий, желавших стать в ряды военного духовенства. Так, осенью 1919 г. было направлено прошение протопресвитеру военного и морского духовенства ВСЮР Г.И. Шавельскому от священника Николаевской церкви села Кислова Астраханской губернии Евлагия Макаровского: «Покорно прошу Вас, Ваше высокопреподобие, дать мне место священника в одном из полков... Имею желание послужить делу освобождения России от ее врагов» [1, с. 139].

Иногда и жизненные обстоятельства вынуждали священников становиться в ряды полкового духовенства. Так, сибирский священник Подъяельской церкви Устьсосальского уезда А. Шумков писал: «покорнейше прошу Вас, господин командир, назначить меня на свободную вакансию священника 14-го полка. Место своего служения село Подъяельское я вынужден был оставить при приближении красных войск потому, что с 27 января по 5 июля 1919 г. я находился под арестом как контрреволюционер и теперь меня могла ожидать та же участь» [13, с. 39].

Белые правительства постоянно подчеркивали необходимость для победы иметь войска высокого духовного уровня, для поднятия которого и призывалось полковое священство. «Работа военного духовенства в современной войне колоссальная... – отмечал в своем обращении к военному духовенству А.А. Русецкий, – Пастырь, как духовный вождь воинства, своим наставлением воспитывает каждого в отдельности и всех вместе воинов; созидает, вдохновляет и укрепляет высокий строй их победоносного духа и вытекающую из него решительность на все высокое, доброе и святое; создает стремление подвизаться, страдать, и если нужно, то и умереть за истину веры, правду и за ближних. Следуя за настроением своих

пасомых, он рассеивает их сомнения, отражает злые веяния, идущие со стороны, напоминая возможно чаще об огромной возможности должного исполнения каждым солдатом в пору строительства Родины своего долга» [10, с. 137–138].

Военное духовенство по мере сил старалось исполнять свой долг решительно и самоотверженно. Так, 19 ноября 1919 г. командир 2-го Сводного Кубанского казачьего полка в рапорте начальнику отряда 1-го Кубанского корпуса отмечал: «Священник вверенного мне полка отец Василий Авдеенко за короткое время заявил себя усердным исполнителем своего долга..., принимая участие во всех боевых действиях полка и походах, честно и свято исполнял свой пастырский долг... я считаю долгом покорнейше просить Вас войти с ходатайством перед протоиереем военного и морского духовенства о предоставлении священника о. В. Авдеенко к наперсному кресту». Всего же за участие в боях представителям духовенства только на Юге было вручено 279 наград [6, с. 84].

Несмотря на все вышесказанное, дух войск больше зависел от ситуации на фронте. Во время побед он рос, при отступлениях падал. И полковое священство спасти положение было не в силах.

В кризисные моменты эту ситуацию пытались изменить. Если на Юге России для этой цели устраивали крестные ходы и «дни покаяния» верующих [См.: 4, с. 48], то в Сибири произвели и реорганизацию церковной структуры в армии.

Летом 1919 г., когда положение армии резко ухудшилось, Верховный правитель предпринял попытку усилить религиозное воздействие на войска. Он говорил, что «политические лозунги, идея Учредительного собрания и Неделимой России больше не действуют. Гораздо понятнее борьба за веру, а это может сделать только религия» [17, с. 23]. А.В. Колчак в общем сделал правильные выводы, он не учел только одного, что народ устал почти от всех лозунгов.

Тогда же министерством исповеданий были созданы и мобилизованы «вагоны церкви», служившие целям религиозно-пропагандисткой поддержки боевого духа войск. В сентябре 1919 г. после реорганизации и церковного управления были введены должности епископов армий, главных священников фронтов. Создавались религиозно фронтовые братства имени А. Невского и др. [1, с. 167].

Чем-то похожие изменения были произведены и в Крыму при П.Н. Врангеле, где количество проповедников армии было увеличено с 2 (при А.И. Деникине) до 10. В управление военного духовенства также вошли старообрядческий священник, римско-католический капеллан. В общем, в штатах этого управления теперь числилось 40 служащих, вместо 17 при Деникине [9, с. 182]. Кроме того, в Сибири создавались специальные боевые формирования из

числа духовенства и верующих. Специальных частей из верующих и духовенства на Юге России не было, но подобные идеи здесь тоже имели сторонников [См.: 4, с. 49].

Однако, как уже отмечалось выше, Гражданская война не являлась войной религиозной, и религиозные мероприятия сами по себе не могли значимо влиять на факторы, приведшие к поражению антибольшевистских вооруженных сил.

Окончание Белого движения подвело черту под существованием института военного духовенства в русских войсках прошлой эпохи. Анализ деятельности военно-духовного ведомства в Русской Императорской и белых армиях 10-х – начала 20-х гг. показывает, что военное духовенство оказалось способным реагировать на вызовы времени. Институт военного духовенства смог успешно функционировать в годы мировой войны, несмотря на то, что его состав в своем большинстве стал пополняться кадрами, ранее не имевшими отношения к службе в армии. Структуры, сложившиеся в ведомстве протопресвитера армии и флота, удалось переместить в полки белых армий, в том числе за счет штатного духовенства прежнего военного ведомства.

Падение авторитета военного духовенства в среде нижних чинов, а нередко и офицеров, в революционное время было связано в первую очередь с негативом, накопившимся в обществе по отношению к старому государственному порядку и Русской православной церкви, являвшейся частью государственного аппарата. Оказать существенное влияние на сложившуюся ситуацию военные священники в силу объективных причин не могли. По тем же причинам военное духовенство не могло повлиять и на исход Гражданской войны.

Задачи, возложенные на священников, служащих в армии, православное духовенство стремилось исполнять до последнего, считая это своим долгом перед Родиной и Богом.

Список литературы

1. Алексеев В.А. Иллюзия и догмы: взаимоотношения Советского государства и религии. – М., 1991.
2. Егоров Н. Церковь и Белая армия // Военная быль. – 1996. – № 8. – С. 40–48.
3. Емельянов С.Н. Попытки модернизации органов церковного управления Русской православной церкви в условиях религиозной политики государственных органов власти в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.): комплексно-исторический анализ. – Курск, 2002.
4. Емельянов С.Н. Разобщенные армии – единая идея: общность взглядов на роль церкви в антибольшевистской борьбе руководителей Вооруженных сил Юга России и Сибири // Россия на рубеже веков: история и современность: сб. ст. – Курск, 2002. – С. 46–49.

5. Желобовский А.А. Поучение на новый год // Вестн. воен. духовенства. – 1906. – № 1. – С. 6–8.
6. Золоторев О.В. Христолюбивое воинство русское. – М., 1994.
7. Кандидов Б. Церковь и гражданская война на юге (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). – М., 1931.
8. Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории. Т. 1. – СПб., 2004.
9. Митр. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М., 1994.
10. Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. – Л., 1987.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 5.
12. РГИА. Ф. 806. Оп. 19.
13. Святейшая контрреволюция // Наука и религия. – 1960. – № 11. – С. 39.
14. Сенин А.С. Армейское духовенство в России в Первую мировую войну // Вопр. истории. – 1989. – № 10. – С. 163–170.
15. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Т. 1. – М., 1996.
16. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Т. 2. – М., 1996.
17. Эйнгорн И. Д. Союз несбывшихся надежд: Церковь и контрреволюция в Сибири (1918–1922 гг.) // Наука и религия. – 1987. – № 2. – С. 23–24.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930(47)«1699/1721»

А.А. Стерликова

Внешняя политика и дипломатия России периода Северной войны в отечественной историографии

В статье проанализированы основные направления и тенденции развития отечественной историографии внешней политики и дипломатии России в годы Северной войны. Рассматриваются работы авторов XIX столетия и советского периода, а также современная историография. Раскрыто содержание научных подходов, оценок и выводов историков об особенностях внешней политики и дипломатии России в период Северной войны.

The paper deals with the main changes in the Great Northern War diplomacy and foreign policy studies in Russian historiography. The author analyses the works by different scholars of the XIX century, the Soviet era and modern historians. The paper describes the contents of scientific approaches, assessments and conclusions of historians about specific features of the Great Northern War diplomacy and foreign policy of Russia.

Ключевые слова: историография, Северная война, внешняя политика, дипломатия.

Key words: historiography, Great Northern War, foreign policy, diplomacy.

Пристальное внимание к внешней политике и дипломатии России Петровской эпохи отечественные исследователи проявили еще в XIX в. Особое внимание они уделяли таким событиям, как «Великое посольство», ход Северной войны и пр. Из общих работ необходимо упомянуть «Историю России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Большая часть соответствующих разделов которой как раз и касается истории внешней политики этого времени [46].

Ключевые вопросы внешней политики Петра I рассматривались также в исследовании А.Г. Брикнера «История Петра Великого» [11]. Несколько его же статей касаются второго заграничного путешествия Петра I по Европе и проблем русской дипломатии того времени [12; 13]. Следует отметить, что историк использовал довольно широкий круг иностранной литературы и источников. Однако зачастую А.Г. Брикнер не проверял спорные сведения иностранных, в основном немецких авторов.

Нельзя не упомянуть многотомный труд Н.Н. Бантыш-Каменского [4], в котором были опубликованы краткие известия, касающиеся отношений между Россией и европейскими государствами, основанные на материалах Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве, что и представляет ее основную ценность для современного исследователя.

В XIX в. появились и специальные исследования по внешней политике и дипломатии Петровской эпохи. Так, в работах В.Н. Александренко [1; 2] освещается деятельность русских дипломатических миссий в Англии в XVIII в. В его монографии «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.» опубликованы ценные материалы, относящиеся к малоизученному сюжету о связях петровской дипломатии со сторонниками претендента на английский престол Якова Стюарта [1, с. 24–28].

Во второй половине столетия появился ряд исследований по русско-французским отношениям XVIII в., что во многом было связано с наметившимся политическим сближением двух государств. Петровской эпохе в этих работах уделялось особое внимание, так как именно в тот период между двумя государствами завязываются постоянные дипломатические отношения. Особый интерес у историков вызвала поездка Петра I во Францию в 1717 г. с целью найти посредника для мирных переговоров со Швецией. В статье М. Ковалевского речь идет о втором заграничном путешествии Петра I [26]. О русско-французских отношениях при Петре I и Амстердамском договоре писал В.И. Штейн. Исследователь подчеркивал значение первого русско-французского договора, как в культурном, так и в дипломатическом плане [58, с. 511–512]. Более подробно дипломатическому аспекту визита Петра I уделил внимание М. Полуденский [41]. В.С. Иконников опубликовал небольшую работу, в которой шла речь об отношениях между Россией и Францией при Петре I [19]. Некоторые работы имели скорее популярный, нежели научный характер [6].

Историки XIX в. уделили внимание также и дипломатам Петровской эпохи [3; 24; 25]. Работа М.А. Полиевктова по внешней политике России в XVIII столетии охватывает период после 1725 г., однако историк обратился и к некоторым проблемам петровской дипломатии, в частности, он рассмотрел «Балтийский вопрос» с 1709 по 1721 гг. [39]. Ценность данной работы в том, что исследователь использовал материалы немецких и шведских архивов.

Несколько слов следует сказать о статье В. Нечаева «Внешняя политика Петра Великого» [36], являвшейся отголоском немецкой историографии XIX в.: Петр I представлен в ней как грозный завоеватель Европы, наводящий ужас на «цивилизованные» государства [36, с. 152–155].

В целом, сформировавшаяся в XIX в. историография петровской внешней политики и дипломатии ознаменовалась активной публикацией источников в ряде исторических изданий, в то время как специальных исследовательских трудов по данной теме появилось мало.

В историографии XX в. имеются как общие работы по истории внешней политики Петра I, так и труды, исследовавшие отдельные аспекты петровской дипломатии периода Северной войны (например, русско-английские отношения или Аландский конгресс). Серия работ по общим и отдельным вопросам внешней политики Петра I появилась в 1940-х гг. В статьях Т.К. Крыловой с использованием архивных материалов начала XVIII в. рассмотрены взаимоотношения России с Англией и странами – участницами Великого союза в начале XVIII в. [29], а также различные дипломатические сюжеты периода Северной войны [28; 30]. Х. Сориная обратилась к Аландскому конгрессу, который ознаменовал собою новый этап в русско-шведских отношениях. Тесную связь двух европейских конфликтов: Северной войны и войны за испанское наследство она увидела прежде всего в развернувшейся борьбе за создание новых международных союзов [47, с. 63]. Однако некоторые выводы Сориной вызывают сомнения: например, о том, что на Аландском конгрессе русские дипломаты не намеривались подписывать мир, а Петр I стремился к захвату части немецких земель [47, с. 64–65]. Работы начала 1940-х гг. в целом характеризуются однообразием источниковой базы (отечественные архивы и опубликованные материалы) и крайне слабым использованием иностранных источников и литературы.

Я.Я. Зутис в своих работах отметил основные проблемы европейской дипломатии второй половины Северной войны: угрозу утверждения России на Балтике, политическое значение визита Петра I в Париж, противодействие английского правительства русской дипломатии [17; 18]. Воспроизводя положения немецкой историографии, Зутис писал о якобы имевшихся у Петра I планах захватить территории в Западной Германии, превратить Висмар в базу для русского флота [18, с. 32].

В статье Б.Ф. Поршнева были проанализированы изменения в положении России в системе европейских государств на протяжении XV–XVIII вв. [43] Данная работа до сих пор не потеряла своей научной значимости. Тогда же к истории внешней политики Петра I обратился и академик Е.В. Тарле, но в его работе «Русский флот и внешняя политика Петра I» больше внимания уделено военному аспекту [50]. Статьи В. Бонч-Бруевича представляют интерес с точки зрения источниковедения, так как в них была осуществлена публи-

кация хранившейся в Датском государственном архиве переписки между датским королем и Петром I [10].

На рубеже 40-х и 50-х гг. XX в. были написаны две диссертации по внешней политике Петра I: А.А. Юдинцева исследовала деятельность Б.И. Куракина в период Северной войны [59], а И.И. Любименко – русско-английские отношения в первой половине XVIII в. [32].

Наряду с научными трудами в тот же период выходили популярные брошюры, не представляющие ныне особой научной ценности [22; 23; 31].

В 1950-е гг. появились крупные монографические исследования по истории внешней политики Петра I. Л.А. Никифоров проанализировал многосторонние русско-английские дипломатические контакты в первой четверти XVIII в. [37; 38]. В его монографии были затронуты многие до того момента малоизученные проблемы: переговоры о союзе между Петром I и Георгом I в 1714–1715 гг., русско-английские отношения в 1716 и 1717 гг. и др. [38]. Исследование Никифорова по истории русско-английских отношений является фундаментальным и актуальным для современной исторической науки.

С.А. Фейгина в своей докторской диссертации касается вопросов русской внешней политики на последнем этапе Северной войны, в том числе Аландского конгресса [56]. Автор отмечала, что уже во время подготовки конгресса русская сторона четко сформулировала свою программу мира. Фейгина первой из исследователей взялась опровергнуть выводы немецких историков о захватнических планах Петра I относительно северо-германских территорий, причем автор использовала широкую базу источников, как опубликованных, так и архивных [56, с. 3–9]. Основные сюжеты диссертации Фейгиной получили своё развитие в монографии «Аландский конгресс» [55], в которой автором был привлечен широкий круг отечественных архивных материалов, а также иностранные источники и новейшая литература. Кроме того, Фейгина является автором нескольких статей по внешней политике России в конце Северной войны и зарубежной историографии Петровской эпохи [57].

Следует упомянуть и две общие работы по дипломатии Петра Великого – В.С. Бобылева и Н.Н. Молчанова. Книга Молчанова является скорее научно-популярной работой [35], а монография Бобылева представляет гораздо больший интерес. В ней автор развил идею о связи Северной войны и войны за испанское наследство, что позволило крупным европейским державам вмешаться в Северные дела [7]. К общим работам можно отнести и сборники статей по истории внешней политики России, в том числе по XVIII в. [5].

Монография В.Е. Возгина «Россия и европейские страны в годы Северной войны...» представляет большой научный интерес, так

как в ней проведен серьезный анализ многосторонних дипломатических контактов начала XVIII в., а международные отношения рассмотрены комплексно. В работе использованы источники, впервые введенные в научный оборот, в том числе и зарубежные [15]. Необходимо отметить также статью Возгина о голштинском вопросе в 1713–1714 гг. [14].

В конце XX – начале XXI в. появился ряд работ по русско-английским [16; 45; 53; 54] и русско-французским отношениям [9; 58, с. 14–25] периода Северной войны. Впрочем, в ряде трудов по общим проблемам русской дипломатии период Северной войны остается слабо освещенным [51; 52]. С.А. Мезин обратился к русско-французским культурным связям в XVIII в., которые существенно развились при Петре I [33]. В отдельной статье историк исследует французскую историографию XVIII в., касающуюся Петра Великого [34]. Обзор отечественной литературы по русско-французским отношениям в конце Северной войны представлен в статье Е.А. Полонянкиной [40]. История внешнеполитических отношений второй половины Северной войны рассмотрена в диссертации и в ряде научных статей автора данной публикации [48; 49].

Предпринятый нами историографический обзор показывает, что основные работы по внешней политике и дипломатии Петра I тематически ограничены лишь отдельными направлениями (русско-английские и русско-французские отношения), а несколько крупных монографий касаются отдельных сюжетов начала или конца Северной войны. Данная историографическая ситуация определяет возможности дальнейшего исследования данной научной проблемы.

Список литературы

1. Александренко В.Н. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // Рус. старина: ежемес. ист. изд. – СПб., 1895. – Окт. – С. 103–114.
2. Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. – Варшава, 1897. – Т. 1.
3. Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. – М., 1812. – Ч. 1–2.
4. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). – М., 1894–1902. – Ч. 1–4.
5. Бакланова Н.А. Культурные связи России и Франции в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика, культура): сб. ст. / под ред. Л.Г. Бескровного. – М., 1966. – С. 303–445.
6. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. – М., 1892.
7. Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. – М., 1990.
8. Бобылев В.С. Документы Центрального государственного архива древних актов о русско-испанских отношениях периода Северной войны, 1715–1719 // Вопр. историографии и источниковедения социально-политических проблем истории СССР. – М., 1982. – Вып. 8. – С. 82–97.
9. Борисов В.Ю. Дипломатия Людовика XIV. – М., 1991.

10. Бонч-Бруевич В. Из неопубликованной переписки Петра I о союзе с Англией // Вопросы истории. – 1946. – № 8–9. – С. 101–105.
11. Брикнер А.Г. История Петра Великого. – М., 1996. – Т. 2.
12. Брикнер А.Г. Россия и Европа при Петре Великом // Ист. вестн.: ист.-лит. журн. – СПб., 1880. – Т. 2. – С. 420–432.
13. Брикнер А.Г. Франция и Россия при Петре Великом // Журн. М-ва народного просвещения. – СПб., 1883. – № 2. – Отд. 3. – С. 180–192.
14. Возгрин В.Е. Датско-голландское соперничество при русском дворе весной 1714 г. // Социально-политическая история СССР. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 191–206.
15. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. – Л., 1986.
16. Десятков К.С. Англо-русские отношения в конце XVII – начале XVIII в. 1697–1716 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – В. Новгород, 2000.
17. Зутис Я.Я. Балтийский вопрос в политике великих держав (от Полтавской битвы до Семилетней войны) // Историк-марксист. – М., 1941. – № 2. – С. 66–72.
18. Зутис Я.Я. Отзейский вопрос в XVIII в. – Рига, 1946.
19. [Иконников В.С.] Новые материалы для истории царствования Петра Великого. Сношения России с Францией. – Киев, 1887.
20. История внешней политики России XVIII в. (От Северной войны до войн России против Наполеона). – М., 2000.
21. История Северной войны. 1700–1721. – М., 1987.
22. Кафенгауз Б.Б. Внешняя политика России при Петре I. – М., 1945.
23. Кафенгауз Б.Б. Полтавская победа и русско-французские отношения // Полтава. – М., 1959.
24. Кедров С.И. Русь Петра Великого за границей // Рус. архив: ист.-лит. сб. – М., 1903. – № 5. – С. 21–27.
25. Князьков С.А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. – М., 1909.
26. Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра I в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Рус. мысль. – М., 1884. – Кн. V. – С. 100–115.
27. Кретинин Г.В. Прусские маршруты Петра Первого. – Калининград, 1996.
28. Крылова Т.К. Гузумские переговоры о северном мире и капитуляция второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы / под ред. И.Б. Грекова и В.Д. Королюка. – М., 1959. – С. 186–208.
29. Крылова Т.К. Россия и «Великий союз» // Ист. зап. – М., 1942. – Т. 13. – С. 84–129.
30. Крылова Т.К. Франко-русские отношения в первой половине Северной войны // Ист. зап. – М., 1940. – Т. 7. – С. 115–148.
31. Лебедев В.И. Внешняя политика Петра I. – М., 1949.
32. Любименко И.И. Россия и Англия в первой половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1950.
33. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре Великом. – Саратов, 1999.
34. Мезин С.А. Петр I во французской историографии XVIII века // Россия и Франция – XVIII–XX вв. / под ред. П.П. Черкасова. – М., 2000. – С. 14–36.
35. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. – М., 1984.
36. Нечаев В. Внешняя политика Петра Великого // Три века. – М., 1912. – Т. 3. – С. 150–156.
37. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения в 1718–1719 гг. и Аландский конгресс // Ист. зап. – М., 1946. – № 30. – С. 255–291.

38. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. – М., 1950.
39. Полиевктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). – М., 1907.
40. Полонянкина Е.А. Отечественные историки о русско-французских отношениях в 1717–1721 годы // Россия и Запад: Проблемы истории и культуры. – Нижневартовск, 2003. – С. 108–122.
41. Полуденский М. Петр Великий в Париже // Русский архив: ист.-лит. сб., издаваемый при Чертковой б-ке. – М., 1898. – Т. 36. – Кн. 3. – С. 671–680.
42. Попов Н.В. Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе. XVII – начало XVIII в. // Новая и Новейшая история. – М., 2001. – № 5–6. – С. 185–213.
43. Поршнева Б.Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV–XVIII вв. // Уч. зап. Акад. обществ. наук. – Вып. 2: Вопр. Всеобщей истории. – М., 1948. – С. 102–127.
44. Семенова В.В. Англо-русские отношения в царствование Петра I // Ист. журн. – М., 1942. – № 10. – С. 78–86.
45. Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII веках. – Ярославль, 1992.
46. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1993. – Кн. 8–9.
47. Сорокина Х. Аландский конгресс // Вопросы истории. – 1944. – № 6. – С. 50–65.
48. Стерликова А.А. Международные отношения в Европе в конце Северной войны // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. История. – 2009. – № 3. – С. 80–91.
49. Стерликова А.А. Россия и европейские страны к середине Северной войны (1714–1715) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. История. – 2008. – № 4. – С. 56–69.
50. Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. – М., 1949.
51. Тахненко Г. Дипломатическая служба. Историческая хроника // Междунар. жизнь: ежемес. журн. проблем междунар. отношений, мировой политики и дипломатии. – 1993. – № 2. – С. 121–132.
52. Усачев И. Дипломатия Российской империи // Междунар. жизнь: ежемес. журн. проблем междунар. отношений, мировой политики и дипломатии. – 1993. – № 9. – С. 142–151.
53. Уточкина Ю.А. Англо-русские отношения с 1649 по 1714 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 1995.
54. Уточкина Ю.А. Чарльз Уитворт и Россия // История и историография зарубежного мира в лицах: межвуз. сб. науч. ст. – Самара, 1996. – Вып. 1. – С. 67–77.
55. Фейгина С.А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. – М., 1959.
56. Фейгина С.А. Внешняя политика России в конце Северной войны и Аландский конгресс: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1951.
57. Фейгина С.А. По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI–XVIII веках // Вопр. истории. – 1955. – № 12. – С. 204–212.
58. Черкасов П.П. Двухглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в., 1700–1775. – М., 1995.
59. Штейн В.И. Петр Великий и франко-русский союз // Ист. вестн. – 1893. – № 5. – С. 510–517.
60. Юдинцева А.А. Русская дипломатия в период Северной войны (деятельность Б.И. Куракина): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1949.

К изучению научного наследия Ф.А. Эмина-историка¹

В статье рассмотрены взгляды на российскую историю писателя и переводчика Ф.А. Эмина. В его «Российской истории» проанализированы не только особенности влияния литературы на историческое повествование, но также реальный вклад автора в развитие российской исторической науки.

The article discusses the views on Russian history of the writer and translator F.A. Emin (1735–1770). The author identifies in his “History of Russia” not only the influence of literature on historical narration but his real contribution in the development of Russian historical science.

Ключевые слова: историческая наука, литература, историография, «Российская история», Ф.А. Эмин.

Key words: history, literature, historiography, “History of Russia”, F.A. Emin.

Федор Александрович Эмин (1735–1770) являлся литератором и переводчиком. Но в период подъема в России интереса к отечественной истории он опубликовал в 1768–1769 гг. трехтомный труд «Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая» (на титульном листе первого тома указан 1767 г.) [3, с. 272]. Судя по названию, эта работа должна была стать многотомной и излагать российскую историю до 1760-х гг., но повествование доведено в третьем томе только до 1213 г. Разыскания автора остановила смерть.

Отношение к творчеству Эмина-историка в историографии различно. Уже в конце XVIII – начале XIX в. историков не удовлетворяло неверное цитирование им исторических источников, выдумывание несуществовавших авторов и исторических фактов (А.Л. Шлёцер, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Е. Болховитинов), хотя тогда же Я.А. Галинковский отметил знание Эминым многих европейских и восточных языков, исторической литературы и критическое отношение к ней, умение осмыслить значение исторических событий. Впрочем, негативное отношение к Эмину и его «Российской истории» в последующей историографии преобладало

[историографический анализ см.: 10, с. 243–252; 5, с. 462–464; см. там же литературу]. Некоторые историки-профессионалы в своих обобщающих трудах даже не упомянули Эмина и его трехтомную «Российскую историю» в своих историографических исследованиях (В.О. Ключевский, Л.В. Черепнин, А.Л. Шапиро).

В отличие от многочисленных критических характеристик Эмина как историка Е.Б. Бешенковский считал, что он многие источники и факты не выдумывал, а следовал за уже существующей литературой. Поэтому, по его мнению, место «Истории» Эмина в русской историографии XVIII в. еще не определено [3, с. 288–289].

Действительно, в негативных для исторического труда Эмина обобщающих характеристиках не было раскрыто его конкретное содержание. Не был учтен литературный фактор в изложении исторических сюжетов. В данной связи существенны наблюдения филологов над творчеством Эмина-писателя, публицистическая составляющая его романов [8].

Обобщая наблюдения предшественников и свои собственные над литературным творчеством Эмина, В.П. Степанов отметил свойства псевдомемуаров в его авантурных романах. В литературных произведениях он обсуждал вопросы воспитания, религии, этики, сословного строя общества, справедливости судов. Положительно изображая патриархальную утопию, близкую к идеям Ж.-Ж. Руссо, он эклектично соединял взгляды античных моралистов и публицистов эпохи Просвещения. Степанов обоснованно отметил в его «Российской истории» литературные начала: стремление «прежде всего к литературно обработанному изложению событий, скрепленному моралистическими рассуждениями», широкое применение «приемов драматизации и распространения повествования, ориентируясь на античные образцы» [13, с. 446–447, 449; см. там же литературу].

Такой накопленный исследовательский опыт способствует раскрытию особенностей творческого стиля Эмина в написанной им «Российской истории».

Реальное содержание биографии Эмина до его прибытия в Россию едва ли удастся установить, поскольку сам он, прекрасный литератор, относился к излагаемым событиям своей жизни как к приключенческому роману. Вероятно, документы, основанные на его показаниях, автобиографические экскурсы в его сочинения столь же литературного происхождения. Достоверным можно считать лишь то, что после долгих скитаний по владениям Османской империи и европейским странам Эмин появился в Петербурге в 1761 г. О том, в каких государствах побывал этот литературно одаренный человек с прекрасными способностями к усвоению иностранных языков, свидетельствует тот факт, что на экзамене вскоре

после прибытия в Россию, было установлено владение им итальянским, испанским, португальским, английским, польским и русским. Знал он также латынь. На турецком Эмин мог только говорить. В России он основательно овладел французским языком [4, с. 186–203; 2, с. 184–186].

Эмин начал свою деятельность в России 11 июля 1761 г. со службы переводчиком в Коллегии иностранных дел. Также он обучал в Академии художеств итальянскому языку. Впрочем, жалование было небольшим. Поэтому ему пришлось заняться в 1763–1766 гг. переводом литературных и научных произведений с португальского, итальянского, французского, английского и латинского языков. В его литературных произведениях, сатирическом журнале «Адская почта, или Переписка хромоногого беса с кривым» (1769, июль–декабрь) изображены реалии российской общественной, литературной и научной жизни, а также отношение к ним самого автора [12, с. 207–225]. Как с осуждением писал Эмин в пятом письме «Адской почты», в условиях екатерининского правления 60-х гг. конкретных политиков и литераторов критиковать было нельзя [1, с. 23].

После 1766 г. Эмин прекратил занятия литературой, сосредоточившись на исторических разысканиях. Начал он с перевода недавно изданной тогда «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера. Эмин представил этот перевод в Академию наук 5 июля 1767 г. Но уже к 25 сентября он отказался от намерения его опубликовать, отдав в академическую типографию первый том своего труда «Российская история».

В предисловии к этой книге Эмин сформулировал задачи истории как «первой и нужнейшей науки». Одна из них – исследовательская и одновременно обучающая, патриотическая, сформулированная в категориях эпохи Просвещения: «показать каждому гражданину начало его отечества, оною свойства, различность народов, оных происхождение, действие, склонности, нравы». Другая задача традиционно указывала назначение истории как «учительницы жизни» [14, с. VII]. Между тем все более становилось очевидным, что история никого никогда ничему не научила, поскольку все события происходили в соответствии с обстоятельствами своего времени.

Так же двойственно, с конструктивными наблюдениями (и здесь же с банальными, и даже ошибочными суждениями) написаны все три тома «Российской истории». Но во всех случаях Эмин проявил самостоятельность своих взглядов, подчас удивляя своей интуицией, которая возмещала ему недостаток профессиональных знаний.

Эмин обоснованно критиковал В.Н. Татищева за использование им сведений, содержащихся в сочинении М. Стрыйковского, который, по словам Эмина, «весьма много писал с правдою несходного». Впрочем, здесь же он осудил Татищева за то, что тот отрицал

пребывание в Новгороде апостола Андрея Первозванного и происхождение русских князей от библейского Мосоха. Если ошибочность второго суждения очевидна, то правоту Татищева в мнении о миссии апостола Андрея на Руси подтвердили научные исследования значительно позднее.

Эмин допускал свободу дискуссий и выбора исторических источников. Но сам он следовал «лучшим древним авторам». Таким источником стала для него Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Она, как сейчас хорошо известно, содержала в своем составе значительно более древние северо-восточные летописные своды последней четверти XII – начала XIII в. [7, с. 248–251]. В то же время он критически характеризовал те известия Никоновской летописи, которые «несходны с Нестором и с прочими», т. е. с более древними летописными сводами. Эмин писал о преимуществах «Нестора» и в сравнении с западными хрониками и анналами: «<...> я не только в наших, но и во внешних летописцах такого беспристрастия и точности не нахожу, какою наполнен Нестор, ибо сей историк меньше всех почти древних писателей баснословен, а я по большей части верил тем древность описывающим авторам, которые с правдою сходнее писали. Особливо боялся наполнить историю мою странными чудесами и многими баснями, дабы вместо исторических описаний не набаять тому сказок».

Впрочем, заявлять такие принципы было легче, чем их осуществлять, что требовало высокой профессиональной подготовки в исторических исследованиях.

В дискуссии о происхождении варягов Ф.А. Эмин решительно возразил против мнения Т.З. Байера о шведском происхождении Рюрика и его варягов. В этой идее, не называя своего предшественника, он поддержал позицию М.В. Ломоносова в его дискуссии с Г.Ф. Миллером, происходившей в особых обстоятельствах правления Елизаветы Петровны конца 1740-х гг. Но Эмин не учел, что мнение Ломоносова об этнической принадлежности варягов изменялось вследствие собственных научных разысканий, новых условий распространения идей Просвещения в России в 50-е гг., а также начала правления Екатерины II. Вот как Ломоносов сформулировал этническую принадлежность варягов в посмертно изданной в 1766 г. «Древней Российской истории»: «Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам» [6, с. 203–204; 11, с. 548–587, 604–739, 742–743].

Таким образом, Эмин поддержал мнение М.В. Ломоносова об этнической принадлежности варягов лишь формально и частично, не учитывая конкретных обстоятельств научной разработки своим предшественником этой темы. Литературное преувеличение от-

дельных наблюдений Эмин допустил, утверждая, что «<...> все почти европейские народы должны искать своих праотцев в землях, ныне России принадлежащих». Такой обобщающий вывод Эмин сделал на основании переселения готов, угров (венгров) и гуннов в другие европейские земли из Восточной Европы [14, с. XLII].

Впрочем, Эмин не замечал, что его авторские принципы, сформулированные в «Российской истории», не только эклектичны, но и противоречивы. Абсолютизация мнения о славянской принадлежности варягов исключала восточных славян и Русь из общеевропейского контекста так называемой «эпохи викингов», противопоставляла их историческое развитие другим европейским странам. Суждение о России как родине «праотцев» «всех почти европейских народов», напротив, абсолютизировало их древнейшие этнокультурные связи. Попытке противопоставить в «варяжском вопросе» историческое развитие Руси и других европейских стран противоречили также латиноязычные и византийские авторы, по словам Эмина, «писавшие о делах славянских» [14, с. XXV–XXVI]. Они свидетельствовали о Руси в едином европейском политическом и культурном пространстве. Такому принципу единства следовал и сам Эмин в своей «Российской истории», излагая политические и династические связи Руси с другими европейскими государствами. В этом он продолжил опыт, уже накопленный в трудах В.Н. Татищева, Т.З. Байера, М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера.

Обладая самостоятельным мышлением, Эмин осознанно не последовал за А.Л. Шлёцером в его описательной периодизации российской истории на «рождающуюся», «разделенную», «утесненную», «победоносную», «процветающую». Эмин показал истоки такой периодизации в трудах «римских богословов» [14, с. XLVI–XLVII]. Впрочем, в своем изложении событий российской истории он обещал читателям беллетризацию повествования: «Но должен я всех уведомить, что многие речи, которые в сей истории разные говорят лица, выдуманы». С одной стороны, он обещал «каждое минувшее действие описывать обстоятельно, находить оною причины», что подразумевает аналитическое изложение событий. Но допускал Эмин также домысливания, «следствия, которые хотя, может статься, по случаю и не были, однако легко бы быть могли» [14, с. XLIX, L–LI]. Такому принципу Эмин следовал во всех трех опубликованных им томах «Российской истории».

Таким образом, в литературных произведениях и в «Российской истории» Эмин проявил одинаковые свойства патриотизма и идеологизации, компилятивности, пересказа использованных текстов, их авторской литературной переработки. Такие авторские принципы оказали значительное воздействие на изложение Эминым основных событий российской истории.

Наряду с компилятивностью, заимствованиями у других авторов, прежде всего у М.В. Ломоносова, в первом томе «Российской истории» Эмина отмечаются его самостоятельные наблюдения при изложении древнерусской истории X – первой половины XI в., в анализе исторических источников, содержащих сведения об этом периоде. В источниковедческих суждениях особое значение приобретает его мнение о времени происхождения Краткой Русской Правды, сохранившейся в составе Новгородской первой летописи. Пространная Русская Правда была тогда неизвестна.

Краткая Русская Правда была открыта В.Н. Татищевым в Академическом списке Новгородской Первой летописи. Анализируя содержание Правды, он установил ее двухчастную структуру. Первую ее часть, которую в последующей литературе стали называть Правда Ярослава или Древнейшая Правда (ст. 1–18 по современному делению на статьи), Татищев охарактеризовал как изданный Ярославом «древней закон предков своих», т. е. закон, который существовал значительно ранее времени его правления. Эту часть Правды он идентифицировал с «законом русским», нормы которого указаны в русско-византийских договорах 911 и 944 гг. Другое доказательство Татищева происходило из мнения об особом значении закона в абсолютистском монархическом государстве: Гостомысл, Рюрик и назначенные им князья не могли бы судить, если бы у них не было общего письменного закона. Для доказательства древности первой части Правды он указал также использованное в ней древнее слово *скот* как обозначение денег.

В изучении Русской Правды Эмин пошел путем В.Н. Татищева, но независимо от него и на новом уровне. В соответствии с исторической концепцией эпохи Просвещения, прежде всего теорией Ф.М. Вольтера, прогресс общества определялся уровнем развития цивилизации, которая противостояла варварству. По Эмину, Руси времени правления Ярослава Мудрого были свойственны христианство, письменность, Русская Правда, «не сходная с Божественным законом», а также международные династические союзы. Поэтому он решительно не согласился с мнением А.Л. Шлёцера о Правде как законе времени Ярослава. Определяющим для него стало содержание ее статей. Их содержание, по Эмину, было архаичным, а потому их происхождение было «гораздо прежде» «времени Ярославова». Подтверждая вывод о древнем происхождении Правды, Эмин вновь привел просветительский аргумент: «Напротив того, при Ярославе Россия была в самом цветущем состоянии». Такое мнение стало для Эмина поводом для его размышлений об особенностях последующего исторического развития России, об упадке в ней просвещения в условиях внутренних распрей и враждебного окружения [14, с. 386, прим. б, с. 390–391].

Эмин внес свой конструктивный вклад и в изучение истории Новгорода, в котором сформировался и существовал во второй половине XII – середине XV в., до присоединения к великому княжеству Московскому, политический строй, отличный от северо-восточных русских княжеств. В условиях проектов екатерининских преобразований Эмин, характеризуя политический строй Новгорода, сосредоточился на его особенностях, используя западный термин *магистраты*. Он продолжил намеченный Г.Ф. Миллером метод сопоставления Новгорода с западными городами, автономными по отношению к государевой власти или независимыми от нее [9, с. 3–50]. Но в отличие от Миллера Эмин сопровождал известные ему факты домысливаниями. Возможно, в представлениях о городском устройстве Новгорода некоторые исторические реалии в пересмысленном виде совместились у него с обсуждаемыми либералами проектами реформирования российских городов в 60-е гг. XVIII в.

Эмин развил отдельные наблюдения предшественников над политическими и династическими связями Руси с западными странами на основе древнерусских, византийских и западных исторических источников в обширные экскурсы, касающиеся сложной системы взаимоотношений многих государств Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. Таким образом, домонгольская Русь оказывалась постоянно включенной Эминым в общеевропейский исторический контекст [14, с. 297–302, 372–373, 429–448 и др.; 15, с. 19–29, 129–149 и др.; 16, с. 79–80 и др.].

Впрочем, в «Российской истории» Эмина его современников и потомков более интересовали его фактические ошибки, домысленные исторические события и речи персонажей, неясно указанные исторические источники. Оправдывая особенности своего труда, Эмин пытался объяснить свои отличия от летописца. Он отметил общегосударственное назначение труда «Нестора»: «Славный наш Нестор писал свою летопись не яко историк, но яко держатель государственных записок». Эмин подчеркнул особенности труда летописца, подразумевая его сопоставление с историками своего времени, эпохи Просвещения: «В нем цена добродетелям и порокам не полагается; будущее, из настоящего истекающее и для просвещения весьма потребное, не рассматривается; описанным действиям свидетели не представлены и причины оных не сыскиваны». Иначе говоря, по мнению Эмина, историк в своем произведении должен давать оценки действиям добродетельным и порочным, изучая настоящее, выявлять в нем то, что необходимо просвещению народа и страны в целом, устанавливать причины происходивших событий и приводить доказательства своим суждениям. Впрочем, Эмин высоко оценил «Нестора» за то, что он смог «такую

написать летопись, из которой просвещенного рассуждения догадка всю истину почерпнуть может», т. е. она содержит так много сведений, что на их основании просвещенный читатель сможет установить истинное содержание событий.

Далее Эмин конкретизировал свое понимание исторического исследования. Он исходил из суждения, в соответствии с которым «все обыкновения (здесь, традиционные порядки. – М.С.) имеют свои начала и причины», имеют свою предысторию. Особая сложность труда историка, по Эмину, заключается в том, что в таком огромном числе «обыкновений» с их историями или «баснями» (здесь – вымышленными повествованиями) «весьма трудно сыскать тот **скрытый узел**, который в одно собрание все обыкновения с настоящими оных началами и причинами связывает и в желанное приводит согласие». Таким образом, он заявил, что основной задачей историков является установление скрытого комплекса причин, который определял последующее развитие традиционных порядков и событий в их взаимной связи. При этом он как человек эпохи Просвещения предупредил тех, кто **«преданиям их отцов слепо веря, к истинному рассуждению и мысли свои обратить страшится»**, что они «никогда не узрят» «сей истинной связи» [16, с. IV–V; выделено нами]. «Преданиям отцов» Эмин предпочитал современное аналитическое просвещенное мышление современного человека.

Анализ общественных взглядов, литературного творчества, а также исторических разысканий Эмина позволяет установить целостность и последовательность его определяющей концепции. Ей свойственны просветительские принципы прогресса, социальных преобразований на гуманных основаниях справедливости, либерализма, народной пользы. Вместе с тем он последовательно демонстрировал чувство патриотизма, которое проявлялось в стремлении просвещения, образования россиян, объяснения им места и значения России в международном контексте.

Едиными были авторские принципы Эмина в написании литературных и исторических произведений. Он в равной мере пересказывал в беллетризованной форме использованные материалы, отбирая их и домысливая необходимые для литературного повествования сюжеты. Данные наблюдения историков литературы и историографов в полной мере обоснованны. Между тем остались необъясненными причины перенесения принципов литературного творчества на разыскания историка.

По нашему мнению, оно произошло вследствие того, что Эмин, перейдя от литературного творчества к историческим разысканиям, продолжал видеть один объект изучения – человеческое общество, не учитывая качественных различий между особенностями и возможностями литературного и исторического познания. Литература

познавала действительность, в том числе историческую, в образах, тогда как историческая наука – в изучении общества в прошлом на основании информации всех видов исторических источников, критического их изучения и последовательного применения этих наблюдений при исследовании исторических фактов.

Воспринимая историческое изучение как процесс литературный, преимущественно повествовательный, Эмин заимствовал без изменений или переосмысливал наблюдения своих предшественников, преимущественно М.В. Ломоносова, хотя и расходился с ним во мнениях, а также подвергал их критике.

Между тем как человек хорошо образованный и самостоятельно мыслящий Эмин внес свой вклад в изучение российской истории. Он поддержал намеченное Петром Великим и развитое последующей российской историографией светское изучение истории России в едином европейском пространстве. Эмин первым стал **последовательно** рассматривать международные связи Древней Руси как составную часть сложной системы международных отношений в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе. Такое понимание международного контекста истории Руси способствовало тому, что он поддержал уже существовавшую в российской историографии тенденцию характеризовать новгородское политическое устройство как свойственное западным городам, независимым от власти государей и находившимся в договорных отношениях с ними.

Эмин сделал ряд обоснованных новых наблюдений над содержанием Радзивилловской и Никоновской летописей, которые уже активно изучались и использовались в российской историографии, особенно первая из них, в начальной части которой обоснованно видели тогда сохранившийся труд Нестора, как считали тогда, первого летописца. При этом Эмин осознанно избрал для изложения событий древнерусской истории Радзивилловскую летопись. Впрочем, делал он это непоследовательно, а значение уже известной тогда Новгородской Первой летописи не оценил. Эмину принадлежат некоторые конструктивные наблюдения над содержанием русско-византийских договоров. Он первым включил в повествование о древнерусской истории Краткую Правду Русскую, в содержании которой проследил ее древнейшие начала.

Эмин, видимо, первым наметил изучение основных причин изменений в древнерусской культуре как следствия политической раздробленности ранее политически единого государства.

Таким образом, анализ творчества Эмина-историка не только подтверждает многие из критических наблюдений над ним в предшествующей историографии, но также свидетельствует о его существенном значении в развитии исторических идей в российской исторической науке.

Список литературы

1. Адская почта. – СПб., 1769. – Июль.
2. Арзуманова М. Новое о Ф. Эмине // Русская литература. – 1961. – № 1.
3. Бешенковский Е.Б. Историографическая судьба «Российской истории» Ф.А. Эмина // История и историки: историограф. ежегодн. 1972 г. – М., 1973.
4. Бешенковский Е.Б. Жизнь Федора Эмина // XVIII век. // Сб. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л., 1976.
5. Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: науч. наследие. – СПб., 2000.
6. Ломоносов М.В. ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. 2.
7. Лурье Я.С. Летопись Радзивилловская // Слов. книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1.
8. Лященко А. К истории русского романа: Публицистический элемент в романах Ф.А. Эмина. – СПб., 1898.
9. Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших одного города случаях // Ежемес. соч. и изв. о учен. делах. – СПб., 1761.
10. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. – Л., 1965. – Ч. 2.
11. Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – СПб., 2011.
12. Серман И.З. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка» // XVIII век // Сб. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л., 1958.
13. Степанов В.П. Эмин (Эминовский) Федор Александрович // Слов. рус. писателей. – СПб., 2010. – Вып. 3.
14. Эмин Ф. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. – СПб., 1767. – Т. 1.
15. Эмин Ф. Российская история <...>. – СПб., 1768. – Т. 2.
16. Эмин Ф. Российская история <...>. – СПб., 1769. – Т. 3.

Е.В. Никуленкова, И.А. Тропов

Освещение революционных событий 1917 года в России в советской историографии 20-х гг.

В статье характеризуется состояние исторической науки в СССР в 1920-х гг. и анализируются научные и публицистические работы того времени, касающиеся истории революционных событий 1917 года. Раскрыты проблематика работ и особенности теоретических подходов авторов к исследованию истории революции. Выявлено место и значение работ, вышедших в 1920-х гг., в отечественной историографии.

The article characterizes the state of historical science in the USSR in the 1920s and analyzes scientific and publicistic works of that time devoted to the history of the revolutionary events of 1917. The authors discuss the issues of the works and features of the theoretical approaches to the study of the revolution history. The place and value in the national historiography of the works published in the 1920s are found out.

Ключевые слова: историческое исследование, историография, Революция 1917 г.

Key words: historical research, historiography, The revolution of 1917.

События переломного для России семнадцатого года практически сразу привлекли внимание и политиков, и историков. Во многом это было связано с пониманием пришедшими к власти большевиками особой роли революции как одного из важнейших символов и источников их власти, а также с необходимостью обосновать закономерность данного исторического явления и показать прогрессивный характер свершившихся в стране после Октября 1917 г. преобразований.

Повышенный интерес к указанной теме обуславливался также развернувшейся в СССР в 20-е гг. внутрипартийной борьбой, сопровождаемой многочисленными дискуссиями, участники которых нередко апеллировали к тем или иным аспектам революционной истории страны. Наибольшее значение в этом отношении имела статья Л.Д. Троцкого «Уроки Октября» (1924) [28] и последовавшие за ней критические выступления Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.К. Крупской, И.В. Сталина и др. партийных деятелей [10].

Несомненно, их труды невозможно отнести к научным произведениям, но всё же высказанные в них суждения заметно актуализировали изучение причин, движущих сил, характера и исторического

значения «пролетарской революции». Однако сам характер внутрипартийной политической борьбы исключал возможность объективного рассмотрения прошлого. Исторические факты использовались противоборствовавшими сторонами выборочно, в целях подкрепления собственных идейно-политических взглядов и дискредитации взглядов противников. Официальные трактовки революционного процесса в России, исходившие от сталинского большинства в руководстве ВКП(б), в дальнейшем на долгие годы стали во многом определять методологию и тематическую направленность научных исторических исследований [3; 23, с. 709–710, 722–726; 27, с. 13–15].

Впрочем, первое послереволюционное десятилетие было отмечено относительной свободой научного творчества, что проявилось в сосуществовании различных теоретико-методологических подходов к исследованию революционных событий 1917 г., например, позитивизма и эволюционизма, восходивших к трудам родоначальника социологии О. Конта и английского ученого Г. Спенсера, психологизма Дж.-С. Милля, Л. Гумпловича и др. Но довольно быстро «буржуазные» подходы вытеснялись как «антинаучные», а единственно верной теорией в стране был провозглашен марксизм. «Марксистская схема Октябрьской революции, – говорил в этой связи М.Н. Покровский, – может быть только **одна**: по этой схеме революция была проведена, по этой же схеме будет писаться ее история...» [20, с. 4]. Ясно, что при таком подходе альтернативным теориям и концепциям места в науке просто не оставалось. В 1920-е гг. были сделаны важные шаги по пути формирования новой, марксистской исторической науки, однако этот процесс в указанный период еще не был полностью завершен.

Большую роль в организации исследований на основе марксистской методологии сыграла Комиссия по истории Октябрьской революции и коммунистической партии (Истпарт), которая была учреждена постановлением Совета народных комиссаров 21 сентября 1920 г. при Наркомате просвещения [25]. Комиссия должна была заниматься сбором, обработкой и изданием материалов по истории коммунистической партии и Октябрьской революции [14, с. 141; 15, с. 277–280]. С 1 декабря 1921 г. Истпарт перешел в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела. Истпарт сыграл большую роль в сборе документального материала и в разработке проблем истории коммунистической партии, рабочего и революционного движения, Октябрьской революции, систематизации собранных материалов и их публикации. Возглавлял Истпарт в 1920-е гг. М.С. Ольминский. В 1920–1923 гг. была создана широкая сеть истпартов по всей стране. Местные бюро истпартов должны были собирать и хранить материалы по истории революционного движения

и коммунистической партии в своем районе, обрабатывать их и публиковать.

В исследовании Революции 1917 г. принимали активное участие различные учебные и научные центры. Так, в Институте красной профессуры на историческом отделении в 1925 г. был организован семинар по Октябрьской революции, которым руководил М.Н. Покровский. По тематике он был достаточно широким. Большое внимание уделялось обоснованию закономерности революции. Поэтому многие темы касались ее предпосылок: социально-экономического и политического развития страны в условиях «империализма», рабочего и крестьянского движения как проявлений классовой борьбы [22. Д. 26. Л. 28–29]. Доклады, подготовленные в данном семинаре, были изданы отдельным двухтомником, в котором были опубликованы первые работы о событиях 1917 г. таких историков, как О.А. Лидак, М.С. Югов, Э.Б. Генкина и др. [17].

Практическим результатом работы местных истпартов стала публикация на протяжении 1920-х гг. целого ряда популярных очерков и хроник революционных событий 1917 г. Особенно много работ по истории местных органов власти появилось к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. О специфике этой литературы советский историк М.Е. Найденов в 1957 г. говорил следующее: «Популярные очерки, принадлежавшие, как правило, перу участников или очевидцев революционных событий, имели крайне узкую источниковедческую базу. Мемуары, причем не только революционных деятелей, но и белогвардейцев, меньшевиков и других врагов революции, являлись для большинства тогдашних историков Октябрьской революции основным источником» [12, с. 284]. Полагаем, что данная оценка не вполне справедлива: она не учитывает довольно большого разнообразия качественного уровня выходившей в 20-е гг. исторической литературы. Наряду с работами, написанными на основе действительно небольшого круга источников [11; 26], выходили в свет довольно солидные труды, авторы которых широко привлекали не только мемуары, но и другие виды источников, в том числе, извлеченные из архивохранилищ [16; 29]. Думается, что и спустя многие десятилетия такого рода труды, насыщенные многочисленными фактами, не утратили своего научного значения.

При всем тематическом многообразии исторической литературы 1920-х гг., можно выделить несколько основных проблем, привлекавших особое внимание историков и публицистов.

Одной из важнейших исследовательских задач являлась характеристика причин, предпосылок и характера революционных событий 1917 г. При этом «февраль» и «октябрь» не только в этом отношении жестко противопоставлялись друг другу, но и недвусмысленно утверждалась идея о более высокой исторической зна-

чимости октябрьских событий над февральскими. В исторической литературе по Февральской революции часть исследователей, опираясь на оценки лидеров большевистской партии и государства, проводили мысль о противоречиях между помещиками и буржуазией как главной причине Февральской революции, об ухудшении положения трудящихся масс в условиях мировой войны, стихийности и буржуазно-демократическом характере Февральской революции, приведшей к власти в России буржуазию [7; 8; 4].

Особое значение имеют труды, в которых рассматривалась социально-политическая ситуация, сложившаяся в февральские дни 1917 г. в провинции. Например, Д.О. Заславский и В.А. Канторович впервые обратили внимание на имевшиеся различия среди губернаторского корпуса и полиции в отношении произошедшего в Петрограде переворота. Авторы показали, что не все представители царской администрации противодействовали установлению новой революционной власти на местах в конце февраля – начале марта 1917 г. Некоторые выказывали полную лояльность новому режиму. При этом Д.О. Заславский и В.А. Канторович явно недооценивали политическую активность местного населения. По их мнению, лишь «Петроград пережил революцию», а для остальной «России она пришла сверху» [5, с. 53–56].

В большинстве исторических работ 1920-х гг. Февральская революция характеризовалась как пролог революции социалистической, что побуждало авторов к рассмотрению внутренней политики Временного правительства [18], «классовой борьбы» в деревне и в городе [21; 9], а также истории формирования и деятельности различных органов политической власти в России весной–осенью 1917 г. [13; 18].

В работе Р. Арского «От Февраля к Октябрю» проводилась мысль о том, что передача власти советам рабочих и крестьян в октябре 1917 г. стала естественным продолжением и завершением революции, начатой в февральские дни. Советы автор характеризовал как органы, в которых воплощена диктатура пролетариата, необходимая для подавления сопротивления буржуазии и для того, чтобы «колеблющиеся элементы» подчинить «большинству населения, которое эту революцию проводит» [1, с. 116].

С.А. Пионтковский в одном из своих исторических очерков отметил возрастание роли столичных и провинциальных Советов после провала «корниловщины», указал на процесс их большевизации, а также на стихийный рост влияния большевиков в городских думах, профсоюзах и фабрично-заводских комитетах. Автором были проанализированы данные о перевыборах Петроградской, Московской и Царицынской городских дум в конце августа 1917 г., а также об изменении партийного состава Саратовского со-

вета к середине сентября 1917 г., приведших к укреплению позиций большевиков. Несомненной заслугой С.А. Пионтковского стало рассмотрение им, хотя далеко не в полном объеме, вопроса об эффективности деятельности Временного правительства и его местных представителей – губернских и уездных комиссаров. Автор подчеркнул, что ни предпринимаемые властью словесные увещания крестьян, ни создание особых комитетов по борьбе с анархией, ни, наконец, использование карательных отрядов оказались не в состоянии остановить рост крестьянского движения в стране и сползание к анархии. Органами, выражавшими интересы крестьян и придававшими организованность их стихийной борьбе за землю, он считал местные Советы крестьянских депутатов, исполнительные и земельные комитеты [18, с. 41–50, 56–58]. Вместе с этим С.А. Пионтковский много внимания уделил стихийности и неорганизованности народных масс в революции, заявлял об отсутствии «организованных сил» в руках Московского Совета и ВРК 25–27 октября 1917 г. [18, с. 91].

К концу 1920-х гг. трактовка данных событий С.А. Пионтковским существенно изменилась. В книге, вышедшей в 1927 г., положения о стихийности и неорганизованности революционных масс вытесняются тезисом об «организованной силе» и «организационных указаниях» со стороны органов большевистской партии, направлявших революционное движение «в определенное планомерное русло» [19, с. 90].

С середины 1920-х гг. активизируется издание литературы, специально рассматривавшей роль РКП(б)–ВКП(б) и большевиков в революции [2; 24; 6]. Эти работы носили преимущественно описательный характер, их авторы сосредотачивали внимание на революционном движении народных низов и на борьбе большевиков за влияние в массах. При этом они лишь фрагментарно использовали источники для характеристики ситуации на местах. В то же самое время эти работы закладывали историографическую традицию доказательства ведущей роли партии большевиков в революционных событиях 1917 г.

Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению о том, что в 1920-х гг. в отечественной исторической науке стали господствующими ленинские оценки революции, историографическая ситуация в указанный период не выглядит столь однозначной. Признавая очевидные тенденции формирования большевистской концепции истории революции, следует, тем не менее, подчеркнуть, что в 1920-е гг. существовал известный плюрализм научных подходов и оценок революционных событий и процессов. Еще вполне допустимыми (хотя и постепенно изживаемыми) были тезисы о преобладании стихийности в революции и в процессе создания революционных органов

власти, о слабости или даже отсутствии руководящего начала со стороны большевистской партии и т. п. И хотя выпускавшиеся в 1920-е гг. книги и статьи нередко имели публицистический характер, уделяя большое внимание не столько анализу, сколько апологетике «пролетарской революции» и нового политического порядка, всё же литература этого времени оставила заметный след в отечественной историографии, заложив самые первые основы научного исследования революционных событий 1917 г., а использованные авторами уникальные документы, подчас не сохранившиеся до наших дней, делают историческую литературу 1920-х гг. особенно значимой для современных исследователей.

Список литературы

1. Арский Р. От Февраля к Октябрю. – Л., 1925.
2. Батурлин Н.Н. Борьба за Советы как органы пролетарской диктатуры. – Л., 1925.
3. Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. – М., 1930.
4. Бочаров Ю. Февральская революция 1917 г. – М., 1927.
5. Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. – Т. 1. – Пг., 1924.
6. История ВКП(б) / под общ. ред. Ем. Ярославского. – Т. 4. – М., 1930.
7. Кин Д.Я. Война и Февральская революция. – М., 1924.
8. Кривошеина Е.Н. Февральская революция. – М.-Л., 1926.
9. Лидак О.А. Июльские события 1917 г. // Историк-марксист. – 1927. – Т. 4. – С. 3–32.
10. Ленинизм или троцкизм: сб. ст. и докл. – Кременчуг, 1925.
11. Материалы по истории революционного движения / под ред. В.Т. Илларионова. – Т. 1–4. – Н.-Новгород, 1920–1922.
12. Найденов М.Е. Великая Октябрьская социалистическая революция в освещении советской (русской) исторической литературы // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции: сб. ст. / ред колл.: М.И. Стишов и др. – М., 1957. – С. 259–314.
13. Нечаев И.Л. От Февраля к Октябрю // Октябрьская революция в Нижегородской губернии. – Н.-Новгород, 1927.
14. Никуленкова Е.В. Истпарт // БРЭ. – М., 2008. – Т. 12.
15. Никуленкова Е.В. Образование и деятельность Комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии (Истпарта) в 1920-е гг. // XII Царскосельские чт. «Становление российской государственности на современном этапе». – Т. 1. – СПб., 2008. – С. 277–280.
16. Октябрь в Тверской губернии / сост. П.А. Кочетков. – Тверь, 1927.
17. Очерки по истории Октябрьской революции. Работы исторического семинария Института красной профессуры / под ред. М.Н. Покровского. – Т. 2. – М., Л., 1927.
18. Пионтковский С.А. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход: популярно-ист. оч. – М.-Пг., 1923.
19. Пионтковский С.А. Октябрь 1917 года. – М.-Л., 1927.
20. Покровский М.Н. Октябрьская революция в изображениях современников // Историк-марксист. – 1927. – Т. 5.

21. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России в XIX и XX веках. – М., 1924.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 147. Оп. 1.
23. Рубинштейн Н.Л. Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. – СПб., 2008.
24. Серебрянский З. От керенщины к пролетарской диктатуре: Очерки по истории 1917 г. – М.-Л., 1928.
25. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 27 сент. – 1920. – № 80.
26. Сорокин А. Из истории семнадцатого года в Туле. – Тула, 1925.
27. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.). – СПб., 2011.
28. Троцкий Л.Д. Уроки Октября (С прил. критич. материалов 1924 г.). – Л., 1991.
29. Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. – Владимир, 1927.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47)«1610/1611»

А.В. Абанин

Григорий Леонтьевич Валуев. Фактор личности в период распада Московского государства в Смутное время

В данной статье рассматривается проблема влияния личности на исторические события. Для исследования взят дворянин Григорий Валуев, живший в период Смутного времени и повлиявший на ход событий в России в правление Семибоярщины во время распада Московского государства. Рассматривается как его личная жизнь, так и взаимовлияние общих политических причин и деятельности Григория Валуева на процессы в Московском государстве.

This article considers the effect of personality on historical events. For the study the nobleman Gregory Valuev was selected, he lived during the Time of Troubles and influenced events in the reign of Semibarren during the collapse of the Muscovite state. The author reveals his personal life and influence of general political reasons and Gregory Valuev on the processes in the Muscovite state.

Ключевые слова: Смутное время, Григорий Валуев, фактор личности, Семибоярщина.

Key words: the Time of Troubles, Gregory Valuev, factor of personality, Semibarren.

Летом 1610 г. в Московском государстве разразилась катастрофа. Армия московского воеводы Дмитрия Шуйского потерпела сокрушительное поражение под Клушиным от немногочисленного войска польского гетмана Станислава Жолкевского. Ситуация усугубилась свержением правящего царя Василия Шуйского [2, с. 256–257; 6, с. 345–346; 7, с. 61]. В результате к власти пришла Семибоярщина – правительство избранных московских бояр. Московская власть оказалась в сложнейшем положении – с одной стороны, к столице приближалась армия Жолкевского, а с другой – Москве угрожали отряды Тушинского вора, Лжедмитрия II. Своего же войска для противостояния врагам у московского правительства не было. В результате началась сложнейшая политическая игра, которая привела к вхождению поляков в столицу и утрате Московским государством независимости. Важную роль в этих событиях сыграл замосковский дворянин Валуев Григорий Леонтьевич. Необходимо

выяснить, каким образом он повлиял на ход данного процесса, и объяснить причины его поступков.

Григорий Леонтьевич происходил из дворянского рода Валуевых, которые в Московском уезде владели местечком Валуево. Замосковский дворянин в Смутное время прославился достаточно рано. Во время совершения государственного переворота, возглавленного Василием Шуйским, он стал одним из участников убийства первого самозванца, Лжедмитрия I [10, с. 321–322]. Иными словами, уже тогда, в 1606 г., Валуев доказал возможность своего участия в политических событиях и влияния на их ход.

В период восстания И.И. Болотникова Григорий Валуев активно занимался подавлением повстанческого движения. В 1607 г. он был командиром Бобриковской засеки. Замосковский дворянин участвовал в осаде Тулы и командовал осадной артиллерией [1, с. 13; 9, с. 242]. Однако в тушинский период Григорий Леонтьевич был уже не так верен царю Василию Шуйскому. После поражения в Болховском сражении он вместе с князем Третьяком Сеитовым возглавлял оборону Болхова, осажденного войсками Лжедмитрия II. В результате Григорий Валуев сдал город и присягнул Тушинскому вору [2, с. 249; 6, с. 321; 8, с. 340]. Однако вскоре он отказался от своей присяги и сбежал из тушинского лагеря в Москву, обратно к Василию Шуйскому [2, с. 249; 6, с. 321]. Вероятно, причиной возвращения стало выяснение подложности личности самозванца.

После этих событий Григорий Валуев служил Василию Шуйскому достаточно преданно. Он воевал в составе армии князя Михаила Скопина-Шуйского, принимал участие в снятии осады Троице-Сергиева монастыря. Его действия были настолько успешны, что ему поручили командование большим подразделением в две тысячи человек, которое сумело разбить польский отряд пана Руцкого и освободить ростовского митрополита Филарета, отца будущего царя Михаила Федоровича Романова [2, с. 255; 5, с. 71–73; 6, с. 341].

Перед Клушинским сражением Григорий Валуев руководил отрядом численностью примерно в восемь тысяч человек. Его отряд подвергся удару со стороны армии Жолкевского, и Валуеву пришлось отступить. Для дальнейшей обороны воины Валуева построили острог у Царева-Займища и укрепились в нем. Григорий Леонтьевич попытался одержать победу над людьми Станислава Жолкевского, однако не преуспел, и в результате польские отряды осадили острог [2, с. 255; 4, с. 572–575; 5, с. 74]. На помощь Валуеву поспешил князь Дмитрий Шуйский, брат царя, вместе с основной русской армией. Гетман Жолкевский оказался между двух огней – с одной стороны многочисленная армия Дмитрия Шуйского вместе с отрядами иностранных наемников, а с другой – укрепившийся 8-тысячный отряд Валуева. Жолкевский принял беспрецедентный

маневр, разделил свои войска, и большую часть двинул против московской армии Шуйского. Напротив крепости, обороняемой Валуевым, осталось несколько тысяч человек под командованием Якова Бобовского. Люди Валуева так и не узнали об уходе основной части польского войска и свершившейся Клушинской битве. Гетман же Станислав Жолкевский сумел нанести сокрушительное поражение превосходящей его силы в несколько раз армии Дмитрия Шуйского и отрядам Эверта Горна и Делавиля [2, с. 255–256; 6, с. 343; 8, с. 344–345].

Ночью после сражения польские солдаты стали кричать воинам Валуева из окопов о своей победе. Григорий Леонтьевич не поверил этому. И только после того, как следующим утром были представлены пленники и знамена, захваченные во время битвы, русский воевода стал сомневаться [4, с. 582; 5, с. 78]. Окончательно его убедили иностранные наемники, немцы и французы, присоединившиеся к Жолкевскому. Григорий Валуев знал их еще по сражению у Иосифо-Волоколамского монастыря, где он освободил митрополита Филарета.

Только после этого Валуев согласился на переговоры. В результате он изменил царю Василию Шуйскому и присягнул польскому королевичу Владиславу [3, с. 43; 4, с. 582; 5, с. 78] на тех самых условиях, на которых позже ему присягнули московские бояре и жители Москвы.

Таким образом, произошло очередное предательство Григорием Валуевым московского государя и его переход на сторону поляков. При этом надо отметить, что оборона Царева-Займища позволила бы изменить ход исторических событий. Сами поляки признавали, что взятие валуевского острога у Царева-Займища было бы связано с большими трудностями и затянулось бы на долгий срок [4, с. 582]. Осада острога позволила бы удержать армию Станислава Жолкевского от наступления на Москву и дала бы время, чтобы московские бояре предприняли активные действия для защиты города. Но Григорий Валуев присягнул полякам.

Польские командиры сразу же оценили всю значимость этого поступка. Они признали в Валуеве умного человека и талантливое военачальника. Григория Валуева уважал и хвалил Станислав Жолкевский, польский гетман королевского войска. Он специально оставил при себе Валуева, отправив в польский лагерь к королю Сигизмунду III под Смоленск другого командира русского отряда у Царева-Займища – князя Федора Елецкого [4, с. 584]. Впоследствии Валуев сыграл большую роль в следующих событиях, преданно служа своим новым правителям – полякам.

Григорий Леонтьевич участвовал в переговорах с русскими, когда армия Станислава Жолкевского подошла к Москве, и налаживал

контакты с московскими боярами. Так Валуев вместе с Иваном Салтыковым стал одним из первых, кто завязал разговоры с русскими дозорами у столицы. Позже боярское правительство прислало послов, которые сообщили польскому гетману о возможности ведения переговоров. На встречу вместе с другими русскими и поляками был отправлен и Григорий Валуев [11, с. 648–651]. На этих переговорах, проходивших 5 августа 1610 г., московские бояре объявили о своем желании присягнуть сыну короля Сигизмунда III Владиславу, а также об условиях, которые необходимо было выполнить полякам для совершения присяги польскому королевичу. Жолкевский готов был принять большую часть условий и поэтому стал ездить на встречи с московскими боярами лично.

Во время проведения одной из таких встреч Лжедмитрий II послал свои отряды штурмовать Москву. Русские бояре и князья, проводившие переговоры, прекратили их и поспешили в столицу. Однако и русские отряды во главе с Григорием Валуевым, присоединившиеся к польскому коронному войску, не стали вести себя пассивно. Они ударили в тыл польским тушинцам, и в результате отряды Лжедмитрия II потерпели поражение [11, с. 204–205]. Позже поляки из отрядов Яна Сапеги, штурмовавших столицу, предъявили к Станиславу Жолкевскому претензии, что он не смог удержать свое войско и допустил пролитие польской крови. Польскому гетману пришлось оправдываться перед сапежинцами. Однако сам факт успешного и совместного отражения нападения тушинцев от стен Москвы имел и другое значение. Московские бояре уверовали в успех проводимых переговоров, увидели в лице польского коронного войска защиту и стали интенсивнее их проводить. Все это пошло на пользу полякам, и тем самым Григорий Валуев сослужил им хорошую службу. Кроме того, замосковский дворянин вместе с Иваном Салтыковым и двадцатью поляками был послан читать в Москву договорную запись, в которой содержались условия соглашения гетмана Жолкевского и московских бояр. Григорий Валуев читал ее на крыльце московских палат [11, с. 661].

После вхождения поляков в столицу и присяги правительства Семибоярщины королевичу замосковский дворянин выполнял государственные поручения в Москве, а позже, зимой 1610–1611 гг. он был направлен в Псковскую и Новгородскую земли, чтобы заставить присягнуть их Семибоярщине. Жители Новгородской и Псковской земель были в большинстве своем верны Тушинскому вору. Григория Валуева сопровождал пан Рудницкий с отрядом поляков. Во время его похода к Валуеву присоединился атаман Андрей Просовецкий, ранее поддерживавший Лжедмитрия II и незадолго до этого выжегший Калязинский монастырь. Григорий Валуев вместе с Андреем Просовецким взяли Великие Луки, выжгли их и разграбили [2,

с. 258; 6, с. 349]. Позже замосковский дворянин стал воеводой во взятом городе.

Таким образом, Григорий Леонтьевич Валуев изменил царю Василию Шуйскому и присягнул польскому королевичу Владиславу. После этого он всячески способствовал установлению власти поляков в Москве. Его измена была связана, с одной стороны, со сложной военной обстановкой и уверенностью в невозможности прихода ему на помощь союзных сил, с другой – с характером самого Григория Валуева. Он не впервые предавал московских правителей и во второй раз – Василия Шуйского. Вероятно, Григорий Леонтьевич служил тем правителям, которые были наиболее сильны в определенный момент. На службе у поляков замосковский дворянин участвовал в переговорах с московскими боярами. Он нанес решительный удар по тушинским отрядам, штурмовавшим Москву и тем самым убедил правительство Семибоярщины в успешном ходе переговоров между боярами и поляками. Все это в результате привело к вхождению польских войск в столицу и утрате независимости Московским государством.

Список литературы

1. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. Текст воспроизведен по изд.: С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). – М., 1907. – URL: <http://www.vostlit.info>
2. Бельский летописец. Оп.: Полное собрание русских летописей. – М., 1978. – Т. 34. – URL: <http://www.krotov.info>
3. Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. – СПб., 1859. – Т. 1. – URL: <http://www.vostlit.info>
4. Жолкевский С. Начало и успех Московской войны, (пер. П. А. Муханова). Текст воспроизведен по изд.: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. – СПб., 1871. – URL: <http://www.vostlit.info>
5. Мархоцкий Н. История московской войны. – М., 2000.
6. Новый летописец, (пер. С.Ю. Шокарева). Текст воспроизведен по изд.: Хроники смутного времени. – М., 1998.
7. Повесть о победах Московского государства, (пер. Г.П. Енин). Текст воспроизведен по изд.: Повесть о победах московского государства. – М., 1982. – URL: <http://www.vostlit.info>
8. Попов А. Изборник славянских и русских статей и сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. – М., 1869. – URL: <http://www.knigafund.ru>
9. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. – Вып. 1. – М., 1976.
10. Российская родословная книга. Т. IV. – СПб., 1857. – URL: <http://books.google.ru>
11. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – СПб., 1872. Т. 1. – URL: <http://books.google.ru>

**Некоторые подробности службы выпускников
Николаевской академии Генерального штаба
в штабе Приволжского военного округа Красной армии
(на примере судьбы Генштаба полковника П.П. Петрова,
весна – 8 июня 1918 г.)**

В настоящей статье рассматриваются перипетии служебной биографии 1918–1920 гг. полковника Генерального штаба Павла Петровича Петрова. «Генштабист» П.П. Петров сделал вполне приличную карьеру в рядах белой армии на востоке России, хотя само это движение к началу 1920-х гг. на территории России потерпело полный крах.

This article is devoted to the vicissitudes of service biography 1918–1920 of General Staff Colonel Pavel Petrovich Petrov. “General Staff” P.P. Petrov made quite a decent career in the ranks of the “white” army in the Eastern Russia, although the movement itself to the beginning of the 1920s on the territory of Russia suffered a complete collapse.

Ключевые слова: Генеральный штаб, «генштабист», «белые», Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА).

Key words: General Staff, “whites”, Red Army.

Одним из активных участников Белого движения на Востоке России был офицер Генерального штаба Российской императорской армии (далее – РИА) Павел Петрович Петров. В начале 1917 г. П.П. Петров состоял в чине капитана, в период между мартом и сентябрем 1917 г. нашему герою был присвоен чин подполковника, в котором он и встретил большевистский переворот 25 октября 1917 г. На 24 февраля – 10 октября 1919 г. П. Петров служил в чине полковника, а генерал-майором стал уже после 10 октября 1919 г., т. е. уже на исходе «колчаковщины» [7, с. 565; 13. 16 марта, 19 сент.; 14. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68; Д. 125. Л. 112; Оп. 5. Д. 97. Л. 52 об.; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 61; Ф. 40840. Оп. 1. Д. 41. Л. 6].

Павел Петров родился в 1882 г. в Псковской губернии в крестьянской семье [15, с. 326; 7, с. 565]. На военную службу юноша поступил в 1903 г. вольноопределяющимся в дислоцировавшийся в Пскове Иркутский пехотный полк. 24 марта 1906 г., по окончании С.-Петербургского юнкерского пехотного училища П. Петров был выпущен прапорщиком в 3-й Финляндский пехотный полк. На 1 января 1909 г. П. Петров в указанном полку служил уже подпоручиком.

Полк дислоцировался на это время в г. Гельсингфорсе. Прослужив 4 года строевым офицером, П. Петров в 1910 г. поступил в самое престижное высшее военно-учебное заведение Российской империи – Николаевскую академию Генерального штаба (далее – АГШ) [15, с. 326; 11, с. 419]. По окончании академии в 1913 г. [17, с. 142; 15, с. 326; 14. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 61] герой настоящей статьи отбывал цензовое командование в должности командира роты 170-го Молодечненского пехотного полка 43-й дивизии на территории Виленского военного округа [15, с. 326].

В годы 1-й Мировой войны П. Петров, по крайней мере, до 11 ноября 1915 г. служил в штабе 2-го армейского корпуса (г. Гродно) при том же округе [7, с. 565], а затем, будучи причисленным к Генштабу, служил в штабе 1-й армии РИА. Названная армия до апреля 1916 г. входила в состав Западного фронта, затем, до июля 1917 г. – в состав Северного фронта, в июле-сентябре с. г. находилась на Юго-Западном фронте, а в сентябре 1917 г. и до начала 1918 г. – снова была в составе Севфронта [3, с. 454]. Вплоть до расформирования частей 1-й армии в начале 1918 г. П. Петров состоял помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера армейского штаба [17, с. 142; 12. 16 марта, 19 сентября; 7, с. 565].

В биографии П. Петрова, помещенной в списке «Русского воинского некрополя Сербского кладбища в Сан-Франциско» можно встретить следующее положение: «При демобилизации русской армии весной 1918 г. со штабом армии приехал в Самару. С момента свержения Советской власти в Самаре принял участие в формировании частей Народной Армии Комуча» [15, с. 326]. В этом отрывке пропущена одна весьма существенная деталь, а именно: **в первой половине 1918 г. и вплоть до захвата Самары чехами (8 июня с. г. [13. Ф. 325. Оп. 1. Д. 466. Л. 2; 19. С. 267]) П. Петров находился на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии** (далее – РККА)!

Нельзя сказать, что отражение этого факта жизнедеятельности «генштабиста» П. Петрова совсем уж отсутствует в современных трудах о так называемых «героях Белого движения». В известном «Каппелевском сборнике» о службе П. Петрова в РККА сказано так: «...с апреля по июнь 1918 г. служил в штабе Поволжского военного округа красной армии». В справочнике, посвященном белому генералитету Востфронта (изд. 2003 г.), на этот счет отмечено еще более скупое: «Поступил на службу в РККА. Служил в управлении Поволжского военного округа до июня 1918 г.» В одном из последних справочников касательно тех же персон сказано чуть-чуть более подробно: «По демобилизации 1-й армии вместе со штабом по распоряжению Л.Д. Троцкого переехал в Самару для организации но-

вых частей большевистского Приволжского военного округа (март 1918 г., далее ПриВО – В.К.). Служил в управлении округа до июня 1918 г.» Автор самой крупной сетевой картотеки А.А. Лихотворик также счел нужным лишь вскользь отметить факт службы П. Петрова в РККА: «Поступил на службу в РККА. Служил в управлении Поволжского ВО (бывший штаб 1-й армии) до июня 1918 г.» [7, с. 565; 1, с. 160; 8, с. 411; 10].

Такая «скупость» отображения реального фактического материала, который как будто бы очень робко, между строк, «пробивает» себе дорогу к читателю, заставляет полагать, что авторы вышеприведенных трудов до сих пор в той или иной степени пребывают в плену «бело-апологетической мифологии». Последняя словно поставила себе целью «возвеличивать и прославлять» все, что так или иначе связано с Белым движением 1918–1920 гг., равно как всячески затушевывать и «очернять» историю Красной армии. Научная же истина, как известно, всегда находится где-то посередине.

Как бы то ни было, историческая реальность службы «генштабиста» П.П. Петрова в Красной армии в первой половине 1918 г. (с ранней весны до 8 июня с. г.) подтверждается целым рядом положений.

Во-первых, вряд ли можно согласиться с утверждениями К. Залесского и А. Лихотворика о том, что командующий 1-й армией Российской императорской армии Генштаба генерал-лейтенант В.В. Нотбек «...после большевистского переворота, в ноябре 1917 г. оставил командование» названной армией [3, с. 168; 9]. Напротив, анализ архивных материалов показывает, что именно находясь в должности командующего 1-й армией РИА, Нотбек приступил к формированию штаба и частей большевистского ПриВО. И формирование это осуществлялось именно на основе частей 1-й армии. Штаб ПриВО РККА располагался последовательно в Старой Руссе, затем в Самаре, и В. Нотбек стал его первым военруком [14. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 27, 29; Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68 об.; Д. 125. Л. 31, 35, 112 об.]. Указанный процесс формирования начался, видимо, уже в марте 1918 г. «когда по распоряжению Л.Д. Троцкого штаб 1-й армии переехал в Самару для организации новых частей большевистского ПриВО...» (сокращения мои – В.К.) [8, с. 411]. Таким образом, хотя *официально* на должность военрука ПриВО РККА В. Нотбек был назначен 22/26 апреля 1918 г. (согласно Декрету СНК от 8 апреля 1918 г. – назначен с 26 апреля с. г., а по другим данным, на эту же должность Нотбек официально заступил 22 апреля с. г.) [14. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 96; 4. 18 мая. № 17], *реально* к формированию окружного штаба Владимир Владимирович Нотбек приступил *значительно раньше* своего официального назначения на указанную должность.

Из переписки большевистского военного руководства за весну 1918 г. следует, что к этому времени процесс формирования штаба ПриВО уже шел полным ходом. Так, уже 11 апреля 1918 г. начштаба Высшего Военного Совета (ВВС) Генштаба генерал-майор С.Г. Лукирский запрашивал командующего 1-й армией В. Нотбека следующее: «бывший начальник первой Латышской стрелковой бригады Гоппер желает поступить на службу по формированию народной армии в провинции и желал бы получить назначение в Сызрань, Самару или Кострому. Прошу телеграфировать, не воспользуетесь ли Вы этим предложением». 2 мая 1918 г. начальник делопроизводства по службе Генштаба при Всероссийском Главном штабе (далее – ВГШ) полковник А.С. Белой передавал в Симбирск «генштабисту» Е.Е. Шишковскому, что «Нотбек формирует /в/ Самаре Приволжский округ. Послал начальнику его штаба Пневскому /в/ Старую Руссу /в/ штаб-1 телеграмму /с/ Вашей кандидатурой. Согласие телеграфируйте мне. Москва, Большая Дмитровская, 15. № 1264». Начальник Оперуправления ВГШ Генштаба генерал-майор С.А. Кузнецов 3 мая 1918 г. обратился в штаб 1-й армии бывшей РИА со следующим запросом: «Прошу предоставления должности Генштаба Шишковскому, занимающему должность генкварюза, лично известному командарму Нотбеку, ныне находящемуся /в/ Симбирске штаюзе...» (штаюз – штаб Юго-Западного фронта; генкварюз – генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта. – В.К.) [14. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 29; Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 31, 35].

Во-вторых, прямым и важнейшим следствием создания на основе частей 1-й армии бывшей РИА штаба «красного» ПриВО стал факт перехода уже ранней весной 1918 г. целого ряда служащих штаба 1-й армии в штаб ПриВО РККА, что нашло свое подтверждение в различных документах. Кроме П. Петрова из штаба 1-й армии в штаб ПриВО РККА «напрямую» перешли следующие выпускники АГШ: Г.К. Акинтиевский, А.В. Беклемишев, К.Ю. Берендс, А.И. Крюгер, В.В. Нотбек, Н.В. Пневский, Л.А. Текелин (Гакенберг) [12. 9 сентября; 14. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 27, 29, 96; Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 45; Оп. 6. Д. 96. Л. 59. 68–68 об.; Д. 125. Л. 31, 33–35, 39, 50–50 об., 53–55, 112 об., 175; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 1; Ф. 40895. Оп. 1. Д. 21342, 21343, 137845–137847, 211515, 211517; 4. 12 мая. № 13; 14 мая. № 14; 18 мая. № 17; 17, с. 37; 16, с. 27, 120, 174; 5, с. 59]. В докладе начальника ВГШ РККА Н.Н. Стогова от 23 июля 1918 г., адресованном военруку ВВС М.Д. Бонч-Бруевичу, совершенно недвусмысленно указано, что «...штаб ПриВО был сформирован из штаба 1-ой армии и все 6 вакантных должностей генерального штаба были замещены; кроме того, из 14-ти должностей, на которых могут быть лица Генштаба, были замещены две». П. Петров в этом докладе назван в числе генштабистов, занявших

должности по Генштабу в штабе «красного» ПриВО (курсив мой – В.К.) [14. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175].

По сути дела, бывший командующий 1-й армией РИА В.В. Нотбек, а нынешний военрук «красного» ПриВО взял всю свою «команду» (штаб 1-й армии) вместе с собой на строительство штабов ПриВО РККА! А помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии подполковник П.П. Петров за период формирования штаба «красного» ПриВО (1-я половина 1918 г. – до 8 июня с. г.) никуда с места своей службы не отлучался, не командировался и пр. Следовательно, имеются все основания полагать, что «генштабист» П. Петров уже с ранней весны 1918 г. принял самое непосредственное участие в формировании штаба ПриВО РККА и продолжал служить в том же штабе вплоть до 8 июня 1918 г., когда Самара была захвачена войсками «белого» Комуца.

В-третьих, на 28 ноября 1918 г. в списке Генштаба РККА П.П. Петров был зарегистрирован именно как «бывший Начальник Управления Штаба ПриВО» РККА [14. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 52 об.]. Наконец, *в-четвертых*, мемуары, разумеется, являются не самым достоверным историческим источником. Однако в воспоминаниях П. Петрова (Петров П.П. От Волги до Тихого Океана в рядах белых, 1918–1922 гг. Рига, 1930 г. / Рукопись хранится в Государственном архиве Российской Федерации в Москве) ненароком представлены столь подробные сведения о раннем этапе строительства РККА, что приходится признать, что их автор был знаком с этим процессом не понаслышке. Хотя сам Павел Петрович нигде в его мемуарах напрямую ни единым словом не говорит о своей службе в штабе ПриВО РККА в 1918 г. Между тем П. Петрову были явно известны некоторые военно-мобилизационные планы большевиков, равно как и особенности прагматической политики Троцкого по привлечению старых специалистов (прежде всего офицеров Генштаба) на службу в РККА.

Описывая ранний период военного строительства в «Совдепии» (видимо, начало весны 1918 г.), П. Петров отмечает: «...решено было выработать общий план организации новых вооруженных сил на территории России с привлечением для руководства формированиями опытных военных со штабами. ...было подробно разработано положение о службе в красной армии» И далее: «В Москву Троцким был вызван целый ряд военных, занимавших в армии ранее ответственные должности (генералы Парский, Бонч-Бруевич, Егорьев, Болховитинов, Пневский и пр.)» [2. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 561. Л. 3]. По ходу нашего повествования отметим, что все названные П. Петровым генералы были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба. Их служба в РККА (равно как и служба еще нескольких сотен генштабистов – всего 703) освещается в автор-

ской монографии [6, с. 469–661]. А в более подробном варианте результаты исследований тех же «генштабистов» (только в количестве почти вдвое большем) будут опубликованы в авторском справочнике, над которым пишуший этих строк работает с 2005 г.

Но вернемся к нашему герою. Следующий отрывок из воспоминаний П. Петрова показывает, что их автор знал не только подробности военно-административного деления «Совдепии», но и состав боевых дивизий, формирование которых к лету 1918 г. на территории «красных» военных округов уже началось [14. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 8–10 с об.].

П. Петров пишет: «Для создания армии вся Россия разделена на военные округа и прифронтовые районы. Во главе округов и районов должны стоять военруки-специалисты военные со штабами; при них по два комиссара с комиссариатами. В прифронтовых районах военруки с комиссарами должны сформировать по дивизии из 3-х бригад (в каждой бригаде 3 полка, из коих один запасный). В округах даны задания в зависимости от величины округов. Для проведения работы на местах должны быть организованы управления губернских, уездных, волостных военруков и военкоматов с большими штатами. ... Было обращено внимание и на подготовку комсостава: военные училища переименованы в инструкторские школы для подготовки красных офицеров. Однако Троцкий скоро понял, что эти школы хороших инструкторов в достаточном количестве не дадут, и что необходимо привлекать прежних офицеров, обезвреживая их комиссарами и комитетами». И в другом месте: «Была создана Военная Инспекция с Подвойским во главе и помощниками из спецов для проверки подготовки частей и отрядов».

В то же время, некоторые пассажи из воспоминаний П. Петрова явно не соответствуют реальности и, видимо, носят отпечаток последующих идеологических наслоений. Например, из мемуаров П. Петрова следует, что, якобы, к лету 1918 г. «...офицерство всячески воздерживалось от поступления на службу (в РККА – В. К.); заполнялись только штабы и комиссариаты, да и то очень осторожно, с различными оговорками, которые тогда были еще возможны» [2. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 561. Л. 4–5]. В процессе написания монографии автору настоящей статьи при работе с различными материалами удалось обнаружить *всего 318 чинов русского Генштаба, кто «верой и правдой» служил большевистской России уже к 12 апреля 1918 г.!* [6, с. 433–468].

Следует остановиться еще на одном аспекте. Как неправомочно игнорировать историческую реальность службы П.П. Петрова в РККА в первой половине 1918 г., столь же наивным было бы полагать «сознательной» его «измену» «красной Совдепии», имевшей место быть 8 июня 1918 г.

В «Каппелевском сборнике» о мотивации и обстоятельствах перехода П. Петрова на сторону «белого» Комуча сказано следующее: «Примкнул к антибольшевистскому выступлению в Самаре 8 июня 1918 г.» В справочнике И. Купцова и др.: «С освобождением Самары от большевиков поступил на службу в Народную армию Самарского Комуча...». Причем, неуместной данью «белой апологетике» видится употребление авторами термина «освобождение» в реалиях гражданского конфликта [7, с. 565; 8, с. 411]. «Освободить» можно территорию Родины от иноземных захватчиков, но никак не от представителей другой части населения той же самой страны. Более уместным, на мой взгляд, было бы здесь слово «захват». Такие же глаголы, как: «примкнул», «поступил» подразумевают собой какую-либо самостоятельность и сознательность совершаемого действия. Между тем сознательность «измены» большевистскому режиму 8 июня 1918 г. со стороны П. Петрова у автора настоящей статьи вызывает серьезные сомнения.

До захвата чехами Самары (8 июня 1918 г.) офицеры штаба «красного» ПриВО несли свою службу вполне добросовестно и ни о каком «бегстве» из РККА не помышляли. Когда же Самара была захвачена чехами, ряд служащих штаба большевистского ПриВО (всего – 10 выпускников АГШ и в их числе П. Петров. В монографии автора настоящей статьи названы только 9 таких «генштабистов», не был учтен А.В. Беклемишев [6, с. 196]) *совершенно случайно* оказались в распоряжении Народной армии Комуча и продолжили столь же добросовестную службу, только теперь в «белом» лагере [2. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 421. Л. 18 об.; 14. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 61–61 об.; Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 120 об.]

Здесь вовсе не случайно используется именно слово «оказались», а не такие слова, как «бежали», «предали», «переметнулись», «перешли» и пр., означающие ту или иную степень активности совершаемого действия. Дело в том, что вышеуказанные 10 специалистов Генштаба именно «оказались» на территории Комуча, не прилагая к этому каких-либо усилий! Мало того, когда с армией Колчака на Востоке России было покончено (осень 1919 г. – начало 1920 г.), служившие в ней до сих пор «верой и правдой» А.В. Беклемишев, А.Д. Загребин и И.М. Финицкий перешли обратно в РККА и продолжили, как ни в чем не бывало, снова, как и до 8 июня 1918 г., усердно служить большевистскому режиму [14. Ф. 40895. Оп. 1. Д. 17863–17864; 16, с. 79, 238].

Весомым доводом в пользу гипотезы автора о том, что вышеупомянутые 10 «лиц Генштаба» (в т. ч. и П. П. Петров) оказались на территории Комуча вовсе не по своей воле, а в силу случайного стечения обстоятельств, может служить отраженный в приложении № 2 авторской монографии факт службы в РККА остальных 19 «лиц

Генштаба» из общего числа «генштабистов» (всего – 29 чел.), которые на разных этапах периода 1918–1920 гг. служили в штабах «красного» ПриВО. К этим последним относились либо те «генштабисты», которые весной 1918 г. состояли в штабе ПриВО, а затем до 8 июня с.г. были большевистским военным руководством переведены на службу в другой район, либо те специалисты Генштаба, кто был назначен на должности в штаб ПриВО РККА, когда последний был перенесен в Казань и Нижний Новгород (т. е. – после 8 июня 1918 г.). Причем, *указанные 19 «лиц Генштаба», занимавшие должности в штабе ПриВО на любых других этапах периода 1918–1919 гг., кроме 8 июня 1918 г., благополучно продолжали служить в РККА и ни о каком «бегстве» к «белым» даже не помышляли!* [6, с. 469–661].

Скажем теперь несколько слов о дальнейшей карьере нашего героя. Перейдя на службу к «белым», Павел Петрович Петров на лето 1918 г. возглавлял оперотдел ГУГШ армии Самарского Комуча [7, с. 355]. На 24 февраля 1919 г. уже в Корпусе Генштаба армии адмирала А.В. Колчака П.П. Петров занимал должность начштаба 6-го Уральского корпуса, а на 10 октября с. г. – и. д. начальника 4-й стрелковой дивизии [14. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 61; Ф. 40840. Оп. 1. Д. 41. Л. 6].

В конце 1919 г. – начале 1920 г. П. Петров участвовал в Сибирском Ледяном походе. В 1920 г. он являлся начальником снабжения Дальневосточной армии, командовал дивизией 3-го Забайкальского корпуса; с мая 1921 г. – начштаба Белоповстанческой армии; до ноября 1922 г. – начштаба Земской рати в Приморье. После эвакуации Белого Приморья П.П. Петров в ноябре 1922 г. уехал за границу. В эмиграции жил в Китае, Японии, а с 1947 г. – в США. Проживая в Сан-Франциско, П.П. Петров состоял в Обществе русских ветеранов Великой войны и других русских воинских организаций [15, с. 326–327; 18, с. 208].

«Генштабист» П.П. Петров сделал вполне приличную карьеру в рядах Белой армии на востоке России, хотя само это движение к началу 1920-х гг. на территории России потерпело полный крах. О своей же, пускай и кратковременной, однако совершенно реальной службе в рядах РККА П. Петров постарался как можно быстрее забыть сам и приложил немало усилий, чтобы сей факт не остался в памяти потомков. Но «из песни слов не выкинешь»...

Список литературы

1. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны: биограф. справ. – М., 2003.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Залесский К.А. Первая Мировая война: Правители и военачальники: биограф. энцикл. слов. – М., 2000.

4. Известия Народного комиссариата по военным делам. – 1918.
5. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. – М., 1988.
6. Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. – СПб., 2011.
7. Каппель и каппелевцы: сб. науч. ст. и материалов / под ред. В.Ж. Цветкова. – М., 2003.
8. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: биограф. справ. – М., 2011.
9. Картотека Лихотворика А.А. Фон Нотбек Владимир Владимирович. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=506>
10. Картотека Лихотворика А.А. Петров Павел Петрович. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=724>
11. Общий Список офицерским чинам Русской Императорской армии. Составлен по 1 января 1909 г. – СПб., 1909 г.
12. Приказы Временного Правительства Армии и Флоту о военных чинах сухопутного ведомства, 1917.
13. Российский Государственный архив социально-политической истории.
14. Российский Государственный военный архив.
15. Русский воинский некрополь Сербского кладбища Сан-Франциско. Публ. Чичерюкина-Мейнгарда В.Г. // Русское Прошлое. – 2001. – № 9.
16. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии (сост. по данным к 1 марта 1923 г.) – [М., 1923].
17. Список Генерального штаба (исправлен по 3-е янв. с приложением изменений по 8 февр. 1917 г.). – Пг, 1917.
18. Шмаглит Р.Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. – М., 2006.
19. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март–апрель 1919 г.). – М., 1961.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.2)«1856/1900»:316

Ю.Н. Мельникова

Социальная мобильность купцов – гласных земских учреждений Северо-Запада России во второй половине XIX в.

В статье рассматривается участие купцов, как отдельных представителей сословия, так и семейных династий, в земских учреждениях Северо-Запада России во второй половине XIX в. Выделяются характерные черты данного представительства. Рассматриваются вопросы социальной мобильности купеческого сословия во второй половине XIX в. Оценивается влияние земской службы на изменение социального статуса купцов-гласных.

In the article participation of merchants, both certain representatives of estate, and family dynasties, in territorial establishments (zemsky institutions) of the north-west of Russia in the second half of the XIX century is considered. Characteristic features of this representation are marked out. Questions of social mobility of merchants in the second half of the XIX century are considered. Influence of territorial (zemsky) service on change of the social status of merchants-active members is estimated.

Ключевые слова: гласные, земство, социальная мобильность, купцы, почётное гражданство, благотворительность, северо-западные губернии России.

Key words: active members, zemstvo, social mobility, merchants, honourable nationality, charity, northwest provinces of Russia.

Земские учреждения, созданные по указу императора Александра II, позволили представителям купеческого сословия и мещанам оказывать влияние на решение местных социально-экономических вопросов уездов и губерний. По результатам выборов от съезда городских избирателей гласными чаще всего становились представители купеческого сословия. В середине 80-х гг. XIX в. в северо-западных земствах России (Псковская, Олонецкая, Санкт-Петербургская, Новгородская, Вологодская губернии) в уездные земские собрания были избраны 16,4 % купцов и лишь 2,6 % мещан от общего числа гласных [25, с. 75, 83, 87, 89, 99, 107, 111, 113, 122, 126, 128, 129], в губернские земства – 8,96 % купцов и 1,88 % мещан [25, с. 134, 138, 140, 141].

Представленные данные свидетельствуют о том, что именно купечество, являясь наиболее социально активной и финансово независимой частью городского сообщества, чаще получало обще-

ственные должности в органах местного самоуправления. В то же время численного преимущества в земских учреждениях они не получили. В Санкт-Петербургской, Псковской губерниях это привело к тому, что купцы-гласные заняли пассивную позицию по отношению к службе в земстве [6, с. 34–37]. Частая смена гласных, отсутствие на заседаниях земских собраний были характерными явлениями для данной группы.

В Новгородской губернии, где традиционно купеческое сословие пользовалось особым уважением, даже немногочисленные гласные купцы вели активную общественную работу, что отражалось не только в решении важных социально-экономических проблем губернии, но и способствовало изменениям статуса самих купцов [1; 10; 24. Л. 21–22].

В Олонецкой губернии, где практически отсутствовали представители дворянского сословия в земских собраниях и управах, купцы взяли на себя роль лидеров в органах местного самоуправления [7, с. 117–118]. При соблюдении баланса между представителями дворянского сословия и крестьянства, как это было в Вологодской губернии, гласные купцы были вынуждены «лавировать» между мнениями представителей данных сословий [9, с. 230].

Характерной чертой представительства купеческого сословия в земских учреждениях северо-западных губерний было семейное участие в деятельности земств.

Наибольшую известность приобрели династии купцов Малокрошечных-Базегских, Пименовых в Олонецкой губернии, Чекалевых в Санкт-Петербургской и Олонецкой губерниях, Милютиных в Новгородской губернии.

Работая на земском поприще, они не только успешно решали экономические вопросы в уезде, но и активно занимались благотворительной деятельностью. Тесную связь между участием представителей местной предпринимательской элиты в органах местного самоуправления и их благотворительной деятельностью отмечала в своей статье Г.Н. Ульянова [26, с. 106]. На средства купцов строились школы, больницы, содержались богадельни, бесплатные столовые, выплачивались стипендии учащимся [3].

Прослеживается интересная закономерность повышения привлекательности участия в земской деятельности по мере удаления территории от столицы. В губерниях Северо-Запада России наиболее активно в земскую работу включилось новгородское, олонецкое, вологодское купечество. Существует вероятность, что местное купечество видело в земской работе возможность повысить свой общественный статус и приблизиться к властной «верхушке» местного сообщества.

На основе исследования статистических сведений, опубликованных в памятных книжках северо-западных губерний России, была составлена таблица о численности купечества, а также лиц, носивших почётное звание личного и потомственного гражданина во второй половине XIX в.

Таблица

*Численность купечества, почётных граждан в губерниях Северо-Запада России во второй половине XIX в.**

Губерния	70-е гг. XIX в.			80-е гг. XIX в.			90-е гг. XIX в.		
	Почетные граждане		Купцы	Почетные граждане		Купцы	Почетные граждане		Купцы
	потомственные	личные		потомственные	личные		потомственные	личные	
Вологодская	187	1841	3044	-	-	-	190	1872	3787
Новгородская	284	609	3940	472	1065	2795	836	1589	2822
Псковская	162	391	3559	287	467	2712	959		2656
Санкт-Петербургская	394	363	3038	599	951	2446	1641	2059	2463

На основании данных таблицы можно сделать вывод о значительном увеличении числа лиц, носивших почётное звание личного и потомственного гражданина, возможно, это происходило за счёт получения представителями купеческого сословия звания почётного гражданства.

В то же время необходимо отметить, что купцы, изменившие свой социальный статус и получившие данное звание благодаря службе в земстве, были скорее исключением. По ходатайству гласных, высшее городское сословное звание потомственного почётного гражданина получали только те представители купеческого сословия, которые внесли значительный вклад в дело местного самоуправления. Данное звание давало обладателю ряд преимуществ, заключавшихся в свободе от рекрутской повинности, от подушного оклада, от телесного наказания. Оно также давало право имено-

* Сост. по: [11, с. 17, 12, с. 212–213, 13, с. 58–59, 14, с. 130–131, 15, с. 10–11, 16, с. 44–45, 17, с. 29, 18, с. 145, 19, с. 4–5, 20, с. 6, 21, с. 342].

ваться во всех актах почётным гражданством и участвовать в выборах на городские общественные должности.

Таким образом, если говорить о социальной мобильности в купеческой среде, то следует отметить, что в большинстве случаев повышение социального статуса (восходящая мобильность) происходило благодаря нажитому капиталу, устройству браков, обширным связям. В то же время земская служба оказывала опосредованное влияние на изменение статуса представителей купечества, выступая как катализатор горизонтальной мобильности.

Так, с первых дней открытия земских учреждений стали проявлять «живой интерес» к общественной службе новгородские купцы. Одним из первых гласных Новгородского земского собрания стал купец второй гильдии Яков Иванович Журавлёв. По окончании курса уездного училища Я.И. Журавлёв с 1864 по 1868 г. состоял кандидатом на должность гласного Новгородской городской думы. В 1865 г. он был избран гласным уездного земского собрания, а с 1868 по 1873 г. избирался в члены губернской земской управы [2, с. 85]. Помимо должности земского гласного Я.И. Журавлёв возглавлял Новгородский городской общественный банк, состоял почётным мировым судьёй. Он входил в состав многих попечительских советов в Новгороде. Был директором комитета общества попечения тюрем, попечителем новгородского исправительного арестантского отделения гражданского ведомства, членом попечительского совета Новгородской женской гимназии, действительным членом попечительства детских приютов, непременным членом статистического комитета, председателем сиротского суда, председателем Новгородского городского взаимного страхования имущества [24. Д. 1612. Л. 3].

По должности почетного мирового судьи Новгородского округа в «изъявление особенного благоволения» ему в 1877 г. был пожалован орден Св. Станислава 3-й степени. Имея столь весомую для купца награду, Я.И. Журавлёв как почётный гражданин Новгорода обратился с прошением к императору Александру II признать его в правах личного дворянства и причислить детей к потомственному почётному гражданству [24. Д. 1612. Л. 1].

Однако, Правительствующий сенат, рассмотрев записку из дела по прошению Я.И. Журавлёва, постановил отказать в утверждении купца Я.И. Журавлева в личном дворянстве. Награждение орденом Св. Станислава 3-й степени обеспечивало купцу лишь почётное потомственное гражданство [24. Д. 1612. Л. 11]. В 1878 г. Я.И. Журавлёв с семьёй был возведен в сословие почётных граждан [24. Д. 1612. Л. 21–22].

Данный факт доказывает, насколько сложно было продвигаться по социальной лестнице в конце XIX в. Имея образование, занимая важные должности, имея активную социально-общественную пози-

цию, заслуги перед местным обществом, представители купеческого сословия испытывали трудности в преодолении сословных барьеров. В то же время получение почётного потомственного гражданства, как в случае с Я.И. Журавлёвым, открывало возможности дальнейшего продвижения по социальной лестнице самому купцу и членам его семьи.

Купцу Григорию Максимовичу Сметанину также удалось добиться изменения своего социального статуса. Он родился в 1845 г. в г. Белозерске Новгородской губернии. Первоначальное образование Григорий Максимович получил в Крестецком уездном училище. Одарённый от природы способностями и энергией, уже в молодые годы Григорий Сметанин вел торговлю хлебом, наращивал капитал и в 70-х гг. зачислен купцом 2-й гильдии.

Именно в Крестце начинается общественная деятельность Г.М. Сметанина. В 1872 г. он избирается в члены сиротского суда, гласным Крестецкого уездного земского собрания, гласным городской думы, почётным уездным мировым судьёй.

В конце 70-х гг. XIX в. после женитьбы на дочери новгородского купца Г.М. Сметанин переезжает на жительство в Новгород, где местное купечество принимает его в свой круг. В Новгороде он становится купцом I-й гильдии. Общественную деятельность Г.М. Сметанин совмещает с предпринимательской. За благотворительность, общественную активность Г.М. Сметанину, купцу I-й гильдии, присваивается звание почётного гражданина Новгорода [1].

С 1878 г. и до конца жизни Г.М. Сметанин состоял гласным Новгородской городской думы. В разные годы занимал должности директора городского общественного банка, гласного Новгородского уездного земского собрания, на котором он был удостоен единогласным избранием в почётные мировые судьи по Новгородскому уезду. В течение 20 лет Г.М. Сметанин состоял церковным старостой в Никольском, а с 1897 г. – в Софийском кафедральном соборах. В 1893 г. потомственный почётный гражданин Григорий Максимович Сметанин был избран городским головой [22, с. 128]. В 1897 г. его переизбрали городским головой на второй срок. Одним из важнейших дел этого периода стало сооружение городского водопровода, торжественное открытие которого состоялось в ноябре 1899 г. [22, с. 128].

Благодаря неутомимой энергии Г.М. Сметанина в Новгороде появились городской родильный приют, городская бесплатная амбулатория и ломбард. При нем впервые было устроено электрическое освещение в кремле и оборудованы скотобойни. На все эти мероприятия он тратил, в том числе, и собственные средства. Особую благодарность Г.М. Сметанин заслужил своей обширной благотворительной деятельностью. Он был почётным членом

попечительства детских приютов, почетным членом общества вспомоществования недостаточным учащимся, почетным смотрителем 3-классного мужского приходского училища, казначеем попечительного о бедных общества и др.

Григорий Максимович был отмечен за свою деятельность многими наградами, включая золотую медаль «За усердие» и ордена Андрея Первозванного и Станислава 2-й степени [1; 10].

Купеческое сословие всегда славилось тесными семейными связями, это проявлялось не только в ведении дел, но и в участии в общественной жизни. Так, ряд купеческих династий в Олонецкой губернии внесли существенный вклад в развитие земского дела.

Родоначальник династии Пименовых – Марк Пименович, был выходцем из крестьянского сословия, благодаря труду он сумел стать одним из крупнейших представителей делового мира Карелии, купцом I-й гильдии, коммерции советником, потомственным почетным гражданином. Его племянник Ефим Григорьевич, а также внук Георгий стали достойными продолжателями купеческого дела. Представители этой династии были известны в Олонецкой губернии не только как предприниматели, но и как благотворители и общественные деятели. Население губернии оказывало им особое доверие. Пименовы в разное время занимали должность городского главы Петрозаводска [4, с. 32–82]. При введении земских учреждений в Олонецкой губернии в 1867 г. Ефим Григорьевич Пименов был избран первым председателем Олонецкой губернской земской управы и внес большой вклад в организацию земского дела в крае. В марте 1868 г. Е.Г. Пименов принимал участие в работе комиссии под председательством великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III) по доставлению пособия жителям России, пострадавшим от неурожая. От этой комиссии Олонецкому земству удалось получить значительные средства для закупки продовольствия. Пименов Георгий Ефимович с 1903 г. – гласный Петрозаводского уездного земского собрания и гласный Олонецкого губернского земства. За свою службу Пименовы награждались орденами Св. Анны и Св. Станислава, а также медалями «За усердие» [5].

Несомненно, в данном случае подъему по сословной лестнице способствовал нажитый капитал. Именно он позволил повысить социальный статус основателя династии М.П. Пименова. Усыновленный им племянник благодаря «семейному лифту» автоматически приобретал не только капитал, но и статус в обществе. Занимаемое прочное общественное положение, серьезные капиталы не позволили Ефиму и Георгию Пименовым преодолеть границы своего сословия. Они продолжали оставаться купцами, так же как и основатель династии. Оба избирались на должность городского го-

ловы Петрозаводска. На ниве земской деятельности Е.Г. Пименов и Г.Е. Пименов приобрели звание благотворителей, вложив в развитие земского дела много личных средств.

Пудожское купечество Олонецкой губернии было сравнительно немногочисленным. Бесспорно, самой значительной среди купеческих фамилий Пудожа была династия Малокрошечных-Базегских. Сумев сколотить существенное состояние на продаже льна, И. Малокрошечный получил звания купца 1 гильдии и потомственного почетного гражданина. После его смерти дело было продолжено вытегорским купцом А.П. Базегским, приходившимся И. Малокрошечному зятем.

Представители династии Малокрошечных-Базегских были известны своей благотворительностью. На их средства содержались церкви и монастыри Пудожского уезда, значительные пожертвования шли на выплату «стипендий» для бедных учащихся, содержалась бесплатная столовая в г. Петрозаводске и т. п.

Базегский Александр Петрович неоднократно избирался земским гласным уездного земства, его деятельность отмечена семью золотыми медалями «За усердие» и орденом св. Анны 3-й степени [3].

Сын А.П. Базегского и внук И.И. Малокрошечного Николай Александрович Базегский, став с 1897 г. главой семейного дела, сохранил и приумножил коммерческие и благотворительные традиции своего рода. Награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени [3]. Полученные награды не повлияли на изменение статуса представителей данной династии, так как по закону они предоставляли право лицам купеческого сословия получить потомственное почётное гражданство, которым купцы Базегские уже обладали.

Так же как и Пименовы, представители династии Малокрошечных-Базегских добились изменения социального статуса благодаря нажитому капиталу, позволявшему заниматься широкой благотворительной деятельностью в рамках земской службы.

Купец А.Я. Чекалев был избран гласным в земствах двух губерний – Олонецкой и Санкт-Петербургской [8, с. 51–60]. В 1887 г. губернатор Г.Г. Григорьев ходатайствовал о награждении купца второй гильдии Александра Чекалёва званием потомственного почетного гражданина. В ходатайстве указывалось, что данное звание А. Чекалёв заслужил «...за усердную и полезную деятельность в Олонецком земстве и за деятельное участие в сооружении означенным земством в г. Петрозаводске памятника почившему Государю императору Александру II» (А. Чекалёв на собственные средства построил вокруг памятника решетку ценой около 3 тыс. р.) [23. Д. 2008].

После рассмотрения ходатайства министерством юстиции было отмечено, что в положении о земских учреждениях не содержится постановлений, в силу которых лица, служащие по выборам в земских учреждениях, могли бы быть удостоены наград. Таким образом, деятельность А. Чекалёва в качестве гласного Олонецкого губернского земского собрания не могла служить основанием к возведению его в звание потомственного почётного гражданина. Однако заслуги по сооружению памятника императору Александру II позволяли наградить купца А. Чекалёва званием почётного личного гражданина. Аналогичного решения относительно присвоения потомственного гражданства действующее законодательство не предусматривало. Для получения почётного потомственного гражданства требовалось находиться в звании личного почётного гражданина на протяжении 10 лет.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что в исключительных случаях земская служба способствовала приобретению личного и потомственного гражданства, что, в свою очередь, позволяло представителям купеческого сословия пользоваться особым статусом в иерархической структуре города (уезда). Повышение общественного статуса отдельных личностей приводило к занятию важных должностей, например городского головы. Следует отметить, что в основном изменение социального статуса гласных-купцов происходило в губерниях, отдаленных от центра, так как здесь их работа становилась наиболее заметной обществу, а благотворительная деятельность купцов в рамках земской службы становилась более «адресной».

Несомненно, предоставленная купечеству возможность участвовать в органах местного самоуправления имела огромное значение для улучшения жизни в уездах. Купцы, при ответственном отношении к делу, вносили существенный вклад в развитие местности, используя свой опыт, финансовые возможности, связи для решения важных социально-экономических вопросов. Служба в земстве в отдельных случаях оказывала влияние и на социальный статус гласных-купцов, делая их более важными и заметными фигурами в местном социуме.

Список литературы

1. Григорий Максимович Сметанин. Краткая биографическая справка. – [Электронный ресурс] – URL: http://www.reglib.natm.ru/events/about_Smetanin.html (дата обращения: 25.01.2015).
2. Журналы Новгородского губернского земского собрания 1868 года. – Новгород, 1869.
3. Кораблев Н.А. Пудожское купечество. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://kizhi.karelia.ru.info/about/newspaper/37/811.html> (дата обращения: 25.01.2015).

4. Кораблёв Н.А. Городские головы Петрозаводска (1778–1918) // Биограф. справ. – Петрозаводск, 2008. – С. 32–82.
5. Кораблёв Н.А. Династия Пименовых. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vepsia.ru/ludi/Pimenov.php> (дата обращения: 25.01.2015).
6. Мельникова Ю.Н. Социальный портрет гласных Санкт-Петербургского губернского земского собрания во второй половине XIX века // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – Череповец, 2014. – № 1. – С. 34–37.
7. Мельникова Ю.Н. Формирование корпуса гласных Олонецкой губернии в период становления земских учреждений // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – СПб., 2012. – Т. 4. – № 4.
8. Мельникова Ю.Н. Социальный состав гласных Новолодожского уездного земства (1865–1900) // Традиции местного самоуправления в России: к 150-летию земской реформы и земских выборов: сб. материалов всерос. науч. конф. – СПб., 2014. С. 51–60.
9. Мельникова Ю.Н. Вологодское земство в конце XIX века: социальный портрет гласных // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века): сб ст. всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Оренбург., 2012.
10. От Епархиального совета // Новгородские епархиальные ведомости – Новгород, 1888. – № 16.
11. Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 г. – Вологда, 1875. – Ч. 2.
12. Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. – Вологда, 1896. – Ч. 1.
13. Памятная книжка Новгородской губернии на 1878 г. – Новгород, 1878.
14. Памятная книжка Новгородской губернии на 1888 г. – Новгород, 1888. – Ч. 2.
15. Памятная книжка Новгородской губернии на 1895 г. – Новгород, 1895. – Ч. 2.
16. Памятная книжка Псковской губернии на 1874 г. – Псков, 1874. – Отд. 2.
17. Памятная книжка Псковской губернии на 1888 г. – Псков, 1888. – Отд. 2.
18. Памятная книжка Псковской губернии на 1897 г. – Псков, 1897.
19. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1875 г. – СПб., 1875. – Ч. 2.
20. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1884 г. – СПб., 1884. – Ч. 3.
21. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1898 г. – СПб., 1898. – Ч. 3.
22. Покровский А. Погребение новгородского головы, почётного гражданина Григория Максимовича Сметанина // Новгородские епархиальные ведомости. – Новгород, 1900. – № 2.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 88.
24. РГИА. Ф. 1343. Оп. 39.
25. Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886. – СПб., 1888. – Т. 5.
26. Ульянова Г. Благотворительная деятельность в Российской империи как реализация идеи «гражданской сферы» // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 2007.

Рабочая молодёжь Мурманской области и антиалкогольная кампания в период перестройки (1985–1991)

В статье рассматривается антиалкогольная кампания, проводившаяся советским руководством в период перестройки (1985–1991) в Мурманской области под углом отношения к ней рабочей молодёжи. Показываются проблемы, порождённые борьбой с алкоголизмом в те годы. Акцентируется внимание на неготовности общественного сознания, в том числе рабочей молодёжи, принять эту кампанию.

The article addresses the anti-drinking campaign of the Perestroika era (1985–1991) in Murmansk region in relation to the young workers. It reveals problems which were created by the anti-drinking movement in those years. The author emphasizes the ill-preparedness of the public conscience and that of the young workers' to accept the campaign.

Ключевые слова: рабочая молодёжь, Мурманская область, перестройка, антиалкогольная кампания, общественное сознание.

Key words: young workers, Murmansk region, Perestroika, the anti-drinking campaign, public conscience.

Ныне уже известно, что антиалкогольная кампания, проводившаяся в годы перестройки, породила такие явления как массовое закрытие винных заводов, вино-водочных заводов, рубку виноградников, свертывание производства сухих вин, гибель дорогостоящего оборудования по производству пива. Самогоноварение стало массовым, начал из продажи исчезать сахар. Использование всевозможных заменителей алкоголя привело к росту заболеваний, появились многочасовые очереди за спиртным. Это признал и сам инициатор перестройки в своей книге [14, с. 338–342].

Подвергли критике элементы этой кампании Е. Гайдар [12, с. 235–245], Р. Пихоя [31, с. 30–34]. Исследователь К. Лежнёв упомянул, что в связи с ростом цен на спиртные напитки и уменьшением сети магазинов в Пермской области увеличилось количество наркоманов и токсикоманов [27, с. 16]. Мы в данной статье рассмотрим эту кампанию с точки зрения отношения к ней рабочей молодёжи Мурманской области.

После появления в мае 1985 г. антиалкогольного указа, мурманская пресса сразу включилась в антиалкогольную кампанию. Главная областная газета «Полярная правда» в мае 1985 г. указы-

вала, что большое беспокойство вызывает облегчённое отношение молодёжи к выпивкам – проводы в армию, дни рождения, выезды за город непременно с выпивкой [7]. В письме-исповеди пациент лечебно-трудовой профилактория писал: «В ресторанах и барах я, особенно в последние годы, видел большое количество молодёжи в возрасте 20–25 лет. Все красиво одеты, пьют в меру, немного (пока), одним словом, начинают как я» [8]. В местные молодёжные издания приходили письма и с другими суждениями. Например, моторист Зыков в письме в газету «Комсомолец Заполярья» удивлялся, почему в некоторых ресторанах и кафе запретили спиртное, сомневался в реальности безалкогольных юбилеев, свадеб, считал, что алкоголиками пускай врачи занимаются, а праздничные застолья в меру – радость [18]. На наш взгляд, это письмо являлось криком против навязываемой сверху «кавалерийской атаки» на пьянство. Тем более, что на второй сессии областного совета народных депутатов отмечалось улучшение наркологической помощи населению – открыт областной наркодиспансер, функционируют наркологические отделения при больших предприятиях «Печенганикель», «Апатит», «Мурманская судовой верфь», в рыбном порту [11].

Но маховик кампании был запущен, и в прессе всё чаще публиковались трагические истории, в том числе и о молодых рабочих-пьяницах, терроризирующих родителей [43], хулиганящих [24], посещающих медвытрезвитель [6].

На учредительной конференции областной организации Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость говорилось о том, что много молодых ребят из объединения «Мурманская судовой верфь» попадает в медвытрезвитель, подчеркивалась необходимость организации досуга молодёжи, а для начала предлагалось шире использовать возможности ДК «Судоремонтник» [41].

В 1986 г. газета «Комсомолец Заполярья» проводила круглые столы, где говорилось о борьбе с пьянством. Четыре девушки из комсомольско-молодежной бригады пельменного цеха второго холодильного завода Мурманского рыбокомбината осудили пьянство и призвали больше времени уделять досугу молодёжи, учить людей отдыхать без выпивки [25]. Но, к сожалению, в большинстве случаев, антиалкогольная борьба сводилась к запретам и ограничениям. Так, секретарь комитета ВЛКСМ треста ресторанов и кафе Т. Веникова сообщала, что в предприятиях треста появилось много безалкогольных коктейлей, различные фizes, эт-ноги, а число предприятий, реализующих спиртные напитки, уменьшилось с 56 до 14, отмена продажи алкоголя произошла в первую очередь в тех кафе, которые были популярны у молодёжи [9].

Кстати, в июле 1986 г. «Полярная правда» написала, что почти все рестораны в безалкогольное воскресенье терпели убытки. Мало

шло народа на тематические обеды днём и тематические программы вечером. Трест ресторанов и кафе не имел права оплачивать услуги по части культурных программ. А отдел культуры горисполкома не соглашался участвовать в проблемах отдыха в ресторанах. Оставалось надеяться на тех, кто «за бесплатно» организует вечер. Однако и неспециалистов находилось немного [32]. В Кандалакше из безалкогольного ресторана «Сполохи» разбежались официанты и администраторы [35]. Конечно, писалось и об удачных безалкогольных вечерах, например, в комсомольско-молодёжном общежитии управления строительства Кольской АЭС поселка Полярные Зори успешно проходили безалкогольные вечера в кафе «Русский чай» в этом же поселке [42]. В поселке Умба молодёжные кафе взяли в свои руки комсомольцы и молодёжь медицинских учреждений района, здесь был проведен удачный антиалкогольный вечер [20]. Удался эксперимент с проведением тематических программ в Апатитах в кафе «Заполярье», которое сделали безалкогольным. Но руководитель ансамбля этого кафе жаловался, что подготовка к каждой программе занимает много времени, а есть и личные дела, что нужен специальный человек для организации досуга [29]. О проблеме найти режиссёра тематических программ для молодёжного кафе «Фантазия» г. Мурманска говорил секретарь Первомайского райкома ВЛКСМ В. Рябев, отмечая что зарплата режиссёра от 90 до 110 р., а объем работы большой [34]. А и.о. директора Мурманского треста ресторанов и кафе Л.В. Мухина в конце сентября 1986 г. заметила, что музыканты не пошли в молодёжные кафе, так как их не устраивали ни условия работы, ни оплата труда, кафе пустуют, так как организованные мероприятия проводятся в них крайне редко [2].

Из Заполярного пришла информация, что на переоборудование кафе «Заполярье» в безалкогольное просто выделили мало денег. Часто вообще молодёжные безалкогольные кафе пустуют – там мутный кофе в стакане, дорогие блюда, и молодёжь идет пить в квартиры [3].

Словом, заформализованный, непродуманный подход к идее безалкогольных вечеров не имел успеха. Не соответствующей сознанию рабочих того времени нам кажется и проголосованная инициатива коммунистов Кандалакшского авторемонтного завода (кстати, коммунисты надеялись на поддержку комсомольцев и молодёжи завода) – принять сухой закон в семье [26].

Столь же малоэффективными оказались и начавшиеся практиковаться с лета 1986 г. декады трезвости. Например, перед декадой в Ковдорском районе к магазинам выстраивались огромные очереди, спиртное брали сетками. И затем всю декаду спокойно торговали пивом, так как пиво продукт скоропортящийся и отвечать за его порчу никто не хотел. Почти не было в период декады и мероприя-

тий, которые бы занимали досуг людей [36]. В Мончегорске также прошла подобная декада, но жители стали ездить в г. Оленегорск за водкой. Кроме того, в магазинах одни и те же люди стали активно раскупать одеколон, и даже лак для волос шёл в ход. Пустовали в безалкогольные дни и рестораны [37]. Очевидно, что подобные декады затрагивали все слои населения, включая и рабочую молодёжь. Более того, в начале октября 1986 г. начальник Управления внутренних дел облисполкома В. Максимов отмечал, что на целом ряде мурманских предприятий слабо ведётся антиалкогольная пропаганда, что на многих предприятиях и в организациях до 20 % сообщений из органов милиции о нарушениях, совершённых в пьяном виде, рассматриваются формально [28]. Это ли не пример неготовности общественного сознания к борьбе с пьянством!

И все-таки отметим, что определённые положительные результаты этой административной кампании в первые годы проявились. Так, секретарь Мурманского горкома КПСС Т. Зайцева в конце 1987 г. отмечала, что на 20 % сократилось количество прогулов на предприятиях и стройках города, меньше стало дорожно-транспортных происшествий на почве пьянства [17]. Во время декады трезвости в Ковдоре не было ни одного вызова милиции на дом, в вытрезвитель не было доставлено людей, значительно меньше было задержано нетрезвых водителей [37]. В Мончегорске не было достигнуто такого заметного результата, но всё-таки и там сократилось количество травматизма, прогулов, произошло оздоровление атмосферы в городе [37]. В Мурманске, где в конце 1986 г. проводился месячник трезвости, сократилось число клиентов медвытрезвителя и количество пьяных преступлений в быту [21].

Обсуждались в прессе и проблемы лечебно-трудовых профилакториев и медвытрезвителей (ЛТП). Так, газета «Горняк Заполярья», являющаяся печатным органом комбината «Печенганикель», писала, что фельдшер медвытрезвителя говорил, что к ним попадает много пьяной молодёжи [22]. Эта же газета зафиксировала в ноябре 1986 г., что за девять месяцев года на комбинате прогулы совершили 298 работников и чуть ли не каждый третий из них молодой человек до 30 лет. С комбината могли и направить на лечение в ЛТП [44].

В мурманской областной газете «Полярная правда» указывалось, что наркологическая служба лечебно-трудовых профилакториев оказалась в полном загоне [15]. В ЛТП пациенты чувствовали себя заключёнными. К примеру, в ЛТП №1 г. Апатиты были глухие стены, униформа, колючая проволока, строгий режим и надзор. Люди здесь были самые разные. Один из кандалакшцев, о котором сообщала «Полярная правда», был в возрасте 34 лет, из них 9 лет он провёл в ЛТП, а работал на денежной работе плавильщиком. После

штампа в трудовой книжке о лечении в ЛТП люди испытывали трудности с трудоустройством и 5 лет должны были находиться под контролем нарколога. Медики и сотрудники ЛТП признавали, что лишь 7–10 %, прошедших через него держались без выпивки год, много людей попадало в ЛТП по второму разу и больше. Главврач профилактория М.М. Туров отмечал, что 80–90 % содержащихся в нем относятся к лечению негативно. А ведь ещё 20–30 % больных можно было бы помочь, если бы применить кроме основного старого метода условной рефлексотерапии ещё и гипнотерапию, физиотерапию, иглоукалывание [4]. Один из пациентов Оленегорского ЛТП жаловался, что лечащиеся – рабы МВД, что работники профилактория обогащаются, продавая пациентам чай и водку. Лечащийся в ЛТП не имел права на отпуск, больничный лист ему не оплачивался, долго не имел права избирать и быть избранным. За провинность его направляли в изолятор. А спиртное, кстати, приносили в ЛТП не только работники профилактория, но и приятели, родственники лечащихся. Перекидывали через забор ЛТП. А когда в соответствии с программой гуманизации ЛТП были разрешены увольнения из профилактория, то каждый третий вовремя не возвращался. Отводили душу!

Был проведен в области анализ социальной адаптации лечившихся в ЛТП. Выяснилось, что до ЛТП 65 % больных работали, а после него только 40 %. Каждый год 250 чел., лечившихся в ЛТП, становились бомжами [15]. Интересная статистика опубликована об Апатитском ЛТП: на конец 1989 г. здесь находилось 728 лечащихся. Из них до 20 лет – 1, от 21 до 25 лет – 42, от 26 до 30 лет – 164, от 31 до 40 – 310, от 41 до 50 – 147, от 51 до 60 – 65 чел., т. е. более трети содержащихся – молодёжь! Из 729 лечившихся – 556 чел. находились в нем повторно, из них три и более раз – 279 чел. [39].

А.Г. Кочерга, психиатр-нарколог областного наркологического диспансера, писал в «Полярной правде», что приблизительно 60 % пациентов, прошедших амбулаторный курс лечения, вновь начинали пить. А значительная часть из них вовсе и не собирались бросать пить. Постановка на диспансерный наркологический учёт вела к ограничению прав человека – пациент не мог получить водительские права, затруднена была работа, связанная с выходом в море, выезд в турпоездку, командировки. Неудивительно, что люди хотели сняться с учёта [23].

Больные алкоголизмом, в том числе и среди молодёжи, противились жестокости «лечения» и плохо его воспринимали. А ведь работать надо было бы именно над сознанием каждого пациента. Но такой лечебный метод, затрагивающий сознание, как гипнотерапия, в ЛТП не применялся. Соответствующий был и результат лечения.

Пресса подвергала критике и рабочие общежития, в которых по причине пьянства проживающих происходили разные криминальные случаи, вплоть до убийства. Руководителям вменялось в обязанности контролировать общежития. Например, мужское общежитие объединения «Мурманская судовой верфь» руководители должны посетить 192 раза в год, всего же было отмечено 29 посещений. Плохо была поставлена в этом общежитии информация о культурной и спортивной работе [38]. Приходили из общежитий и оптимистичные новости. К примеру, в общежитии № 4 Мурманского морского рыбного порта, где жили мужчины от 20 до 50 лет, действовал клуб «Кулинар», своя фотолаборатория, спорткомната, объединились в клубы по интересам книголюбы, шахматисты. И за 1987 г. здесь не было отмечено ни одного случая злостного хулиганства [19]. С другой стороны, в никельском общежитии «Заполярье» хотя и проводились культурные мероприятия, но жильцы их плохо посещали, пустовала комната для спортивных занятий, а свободное время проживающие, особенно командированные, часто посвящали пьянству [16].

Из положительных моментов также отметим, что представители рабочей молодёжи могли прославиться и героическими делами. Например, 17-летний Игорь Кукушкин – рабочий СРЗ ММФ помог правоохранителям обезвредить двух бандитов, которые поначалу «работали» как водочные спекулянты [30].

Однако питейные традиции вселялись даже в учащиеся профтехучилищ, т. е. будущих молодых рабочих. Так, в октябре 1988 г. работники мурманского областного общества борьбы за трезвость провели социологическое исследование, опросив учащихся профтехучилищ и общеобразовательных школ. Оказалось, что из числа опрошенных привлечена к алкоголю половина. Из 100 чел. 49 сказали, что пьют просто так, от нечего делать. 29 подростков заявили, что употребляют спиртные напитки для создания хорошего настроения, а еще 22 – в силу привычки. Юноши и девушки оказались в основном равнодушны к проблемам борьбы с пьянством, только 3,5 % из них пытались бороться с этим злом.

По данным социологических исследований, в Мурманской области 94% семей являлись «культурно пьющими» [33]. Да и в целом народ упорно не желал бросать пить. Сообщалось о гибели людей в винных очередях, о том, что очереди в винно-водочные магазины доходили до нескольких тысяч человек [10]. Заместитель председателя областного совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость С.И. Осипов, говоря о проблеме алкоголизма среди молодёжи, указал, что культурный досуг молодых людей после 20 лет организован недостаточно, что зависимость значительной части молодёжи от спиртного становится логическим

завершением её неумения найти душевный комфорт в обществе. Алкоголизм – это болезнь и вместо человеческого участия, помощи больному человеку, алкоголика всячески клеймили и прибегали к таким насильственным в отношении него действиям, как помещение в ЛТП, аналогов которого не было ни в одной стране мира [45].

Местная пресса в начале 1990 г. сообщила о таком негативном явлении, порожденном антиалкогольной кампанией, как спекуляция талонами на спиртное, причём спекулянт мог откупиться от милиционера [40]. Во время антиалкогольной кампании в 1985–1990 гг. в области было осуждено 516 чел. за изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки [13]. Водку всегда можно было купить на трассе по спекулятивной цене. Сотрудники милиции часто обнаруживали и криминальный бартер – в обмен на бутылки могли отдать золото, телевизор, кожаный плащ и т. п., как свое, так и ворованное [1].

Положительным моментом борьбы с пьянством можно было бы считать факт, что после выхода антиалкогольного указа количество больных, поступивших в травматологическое отделение Мурманской городской больницы, уменьшилось втрое [5]. Но об этом было сообщено осенью 1986 г. А в конце лета 1991 г. «Полярная правда» откровенно написала, что после 1985 г. на врачей-реаниматологов обрушилась лавина трупов и полутрупов, отравившихся политурой, стеклоочистителем и «колёсами» – таблетками психотропных и седативных средств; и что в годы антиалкогольной кампании в стране как никогда был силён разгул наркомании и токсикомании [1].

Как видим, в период перестройки антиалкогольная кампания принесла некоторые положительные явления, особенно в первые годы, в жизнь жителей Мурманской области и рабочей молодёжи, в частности: были предприняты попытки, к сожалению, в большинстве своём недостаточные или неудачные для развития трезвого досуга, сократился травматизм на почве пьянства, на целом ряде предприятий заметно уменьшились прогулы, сократилось число дорожно-транспортных происшествий, во время декад, месячников трезвости уменьшилось количество преступлений на почве пьянства в быту. Удавались некоторые культурные безалкогольные программы, которые положительно влияли на население, включая и рабочую молодёжь. И всё же такие негативные моменты кампании, как рост самогонварения, отравления низкопробным алкоголем, рост наркомании и токсикомании, многолюдные очереди за спиртным, где гибли люди, спекуляция алкоголем и талонами на него, заметно перевешивают плюсы этой кампании. Причины провала борьбы с пьянством в годы перестройки мы видим, в первую очередь, в неготовности общественного сознания и сознания рабочей молодёжи в частности. Увлечение административной формой борьбы с алко-

лизмом могло дать и дало только кратковременные результаты. Чтобы победить пьянство, на наш взгляд, требовалась длительная, многолетняя терпеливая работа с общественным сознанием, а не упование преимущественно на административные меры. Требовалась широкая, современная, гуманная, бесплатная медицинская помощь пьющим и глубокие научные медицинские исследования причин алкоголизма как болезни.

Список литературы

1. Антонян Н. Была бы водка... // Полярная правда. – 1991 – 17 авг.
2. Архипов С. Вечер в кафе: только ли отдых? // Комсомолец Заполярья. – 1986. – 30 сент.
3. Архипов С. Почему оно пустоует? // Комсомолец Заполярья. – 1986. – 22 апр.
4. Базанов В. С надеждой и без неё: О том кого и как лечат в ЛТП // Полярная правда. – 1988. – 28 апр.
5. Бахвалова И. Искатели приключений // Комсомолец Заполярья. – 1986. – 1 марта.
6. Боровая З. Портрет в интерьере бутылок: Возвращаясь к напечатанному // Полярная правда. – 1985. – 25 окт.
7. Бочарова Л. Разглядеть беду // Полярная правда. – 1985. – 25 мая.
8. В.М. «Как я стал пьяницей»: Письмо-исповедь // Полярная правда. – 1985. – 24 мая.
9. Веникова Т. Чем заменим алкоголь? // Комсомолец Заполярья. – 1985. – 17 окт.
10. Вонсович Т. Когда цена бутылки – жизнь... // Комсомолец Заполярья. – 1989. – 13 мая.
11. Вторая сессия областного Совета народных депутатов. «Улучшать охрану здоровья северян» Мурманск 7 июня 1985 г. // Полярная правда – 1985 – 8 июня. – С. 1–2.
12. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. – 2-е изд.; испр. и доп. – М., 2006.
13. Галахова Н., Хозина С. Не пить, а продавать стали меньше // Комсомолец Заполярья. – 1991. – 2 нояб.
14. Горбачёв М. Жизнь и реформы в 2 кн. – М., 1995. – Кн. 1.
15. Жуков С. Милость к падшим: Мысли, которые навеяны посещением ЛТП // Полярная правда. – 1990. – 25 янв.
16. Зайцева В., Александрова В. Беды общежития // Горняк Заполярья. – 1990. – 27 апр.
17. Зайцева Т. С учётом мнений мурманчан // Полярная правда. – 1987. – 8 дек.
18. Зыков В. Не надо усложнять // Комсомолец Заполярья. – 1985. – 20 июля.
19. Ковтуненко И., Нуреев Р. Пьянство? У нас «не проживает»!: Рейд по общежитиям Мурманска // Полярная правда. – 1987. – 23 окт.
20. Козлова, Г. Это просто – взять и сделать // Комсомолец Заполярья. – 1986. – 15 мая.
21. Колясникова Т. Запретить проще... или Что показал месячник трезвости в Мурманске // Полярная правда. – 1986. – 31 дек.

22. Кострицкий В., Булдаков Г., Никитенко Л. По тревожному звонку // Горняк Заполярья. – 1986. – 7 нояб.
23. Кочерга Г. Кто приходит в диспансер // Полярная правда. – 1986. – 6 дек.
24. Крылова З. «Находясь в нетрезвом состоянии...» // Полярная правда. – 1985. – 1 нояб.
25. Крюков М., Смирнов Ю. И есть ли эта грань?: круглый стол «КЗ» // Комсомолец Заполярья. – 1986. – 6 февр.
26. Куличкин А. Сухой закон в семье // Комсомолец Заполярья. – 1985. – 24 окт.
27. Лежнёв К.М. Общественно-политическая деятельность Пермской областной организации КПСС в 1985–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2005.
28. Максимов В. Слишком дорогая снисходительность // Полярная правда. – 1986. – 9 окт.
29. Морозова Н. Вы счастливы, если имеете приглашение на воскресный вечер в «Заполярье» // Комсомолец Заполярья. – 1986. – 7 июня.
30. На ловца и зверь бежит: детективная история: [ред. ст.] // Комсомолец Заполярья. – 1987. – 31 дек.
31. Пихоя Р. Москва, Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий 1985–2005. – М., 2007.
32. Ресторан: день без спиртного: рейд за эффективный труд, за здоровый быт / В. Барисов [и др.] // Полярная правда. – 1986. – 10 июля.
33. Руденко Е. Прервать «алкогольный конвейер» // Полярная правда. – 1989. – 24 янв.
34. Рябев В. Энтузиасты действуют – публика созерцает // Комсомолец Заполярья. – 1986. – 23 сент.
35. Савин Ю. Как «мочалка» затмила «Сполохи» // Полярная правда. – 1985. – 14 дек.
36. Савин Ю. Без спиртного! Доброе начинание ковдорчан в борьбе с пьянством заслуживает распространения в области // Полярная правда. – 1986. – 5 июля.
37. Савин Ю. Мончегорск: декада трезвости // Полярная правда. – 1986. – 5 сент.
38. Селиванов А. Вечером в рабочем общежитии // Полярная правда. – 1987. – 4 февр.
39. Соловьев К. Больница или тюрьма? // Комсомолец Заполярья. – 1990. – 27 янв.
40. Тормышев Д. Почём талон на спиртное? // Комсомолец Заполярья. – 1990. – 27 янв.
41. Трезвость – норма жизни: [ред. ст.] // Комсомолец Заполярья. – 1985. – 14 нояб.
42. Усольцева, В. За ушко да на солнышко // Комсомолец Заполярья. – 1985. – 21 дек.
43. Шевченко Т. По просьбе жены и матери // Полярная правда. – 1985. – 13 окт.
44. Щетинина Г. А всё ли сделал коллектив? // Горняк Заполярья. – 1986. – 7 нояб.
45. Яковлева О. «Культура питания» – социальная утопия // Комсомолец Заполярья. – 1989. – 3 июня.

УДК 94(47+574/575)«186/188»:322:28

Д.В. Васильев

Мусульманская политика Российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах¹

Статья написана на основе архивных источников России, Узбекистана и Казахстана. В ней рассматривается деятельность высших чиновников туркестанской администрации в отношении мусульманских духовных лиц региона, а также российское законодательство по мусульманскому вопросу второй половины XIX в. Показаны причины, динамика и следствия этой политики.

The following article is written on the basis of Russian, Uzbekistan and Kazakhstan archive sources. It reviews the activities of Turkestan's senior officials in relation to Muslim clerics of the area, as well as the Russian legislation on the Muslim issue of the 2nd part of the 19th century. The causes, dynamics and consequences of this policy are also mentioned.

Ключевые слова: Русский Туркестан, Степной край, политика Российской империи; региональное законодательство; мусульманская политика; ислам; история России; мехкеме.

Key words: Russian Turkestan; the Steppe region; policy of the Russian Empire; regional legislation; Muslim politics; Islam; history of Russia; mehkeme.

Проблема взаимоотношения царской администрации с исламским миром и духовенством стала предметом обсуждения лиц, участвовавших в формировании российской политики в Центральной Азии и важной частью имперского законодательства о Туркестанском крае уже с момента завоевания региона.

Вопрос о традиционной местной элите, напрямую связанной с исламом, оказался в центре внимания «Временного положения об управлении Туркестанской областью», утвержденного императором в августе 1865 г. [4, с. 876–881]. По этому закону глава региональной администрации (военный губернатор) должен был осуществлять управление коренным населением на основании общих правил, установленных для губернаторов, и в соответствии с инструкцией командующего войсками Оренбургского округа. При этом он имел право назначать и смещать лиц из местного населения, заведующих

© Васильев Д.В., 2015

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Вторая половина XIX века», проект № 13-01-00150.

местным земским управлением. Временное положение содержало и список должностных лиц из коренного населения. Для кочевников (киргизов) это были родоправители, би, манапы, для оседлых (сартов) – аксакалы, раисы, базар-баши и казии [4, с. 881]. Аксакалы стояли во главе оседлого населения и соединяли в своем лице административную и полицейскую власть. На серкерах и зякетчах лежали обязанности по взиманию податей. Наблюдение за чистотой туземных нравов было главным занятием раисов. Непосредственными начальниками всей местной администрации являлись управляющие туземным населением. Подчинялись они начальникам отделов [4, с. 880]. На управляющих возлагались следующие обязанности: надзор за работой «народных» судов; забота о неприкосновенности проходящих караванов, об охране лесов и оросительных систем; разрешение споров о пользовании арыками между кочевниками и оседлыми жителями; наблюдение за правильностью и исправностью взимания податей, исполнением повинностей и предписаний администрации местным населением.

Анализ «Временного положения об управлении Туркестанской областью» показывает, что в управлении коренным населением сочеталось стремление властей подчинить местные органы российской администрации и сохранить некоторые основы традиционного самоуправления (выборные должностные лица первичной городской администрации, «народные» суды и пр.). Несовершенство предложенной административной системы подталкивало областное начальство к поискам неординарных управленческих решений, к экспериментам с новыми административными органами, на которые вынужден был идти военный губернатор области.

На долю К.П. Кауфмана выпало претворение в жизнь «Проекта положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» [3, 282–316], принятого в качестве временной меры для управления Туркестанским краем в 1867 г. Этот документ прямо не затрагивал вопросов бытования ислама. Однако практика повседневного взаимодействия с миром ислама ставила задачу формулирования некой доктрины в отношении него на государственном уровне.

Мусульманская религия в первые два десятилетия российского господства в Средней Азии не испытывала практически никаких притеснений и даже ограждалась от притязаний некоторых чрезмерно «патриотичных» администраторов и военных [1].

Первая попытка законодательно оформить государственное отношение к исламу в Туркестане была предпринята в 1871 г., когда внутри краевой администрации был выработан проект «Положения для управления Туркестанским краем», призванный на четверть ве-

ка стать основным законом, регулирующим разные стороны социальных отношений в регионе.

Часть V проекта Положения «О мусульманском вероисповедании в Туркестанском крае» провозглашала, что «мусульманская вера в пределах Туркестанского края терпит, но не охраняется». Ни одна религиозная догма, обычай не должны были противоречить российскому закону. Этот закон не ставил никаких ограничений перед верующим в выборе каких-либо религиозных течений или вероучителей, позволял мусульманам возводить мечети, но лишал эти сооружения особого культового статуса, приравнивая к любому другому зданию.

Проект 1871 г. ставил преграду на пути к оформлению духовных лиц мусульманского исповедания в сословие. Вне зависимости от количества последователей им не предоставлялись никаких особых прав и преимуществ. Знание основ вероучения никакими экзаменами не проверялось, выборы тех или иных духовных лиц никем не утверждались, иерархия среди служителей культа не устанавливалась и не признавалась.

«Правительство мусульманской веры не ведает, чистоту ее не охраняет и никакое уклонение от нее и никакой раскол, доколе не выражается во вредной для спокойствия общественного, ... не преследует» (§ 368).

Несмотря на, казалось бы, нейтральную позицию по отношению к Исламу, законопроект начал наступление на религиозную традицию в сфере бракосочетания коренного населения региона. Этому вопросу был посвящен отдельный раздел законопроекта. Он устанавливал законность брака для мусульман лишь с заключения брачного договора, в котором должны были фиксироваться имена вступающих в брак, имущество, вносимое обоими супругами, подписи свидетелей (по два с каждой стороны). При заключении договора разрешалось присутствовать мулле для чтения молитвы, но никакого юридического значения это не имело. Закон намеревался разрешить многоженство для туркестанских мусульман. Вторичный брак разрешался с согласия жены, а брачный договор заключался с участием ее поверенных.

Несогласие жены на второй брак мужа должен был повлечь за собой развод. При этом бывшая жена должна была получить двойной размер махра (калыма), вернуть собственный брачный взнос, одежду и все украшения, нажитых в браке. Кроме того, разводящаяся супруга могла взять с собой всех или нескольких прижитых в браке детей.

Брачные отношения могли прекращаться по обоюдному согласию. При этом имущественные вопросы и судьба детей должны были быть урегулированы обоюдным обязательным соглашением,

засвидетельствованным судьей. Законопроект разрешал жене на определенных условиях расторгнуть брачный договор и устанавливал случаи, при которых брак мог расторгаться в судебном порядке (низшим судом).

Личные и имущественные отношения, возникающие в браке, должны были «...определяться шариатом и охраняться окружными [сельскими – Д.В.] и волостными судами». А на совет главного управления предлагалось возложить обязанность «...разъяснять и формулировать постановления шариата по отношению к брачному спору» (§ 389, 390).

Что касается вакфов, то на территории Туркестанского генерал-губернаторства их фактически предлагалось сохранить. Вакфы признавались землями государственными и на общем основании входили в наделы обществ. Однако оброки за пользование ими должны были вноситься не в доход казны, «...а на мечети, больницы и богадельни, как ныне существующие, так и впредь могущие образоваться, и находящиеся в тех уездах, к коим принадлежат и самые вакуфные земли» (§ 256).

В объяснительной записке к проекту «Положения для управления Туркестанским краем» 1871 г. излагается позиция краевой власти в отношении ислама и других нехристианских вероисповеданий. В Ташкенте признавали, что местные мусульмане делились на две части, объединенные хозяйственно-культурным типом. Одна часть – сарты и таджики (оседлые) – «...прониклась духом этого учения, сложила жизнь свою в общий тип мусульманской жизни и существует на основании правоотношений, указанных шариатом. Другая и большая часть [казахи-кочевники – Д.В.], уклоняясь от обрядности... официально исповедует ислам, но в действительности чуждая ему и не имеет никаких определенных религиозных верований. ... Первых мусульманство уже поработило, вторых оно еще только завоевывает». При этом туркестанская администрация признавала, что «немного пройдет времени, и мусульманство рука об руку с прогрессом и оседлостью внесет в молодой киргизский народ чувства уважения и симпатии к себе, сделается знаменем его народности и вызовет не лицемерное соблюдение его обрядов, а фанатическое служение своей идеи». Отсюда делался вывод, что «ныне или никогда русская власть может предотвратить поступательное движение ислама в среду киргизских кочевий» [5. Л. 103].

Вслед за кратким, но емким изложением доктрины политического ислама, каким он виделся из Ташкента, местные власти делали вполне логичный вывод: «...мусульманство, входя в пределы чуждого ему государства, либо заменяется его законами, либо отвергается ими. ... Всякое христианское государство может рассчитывать на успешную борьбу с таким учением... Поэтому можно решительно

сказать, что русская власть должна лишь изыскивать лучший способ борьбы с мусульманством, а не вернейший путь к примирению с ним. Этих способов два: неуклонное преследование, гонение или полное игнорирование, других нет, и всякий средний путь не только не приведет к желанной цели, но усилит мусульманство» [5. Л. 103 об.].

Путь полного игнорирования признавался не менее действенным чем первый и в большей степени соответствующим «веротерпимой и сильной политике русского государства».

Краевая администрация прекрасно понимала разницу между христианским духовенством как довольно жесткой социальной общностью и духовными лицами ислама. «Мусульманство не имеет видимого представителя, которого бы надо было гнать или признать и узаконить. Оно не имеет духовенства в том смысле, как мы его понимаем. Лица духовные суть одновременно и гражданские. Мусульманство не имеет треб. ...Брак есть гражданский договор... Молитва читается везде и всегда..., но не составляет сущности дела. Мусульманство привыкло жить в теснейшем соединении с государством и употреблять его силу на свою пользу. ...Дух его – гордость, щит его – ханжество, оружие его – власть» [5. Л. 103 об. –104].

Составители проекта 1871 г. вспоминали совсем недавние примеры: «Доводя терпимость [к мусульманству – Д.В.] до охраны, мы создали мусульманскую духовную иерархию; из ничтожного муфтия сделали главу мусульман. Дали духовное образование, узаконили его влияние, гнали его врагов и обратили киргизскую степь, которую мы застали без определенных верований, в мусульманскую. Первым признаком цивилизации и оседлости поставили мечеть. С первыми зачатками порядка и благоустройства вели за нашей администрацией муллу, в наших же училищах фанатизированного. Узаконили господство татар в степи и распустили Коран на их языке, напечатав его в наших типографиях. Мы думали слить мусульманство с нашими интересами, найти в нем орудие для наших целей и, очевидно, не достигли этого. Регламентацией мы возбудили и без того присущую ему к нам ненависть; но этой же регламентацией мы покорили ему целый народ. Мусульманство нигде не отступает, и наши войска лишь открывают его торжественное шествие» [5. Л. 104 об.].

Ташкентские власти утверждали, что до последнего времени, пока Россия не проникла в Туркестан, ислам еще не представлял серьезной опасности для государства, ибо был пока чужд «политического фанатизма».

Лишь игнорирование ислама, по мнению составителей проекта 1871 г., могло лишить его политической силы, лишить массовой опоры в населении (ибо вера более не будет связана с властью и предпочтениями, от нее получаемыми), превратит шариат в выхолощенную догматику. Без опоры на государственную власть «пред-

сказание Пророка сбудется: Ислам развалится на 192000 расколов» [5. Л. 104–104 об.].

Реализация «игнорирования» виделось двумя возможными способами: полной регламентацией всех правоотношений местного населения или сохранением на некоторое время шариата в качестве правового регулятора. Признавая отсутствие реальной возможности немедленно реализовать первую модель, Ташкент высказался за сохранение шариата. Более того, имперские чиновники считали, что уж если сохранять пережитки, то именно в шариате, а российское правосудие, как идеал, должно было быть привнесено на уже подготовленную почву.

При этом, стремясь все-таки не допустить сохранения чрезмерного влияния муфтиев и кази, крайняя администрация считала необходимым сузить правоприменение шариата брачно-семейными отношениями, предоставив при этом «...высшему учредительному и правительственному месту в крае разъяснить и формулировать его» [5. Л. 105].

В прочих отраслях гражданских отношений предлагалось допустить действие шариата и адата «...но в сем случае лишь в качестве обычая, не ведаемого, не разъясняемого и не формулируемого русской властью». Авторы законопроекта подчеркивали, что брак у мусульман является не таинством, а сохраняет «гражданский характер брачного договора», и на этом основании полагали целесообразным возложить его заключение на окружного судью, ликвидировав тем самым смысл существования должности казия [5. Л. 105 об.]. Здесь следует заметить, что упоминание народных судов как таковых, т. е. предусмотренных еще во Временном положении 1867 г., состоявших из биев и казиев и действовавших по адату и шариату, в проекте Положения 1871 г. отсутствовало.

В конце 1871 г. проект поступил на обсуждение центральных министерств и вызвал не просто активную дискуссию, но и порой явное непонимание. Так, например, Министерство иностранных дел обвиняло туркестанскую администрацию в непонимании сути проблемы со сдерживанием ислама. В МИДе обращали внимание на то обстоятельство, что, признавая порочной практику возведения за казенный счет мечетей и открытия мусульманских школ в Степи, фактически ликвидируя всю исламскую культовую недвижимость, не признавая социального значения служителей культа, ташкентские чиновники не только планировали возложить на государственных чиновников – судей обязанность заключать и расторгать мусульманские браки, но и хотели возложить на совет главного управления в крае обязанность толковать и применять шариат, вводя ислам в государственную правоприменительную и административную практику.

Столичные дипломаты считали более целесообразным оставить мусульманских служителей культа вне сферы государственной деятельности, очертить определенные границы и предоставить им право осуществлять свою деятельность, не перекладывая ее на государственных чиновников, ибо «...этим и уронится их достоинство и справедливо раздражится религиозное чувство мусульман» [9. Л. 8 об. – 9].

В МИДе были убеждены, что ташкентские предложения ничего не имеют общего с игнорированием ислама. И предлагали сохранить народный суд по шариату (под надзором российского чиновника) лишь для дел семейных, а все прочие гражданские и уголовные дела передать суду по имперским законам. «Тогда и совету не пришлось бы быть толкователем шариата и Корана, а судьям исправлять должность муллы» [9. Л. 9 об.].

В проекте Туркестанского Положения 1873 г. и в последующих законодательных актах были возрождены народные суды для оседлых и кочевых жителей края, приданы им не только брачно-семейные, но и незначительные гражданские дела, а администрация официально исключена из сферы функционирования мусульманского права. Притом из этих текстов были исключены разделы о духовном управлении мусульман в крае.

Отношение государства к исламу более системно прослеживается в российском законодательстве о степных областях. Специальная глава «Об управлении духовными делами киргизов» была включена во Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г. [3, с. 323–340].

Этот закон изымал духовные дела мусульман из ведения ОМДС и передавал их общему гражданскому управлению в крае, подчиненному МВД. Он ограничивал количество мулл в регионе – не более одного на волость и вводил правила их избрания. Мулла должен был избираться обществом из российских подданных казахов, и соответствующий приговор полагалось представлять через уездного начальника на рассмотрение областного правления. По определениям областного правления военный губернатор области получал право утверждать избранного муллу в этом звании или увольнять его от исполнения культовых обязанностей. Указные муллы внутренней России не могли исполнять культовых обязанностей в степных областях.

Закон не освобождал мулл от уплаты податей и исполнения повинностей, но оставлял за обществами право принять на себя соответствующие платежи за своего муллу. Если мулла желал обучать местных жителей грамоте, устроить при мечети школу, ему следовало получить особое разрешение уездного начальника.

Возведение мечетей дозволялось лишь с разрешения генерал-губернатора. А содержание мечетей и школ при них становилось обязанностью местного общества. При этом сборы в пользу этих заведений не могли быть обязательными для казахов. Вакфы в степных областях были запрещены. Эта часть утвержденного законопроекта безо всяких изменений перешла из проекта, составленного Степной комиссией [6. Л. 21 об. – 22] и была продублирована в проекте, подписанном военным министром.

В 1883 г. в Омске был подготовлен «Проект положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства» [7. Л. 74–79], который полагалось ввести в действие одновременно с обсуждавшимся проектом Положения об управлении Туркестанским краем. Этот законопроект был весьма кратким и не упоминал об организации управления духовными делами мусульман края вообще.

Введенное в марте 1891 г. «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» [3, с. 387–402] более скупое описало правила управления духовными делами мусульман степного региона. Из текста закона исчезло упоминание о подчинении духовных дел мусульман общему гражданскому управлению и МВД. Можно было бы предположить, что это могло быть сделано для того, чтобы в перспективе вывести духовную жизнь местных мусульман за пределы зоны ответственности имперской администрации (по примеру Туркестанского края). Однако так и нереализованное намерение центральной власти гармонизировать основные законы Туркестана и Степных областей, вместе с усилившейся к концу столетия дискуссией о целесообразности изменения административно-территориальной структуры юго-востока России, а также сохранявшаяся убежденность Петербурга в необходимости ввести духовные дела мусульман Туркестанского края в лоно государственной политики и контроля убеждают, что бросающееся в глаза ограничение правительственного вмешательства есть не что иное, как подготовка к некой реформе управления духовными делами мусульман всей Средней Азии.

Итак, положение 1891 г. более однозначно, чем прежде, позволило степным мусульманам иметь по одному мулле на каждую волость. Не был прописан и порядок выбора мулл, а из процедуры их утверждения/увольнения исключалось областное правление (§ 97–98). Такое падение интереса к духовным делам огромной массы населения в условиях бюрократизированной Российской империи можно объяснить лишь ожиданием другого закона, где эти вопросы должны были быть четко и однозначно прописаны.

Полное совпадение с предыдущим законом проявилось в отношении строительства новых мечетей и в вопросах их содержания. В

Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях их возведение разрешалось степным генерал-губернатором, а в Уральской и Тургайской – министром внутренних дел (главное начальство над этими областями лежало полностью на МВД). Как и в прежнем законе, наличие вакфов в степных областях не допускалось (§ 99–100).

В самом конце XIX столетия (в 1899 г.) в Министерстве внутренних дел был разработан целый комплекс нормативных актов, вызванный необходимостью приблизить правовое положение региона к изменившимся местным и общеимперским условиям. Главным в этом пакете документов был проект «Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской» [8]. Раздел этого проекта «Управление духовными делами инородцев» (§ 80–83) слово в слово повторял соответствующую часть Положения 1891 г.

Имперская администрация всегда воспринимала казахов как формальных мусульман, чуждых религиозного фанатизма и посему стремилась реализовать в Степном крае модель государственно-конфессионального взаимодействия, утвердившуюся во внутренней России. Здесь она предпринимала шаги по внедрению исламского духовенства в государственную структуру, превратив его в один из внутривластных инструментов по аналогии с православной церковью или мусульманскими муфтиатами.

В Туркестанском же крае, населенном, по мнению российских чиновников, «нафанатизированным» населением, российское правительство видело в исламе постоянную угрозу интеграции региона в общеимперское пространство. Поэтому избрало здесь тактику «игнорирования», которая позволяла исключить мусульманское духовенство из сферы внутренней и внешней политики, создавала параллельную реальность, которая должна была исключить враждебное пересечение двух различных цивилизационных векторов. Не имея возможности исключить или даже ослабить влияние ислама на местных жителей, власть допускала его полузависимое существование в четко очерченных политических и социальных рамках.

Почти сто лет прошло со времен Екатерины II, но страхи, внушаемые призраком мусульманской теократии на окраинах России, никуда не исчезли. И стихотворение, написанное великой императрицей во время путешествия по Крыму в 1787 г. и адресованное князю Потемкину, вполне подходит для иллюстрации отношения российского правительства к исламу в середине XIX столетия.

Лежала я вечер в беседке ханской
В середине бусурман и веры мусульманской.
Против беседки той построена мечеть,
Куда всяк день пять раз иман народ влечет.
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,

Как, уши он заткнув, взревел изо всей мочи.
В тот миг мой сон исчез; иман или бык мычит?
Спросила я вскоча. Нет, с башни там мулла кричит,
Татарин отвечал, изо рта вынув трубку;
Дым лезет снизу вверх, как будто грецку губку
Наполнила вода, равно табашна вонь,
Вельми досадно мне, что дым был чрезвычайный,
Ищу причины я, случай необычайный!
Татарин не один, лежит их много тут,
Они вокруг меня как пчелы к меду льнут.
Вокруг беседки той орда их кочевала
И из любви ко мне тут близко ночевала.
О Божьи чудеса! из предков кто моих
Спокойно почивал от орд и ханов их?
А мне мешает спать среди Бакчисарая
Табашный дым и крик; но, впрочем, место рая;
Иль не помнит кто нашествий их на Русь,
Как разоряли все, как наводили трус?
Хвалю тебя, мой друг, занявши здешний край,
Ты бдением своим все вяще укрепляй [2].

Список литературы

1. Васильев Д.В., Нефляшева Н.А. Конструируя империю: исламские периферии России (вызовы, практики, участники) // Науч. тр. Ин-та бизнеса и политики. Вып. 1: Восток: история, политика, культура / сост. и ред. Д.В. Васильев, Н.А. Нефляшева. – М., 2006. – С. 8–51.
2. Есипов Г.В. Неизданное стихотворение императрицы Екатерины II // Ист. вестн. – Т. XXIII. – СПб., 1886. – С. 248–249.
3. Материалы по истории политического строя Казахстана. – Т. 1. – Алма-Ата, 1960.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. 1865. – Т. 40. – Отд. 1. – СПб., 1867. № 42372.
5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 261.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1817.
7. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 124.
8. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647.
9. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 5134.

Организация медицинского обслуживания на арсеналах России в XVIII – начале XX в.

В статье исследуется организация медицинского обслуживания на арсеналах России в XVIII – начале XX в. Показано, что медицинскую помощь получали не только сами арсенальцы, но и члены их семей. Особой категорией получавших медицинскую помощь при арсеналах были ученики арсенальных школ. Отмечается, что помимо непосредственного оказания медицинской помощи, медики арсеналов проводили работу по профилактике заболеваний.

This article examines the organization of medical care in the arsenals of Russia in XVIII – early XX centuries. It is shown that not only the Arsenal workers, but also members of their families received medical care. A special category of receiving medical care at the arsenals was students of arsenal schools. It is noted that in addition to direct medical care, doctors of arsenals took measures to prevent disease.

Ключевые слова: армия, арсенал, артиллерия, война, военная промышленность.

Key words: army, arsenal, artillery, war, military industry.

В XVIII в. военная промышленность России выполняла свою ключевую задачу, создавая основу для обеспечения национальной безопасности. Одним из важнейших направлений развития военной промышленности страны являлось производство артиллерийского вооружения. Оно было сосредоточено на арсеналах. «Арсенал» в переводе с французского языка – предприятие для изготовления, ремонта и хранения оружия и боеприпасов, а начиная с XX в. – склад оружия и боеприпасов. До 1808 г. арсеналы назывались литейными дворами. Затем в 1808 г. для отличия их от вновь созданных подвижных арсеналов литейные дома стали называть местными арсеналами. В документах местные арсеналы могли называть непременно, реже употреблялась наименование артиллерийские арсеналы.

В результате реформ Д.А. Милютина и введения окружной системы термин «местные арсеналы» окончательно утвердился, но помимо местных и подвижных арсеналов существовали окружные арсеналы. Эти арсеналы, как и подвижные, не занимались производством артиллерии, а лишь ремонтировали ее в округе, в котором находились. В начале XX в. арсеналы были разделены по разрядам. Местные арсеналы как наиболее мощные были отнесены к I разря-

ду, окружные отнесли ко II разряду, а подвижные арсеналы были упразднены [14, с. 48].

С конца XVIII в. в России существовало всего три местных арсенала: С.-Петербургский, Киевский и Брянский. Юридически к местным арсеналам относился учрежденный в 1812 г. арсенал в Казани, но уже в 1815 г. пожар уничтожил основное оборудование и вплоть до своего расформирования в 1850 г. он представлял из себя маломощную мастерскую по ремонту артиллерии [4, с. 40].

В историографии Вооруженных сил России исследователи значительное внимание уделяли рассмотрению сюжетов, связанных с ходом военных действий, развитием вооружений и др. [3; 8; 9]. Недостаточным исследовательский интерес был в отношении развития личности военнослужащего, его психологического состояния, а также духовного и физического здоровья. В данной публикации речь пойдет об организации медицинского обслуживания на арсеналах военного ведомства.

В армии России, и на отечественных военных предприятиях, как ее части, работали подготовленные военно-медицинские специалисты. Общеизвестным является тот факт, что военные медики подчас вынуждены были трудиться в более сложных условиях, чем гражданские специалисты, а их квалификация была высокой. Военная медицина в России появилась достаточно рано. Первоначально медиков для отечественной армии приглашали из-за границы. С началом XVIII в. внимание к подготовке военных медиков усилилось, была открыта специальная школа для их подготовки в Москве при первом в России постоянном военном госпитале (сегодня Главный военный клинический госпиталь им. Н.Н. Бурденко). Впоследствии были открыты еще несколько подобных школ [10, с. 15].

Со второй половины XVIII в. военные медики стали обращать особое внимание на индивидуальный подход к больному, рациональное применение лекарственных средств, заботливый уход, а также на обязательное и тщательное ведение «лазаретных книг», «скорбных листов» (историй болезни) [6, с. 74]. Вместе с тем в течение всего исследуемого периода сохранялся дефицит высококвалифицированных военно-медицинских кадров.

Направляемые на арсеналы медицинские работники входили в штат арсенальных служащих, т.е. формировали слой военно-медицинского персонала промышленных предприятий. Подобное положение дел соответствовало мировой практике. В других странах медицинское обслуживание работников военных предприятий также осуществляли военные медики, служившие при арсеналах. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что когда отец знаменитого изобретателя Англии Генри Модсли получил ранение, его лечили в «Вулвичском арсенале» [7, с. 13].

Сложности в процессе работы на арсенальных производствах вызывали повышенную заболеваемость. Это требовало от руководства артиллерийского ведомства принятия определенных мер по медицинской помощи работникам арсеналов. Подобную помощь даже к концу XVIII в. оказывали крайне неудовлетворительно. Так, в начале строительства и деятельности Брянского арсенала тяжелая работа, сложности в быту, зачастую скудный паек приводили к многочисленным болезням работников. Общее количество занятых при строительстве людей постоянно увеличивали. Например, в 1783 г. на арсенале трудилось: в апреле – 283 чел., в августе – 330, в декабре – 340 чел. Но количество выбывших по болезни и смерти росло еще более быстрыми темпами: в апреле их было 27 чел., в августе – 84, в декабре – 89 чел. [5. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 145 об.].

Для исправления положения по просьбе командира арсенала капитана И.М. Иванова к концу 1783 г. в Брянск из Москвы был командирован лекарь Григорий Мокренц, при нем находились и «потребные медикаменты» [5. Оп. 1. Д. 2. Л. 236].

Постепенно проблему медицинского обслуживания в Брянском и других арсеналах России решали. При этом медицинским обслуживанием охватывали не только действующих работников арсеналов, но и обучающихся мастерству. После учреждения Технической школы при С.-Петербургском арсенале, все потребности школы удовлетворяли средствами столичного арсенала. В силу этого при просмотр за сохранениями здоровья чинов школы возложили на медика С.-Петербургского арсенала. При работах в период учебы от неопытности учеников случалось обжоги и пр. проблемы со здоровьем, требовавшие немедленной помощи. При некоторых легких болезнях ученики, хотя и не участвовали в работе, но могли ходить в классы для теоретических занятий. Анализ ситуации показывал, что если в подобных случаях учеников отправлять в госпитали, «то чрез это теряется много времени, которого без того так мало положено для теоретических занятий» [12. Оп. 1. Д. 182. Л. 48].

В обязанности арсенального врача входило лечение детей работников арсеналов, особенно мальчиков с 7-летнего возраста, которых зачисляли в кантонисты. Впоследствии кантонисты арсенальных работников сменяли своих отцов и становились новым поколением арсенальцев.

Не все из появившихся на свет кантонистов, доживали до времени, когда их можно было использовать в работах, а кто доживал, могли оказаться болезненными или неспособными к мастерству. Вследствие этого арсенальные врачи должны были сделать все возможное для профилактики и лечения заболеваний у кантонистов. В целях исключения травм при рождении нового арсенальца, в 1848 г. в числе должностных лиц С.-Петербургского арсенала учредили

новый чин – повивальную бабку [11, с. 269]. Впоследствии должности повивальных бабок появились в штате всех местных арсеналов.

Несмотря на развитие медицинской службы на арсеналах России, в ежегодных отчетах инспектора арсеналов отмечалось, что заболеваемость оставалась высокой. Так, в 1840 г. С.-Петербургский и Киевский арсеналы были отнесены – по размерам смертности – ко второму разряду, а Брянский арсенал – к третьему. В результате, командиру последнего в приказе генерал-фельдцейхмейстера был объявлен строгий выговор.

Подобные замечания получали и руководители других арсеналов. Несколько лет спустя смертность возросла в С.-Петербургском арсенале, достигнув «угрожающих» размеров. Осмысливая причины подобной ситуации, историк арсенала В.М. Родзевич указывал на то, что «хотя в арсенале и был лазарет, но с весьма ограниченным числом кроватей, для случаев краткосрочного пользования, и притом не требовавших сложных и дорогих методов лечения» [11, с. 297].

В 1852 г. инспектор местных арсеналов осмотрел С.-Петербургский, Киевский и Брянский арсеналы. В отчете инспектор указал, что больные нижние чины С.-Петербургского и Киевского арсеналов лечатся в общих военно-сухопутных госпиталях. Для оказания первоначальной помощи заболевшим в этих арсеналах были учреждены лазареты в первом на 10, а в последнем на 12 кроватей, содержащиеся хозяйственными средствами командиров арсеналов, без отпуска на это средств «от казны». Состояние этих учреждений было признано удовлетворительным. В Брянском же арсенале больных нижних чинов лечили в полугоспитале. При посещении полугоспиталя заметили, что у «больных было белье недостаточно чисто по неисправности надзирателя» [2. Оп. 109. Д. 913. Л. 18].

Проверка 1857 г., проведенная не только в местных (С.-Петербургском, Киевском и Брянском), но и в 1–3 подвижных арсеналах выявила, что «нижние чины имеют вид здоровый и бодрый и выправлены, сколько требуется для мастеровых, достаточно хорошо» [2. Оп. 109. Д. 913. Л. 2].

Наличие медицинского обслуживания было необходимо не только для лечения уже заболевших, но и для профилактики заболеваний, особенно эпидемического характера. Особенно внимательно артиллерийское руководство следило за состоянием здоровья арсенальцев в период эпидемий, например, «эпидемической холеры», бушевавшей на Кавказе летом 1857 г. В результате в окружном артиллерийском арсенале в Тифлисе ситуация оказалась стабильной, там холера «обнаружилась немногими случаями» [1, с. 173–174].

В конце XIX – начале XX в. при технических артиллерийских заведениях содержали амбулатории для приходящих больных из числа всех служащих в заведениях и рабочих, а также их семейств. Помимо этого, при заведениях состояли лазареты или приемные покои для подачи первоначальной медицинской помощи рабочим. В случае болезни всем мастеровым и рабочим предоставлялось право пользоваться советами врача, состоящего при заведении. Из приемного покоя нуждающиеся поступали в военные госпитали и лазареты и с довольствием от казны в продолжении двух месяцев безвозмездно. В случае же, когда болезнь или увечье были прямым следствием самих работ, «дозволяли содержать заболевших во врачебных заведениях на счет казны впредь до выздоровления». Семейства мастеровых и рабочих во время службы глав семей также имели право на безвозмездную помощь врача и медицинские пособия, но права на безвозмездное пользование в госпитале, лазарете и приемном покое не имели [5. Оп. 2. Д. 43].

После реформы 1861 г. военное руководство рассматривало вопрос о введении вольнонаемного труда на артиллерийских арсеналах России. Вначале вольный труд появляется на головном в отрасли Санкт-Петербургском арсенале, это случилось в конце 1866 г. В 1870 г. решили перейти к вольнонаемному труду в Киевском и Брянском арсеналах.

Распространение на арсеналах России вольнонаемного труда требовало и особых правил медицинского обслуживания таких рабочих. В этих целях в 1904 г. по приказу военного министерства при Артиллерийском управлении образовали особую комиссию, куда вошли: председатель – генерал-майор барон Герт, члены: тайный советник Бертенсон, действительный статский советник Шершевский, действительный тайный советник Зуев, полковник Руденков, коллежский советник Франс, надворный советник Фомин, надворный советник Морцухай-Болтовский, титулярный советник Левицкий, титулярный советник Приселков и др. В результате работы комиссия рассмотрела инструкции к правилам о вознаграждениях потерпевших вследствие несчастного случая, инструкции к правилам о производстве пенсий потерпевшим от повреждений в здоровье, т. е. профессиональных заболеваний. Помимо этого, комиссия утвердила проекты «Правил медицинского освидетельствования вольнонаемных мастеровых, рабочих и служащих в артиллерийских заведениях при приеме и увольнении» [5. Оп. 2. Д. 43. Л. 1].

В начале XX в. внимание к вопросам медицинского обслуживания на арсеналах возрастало. Так, был увеличен медицинский персонал в штате С.-Петербургского арсенала. Если в 1900 г. в штате арсенала присутствовал только один врач, то к 1 января 1912 г.

врачей было уже два, помимо этого был «классный фельдшер и 3 медицинских фельдшера» [11, с. 500].

Об увеличении значимости медицинского обслуживания в начале XX в. свидетельствует и рост заработной платы врачей. Если в 1900 г. она составила 967 р., то в 1912 г. уже 1500 р., причем динамика роста зарплаты, к примеру, начальника мастерской выглядела скромнее и составляла в 1900 г. – 1800 р., а в 1912 г. 2000 р. [11, с. 501].

В начале XX в. артиллерийское руководство в полной мере понимало необходимость усиления организации медицинского обслуживания на арсеналах. Процесс преобразований в рассматриваемой сфере был приостановлен в связи начавшейся Первой мировой войны.

Итак, медицинское обслуживание для работников арсеналов России появляется с началом деятельности этого рода военных предприятий, однако вплоть до конца XIX в. медицинское обслуживание арсенальцев было недостаточным, о чем свидетельствует их высокая смертность и заболеваемость. В конце XIX – начале XX в. военные руководители проводят ряд важных мер, призванных стимулировать организацию медицинского обслуживания работников арсеналов. Тем не менее, кардинальных улучшений в этой области провести не успели по причине начавшейся Первой мировой войны.

Список литературы

1. Акты собранные кавказской археографической комиссией. – Т. XII. – Тифлис, 1904.
2. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3.
3. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. – М., 1972.
4. Бобков В.А. Российские арсеналы в XVIII – начале XIX в. // Воен.-ист. журн. – 2010. – № 8. – С. 35–41.
5. Государственный архив Брянской области. Ф. 221.
6. Журавлев Д.А. Истории болезни XIX века – ценный источник по военной истории России // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Достояния зала. – Ч. 2. – СПб., 2006.
7. Загорский Ф.Н. Загорская И. М. Генри Модсли (1771–1831). – М., 1981.
8. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. – Т. 1. – СПб., 2002.
9. Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. – М., 2002.
10. Карпушенко С. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт Русской армии XVIII – начале XX в. – М., 1999.
11. Родзевич В.М. Историческое описание Санкт-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1712–1912). – СПб., 1914.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 501.
13. Свод Военных постановлений. Ч. I. Образование военных учреждений. Кн. VI. Образование хозяйственных учреждений. – СПб., 1838.
14. Черняк А.Я. Семен Николаевич Ванков, 1858–1937. – М., 1984.

Защита экономических интересов России на морских направлениях Северо-Запада страны в XIX в.

В статье рассматриваются проблемы обеспечения экономической безопасности, формы и методы ее решения государством в XIX в. Основное внимание автором уделяется защите экономических интересов России на морских направлениях в общем и на Балтийском море в частности. В статье уделяется внимание усилиям, проводимым министерством финансов.

In the article the problem of maintenance of economic safety, the form and methods of its decision by the state in the XIX century are considered. The basic attention is given by the author to methods and forms of protection of economic interests on sea directions, in general, and on the Baltic Sea in particular. In article the attention to the efforts spent by the Ministry of Finance is paid.

Ключевые слова: протекционистская политика, экономическая безопасность, контрабанда; таможенный тариф; министерство финансов; Балтийская таможенная крейсерская флотилия.

Key words: the protectionist policy, economic safety, contraband; custom duties; the Ministry of Finance; the Baltic customs cruiser flotilla.

В 2014 г. Россия испытывает на себе ряд глубоких политических и экономических изменений, связанных с присоединением Крыма. Следствием политических решений становятся взаимные экономические санкции со странами Европейского союза, Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и России, с другой. В исторической науке возникает необходимость анализа исторического опыта в области защиты экономических интересов государства в предыдущие столетия.

Так, в первой половине XIX в. Россия переживает замедление экономического роста страны. В этой связи обеспечение безопасности внешнеторговых отношений приобретало особое значение. В контексте анализа исторического опыта прошлого необходимо выявить способы, формы и методы решения проблем экономической безопасности в целом, и на морских направлениях в частности.

По мнению Ю.Г. Кисловского, главной угрозой внешней экономической безопасности страны в XIX столетии становится контрабанда [4, с. 195]. Причинами которой, по мнению автора, стали переходы от протекционистской торгово-таможенной политики к фритредерской и обратно.

Основы протекционизма закладывались еще Петром I в таможенном тарифе 1724 г. Ставки таможенных пошлин, взимаемых с цены товара, находились на следующих уровнях: «75% – при ввозе железа, парусины, шелковой ткани, игл, а также на воск, сухие кожи, пергамент и т.п. 50% – на полотно, бархат, золоченное и прядильное серебро. 25% – на шерстяные ткани, железное оружие, 4–10 % – на товары, не производимые в стране» [3, с. 35].

Предпринятая, несмотря на ослабленную войной 1812 г. российскую экономику, в начале XIX столетия неудачная попытка ведения фритредерской политики и принятия в ее рамках либерального таможенного тарифа 1819 г., не дала искомых результатов. В итоге, в 1822 г. был принят новый тариф практически запретительного характера.

В течение всего этого времени у правительства и министерства финансов отсутствовала эффективная нормативно-правовая база, не были разработаны формы, методы и средства борьбы с таким новым явлением, как контрабанда, определение которой на правовом уровне впервые было закреплено только в таможенном тарифе 1819 г. [1, с. 41].

Подтверждением достаточно широкого распространения контрабанды служит прошение, поданное 22 января 1886 г. в Варшаве купцом Адольфом Фельзенгартом на имя управляющего Департаментом таможенных дел: «Торгуя уже много лет подтяжками русского изделия я, как равно все мои товарищи, по этому делу, с удовольствием и благодарностью смотрел на меры, предпринятые в последнее время правительством для охраны нашей промышленности через наложения большой пошлины на подтяжки заграничного происхождения. Но, к сожалению, применения департамента в этом отношении не на всякой таможне бывают уважаемы, вследствие чего происходит нелегальная конкуренция убийственно влияющая на нашу производительность и тем более действительная, что ей удалось обойти точное определение закона. И так в последнее время хотя привоз заграничных подтяжек почти совершенно упал, однако же они продаются открыто по ценам подозрительно дешевым и это вследствие манипуляций которой суть имею честь ... сообщить для зависящего распоряжения. Подтяжки привозятся из заграницы разложенные на части и здесь сшиваются и накладываются штампель заграничного фабриканта. Теперь происходит вопрос каким образом подтяжки носящие на себе заграничный штампель могут быть продаваемы как заграничный продукт без таможенной пломбы?» [9. Д. 29. Л. 45].

Еще более интересный случай изворотливости рижских купцов описывается в письме купца 1-й гильдии Адониса Ланге от 1 февраля 1896 г. в Департамент торговли и мануфактур Министерства фи-

нансов. В нем сообщалось, что за несколько лет до этого один из рижских купцов отправил свой пароход, приписанный к составу русского коммерческого флота, за границу на зимовку, во время которой заменил старую машину и старый котел новыми, после чего пароход возвратился в Россию. Таким образом, судовладелец приобрел для своего судна заграничную машину и котел, не уплатив за них никакой таможенной пошлины. Далее в своем письме Ланге перечислял владельцев и их пароходы, на которых таким же образом были заменены машины и котлы [9. Д. 429. Л. 48].

Помимо контрабанды промышленных товаров, серьезный ущерб государству наносила и контрабанда других изделий, прежде всего спирта и соли. Примером этому служит сообщение генерал-губернатора Финляндии управляющему Министерством финансов: «Проведенное расследование подтвердило многочисленные факты завоза контрабандного спирта финскими шхунами на острова Гохланд и Тюттершер, где он складировался и откуда зимой переправлялся на материк. Завозили спирт и непосредственно к берегам Эстляндии, перегружая его на мелкие суда. Однако, власти Финляндии не имеют возможности принять какие-либо меры к этим судам, поскольку финские таможенные крейсера не вправе осуществлять преследование контрабандистов у берегов Эстляндии» [5, с.15].

Приведенные примеры наглядно показывали, что охрана экономических интересов страны напрямую становилась зависимой от организации охраны как сухопутных, так и морских направлений границы. В 1827 г. был создан особый род войск для охраны государственной границы – пограничная стража. Главной его целью стала борьба с контрабандой на границе, без преодоления которой невозможно было осуществить правительственный курс на защиту отечественного производителя от конкуренции иностранных товаров [3, с. 37].

Штат пограничной стражи не предусматривал подразделения, которым бы велось наблюдение за судами в морских водах, прилегающих к российским берегам. Тем не менее, Министерство финансов пыталось противодействовать контрабанде на Балтике. С этой целью в начале XIX в. было куплено судно «Сумпа Або». Ему поручалось патрулирование района от Санкт-Петербурга до устья р. Нарова на Финском заливе для предотвращения контрабандного провоза товаров в Петербург [7. Д. 565. Л. 3].

Полемика по интересующим нас вопросам развернулась в 1868 г. на страницах периодического издания того времени «Вестник Европы». Здесь обсуждался ряд вопросов, связанных с принятием нового таможенного тарифа 1868 г.: «В новом, тарифе понижены довольно значительно пошлины с жизненных припасов,

материалов не в деле, с хрустальных, зеркальных, фарфоровых, металлических, каучуковых и шерстяных изделий; понижены но довольно слабо, пошлины с сырых и полуобработанных материалов, но за то возвышены пошлины на некоторые сорта льняных, шелковых и бумажных товаров, и наложены вновь пошлины на некоторые машины и орудия» [2, с. 440]. Также поднимались вопросы, косвенно связанные со свободной торговлей и импортозамещением. Указывалось, что российские промышленные товары не становятся конкурентоспособными с иностранными аналогами, оставаясь низкого качества, а фабриканты и купцы просят правительство поддерживать высокие таможенные пошлины. В результате от высоких цен на импортные товары и низкого качества отечественных страдало население страны. Такая позиция защищала идею перехода к нормам «свободной торговли».

В этот же период, в результате прихода к руководству Министерством финансов людей, непосредственно связанных с Морским министерством стали активно применяться действенные меры по борьбе с контрабандой на морских направлениях [10, с. 52].

При Департаменте таможенных сборов Министерства финансов, была создана комиссия по устройству в Балтийском море таможенной крейсерской флотилии. В разные годы в работе указанной комиссии принимал участие широкий круг офицеров различных флотских специальностей по всем направлениям деятельности Морского министерства. Так, например, в январе 1872 г. в состав комиссии управляющим Морским министерством были назначены следующие офицеры: командир шхуны «Секстан» капитан 2-го ранга Шульц, корпуса корабельных инженеров полковник Пельциг, корпуса флотских штурманов капитан Костин [7. Д. 2452. Л. 1]. Непосредственное участие в работе по созданию таможенной крейсерской флотилии, также принимал Л. П. Семечкин, который занимался окончательным выбором «чертежей для судов оной» и размещением «заказа барказов английскому судостроителю Уайту» [6. Д. 58. Л. 4].

В 1869 г. были приняты «Правила о морском надзоре за недоворением судами контрабанды» [7. Д. 2452. Л. 9–10]. Этими правилами, являющимися нормативно-правовым документом, фактически вводится в действие инструкция по борьбе с контрабандой на морских направлениях. В статьях этого документа описывалось, как должны поступать таможенные суда или крейсера в различных случаях: применение оружия, остановка судна, задержание и др. [7. Д. 2452. Л. 10].

Для изучения опыта иностранных государств в области борьбы с контрабандой, начальник Рижского таможенного округа контр-адмирал Штоффреген был отправлен во Францию и Англию [5, с. 15].

До окончания постройки и утверждения положения таможенной флотилии Морским министерством были выделены корветы «Варяг» и «Воевода», которыми несли таможенное крейсерство вдоль русских берегов Балтийского моря и Финского залива поочередно в течение всей навигации с апреля по октябрь [7. Д. 2452. Л. 17].

Наконец, в 1873 г. было утверждено «Положение о Балтийской таможенной крейсерской флотилии», на основании которого был сформирован штат, порядок денежного, вещевого содержания чинов флотилии и других видов довольствия [8. Д. 5345. Л. 16–23].

Наводился порядок и в прибрежной зоне. Для этого в Ревельский таможенный округ были закуплены три норвежские лоцманские лодки. Либавскому таможенному округу Морским министерством были выделены военные пароходы. В Финляндии же для пресечения контрабанды использовались таможенные крейсера.

Все эти усилия и действия Министерства финансов в совокупности приносили положительные итоги и результаты. К 1885 г. в отличие от сухопутной части границ, контрабанда, водворяемая морским путем, становится значительно менее заметной. В качестве примера будет целесообразно привести некоторые факты из отчета начальника Рижского таможенного округа от 4 января 1885 г. за № 2. В нем отмечалось, что в 1884 г., как и в 1883 г. контрабандой на острова Эзель, Даго и Моон доставляется исключительно спирт из Пруссии для местного употребления; на протяжении 1-го и 2-го отделов Рижской бригады пограничной стражи по берегам Рижского залива и на западном берегу Курляндской губернии от мыса Домеснеса до Либавы контрабанда уже не водворяется; в районе расположения Аренбургской бригады пограничной стражи, благодаря усилению морского надзора, достигнутому учреждением четырех подвижных постов (ботов) в 1884 г. было только одно задержание, в отличие от 1883 г., в котором было десять [9. Д. 429. Л. 1–2].

Руководство Министерства финансов высоко оценивало деятельность Балтийской таможенной крейсерской флотилии и пограничной стражи в защите экономических интересов стран. Так, в своем письме от 7 октября 1875 г. за № 14858 командующему флотилии контр-адмиралу П.Я. Шкоту, директор департамента таможенных сборов отмечал: «На этих днях при представлении моем Министру Финансов, Высокопревосходительство сообщил мне, что во время пребывания его в прошедшем месяце, в Остзейских губерниях, он слышал общие отзывы людей, знакомых с хозяйственным положением дел в том крае, что большая часть местных винокуренных заводов, несколько лет назад совершенно остановивших свою деятельность, по причине невозможности конкурировать с контрабандным спиртом, водворявшимся в громадных размерах, в настоящее время вновь приступили к работам и дей-

ствуют успешно, так как торговля контрабандным спиртом почти прекратилась; прекращение же контрабанды, по общему мнению, следует отнести, единственно к бдительному надзору за берегами Таможенной Крейсерской Флотилии и чинов Пограничной стражи» [7. Д. 2632. Л. 81].

Сухопутная же контрабанда по-прежнему оставалась серьезной проблемой, на что указывала особенно польская администрация. В письме Варшавского генерал-губернатора к губернаторам в Царстве Польском от 10 декабря 1885 г. утверждалось: «Увеличение акциза на спирт и вино привело к контрабанде этих товаров из-за границы... Такое занятие оказалось весьма прибыльным, а потому почти все пограничное наше население, преимущественно безземельное и малоземельное обратилось к этому промыслу... По примерному исчислению этот незаконный промысел приносил прямых убытков казне до 19 млн. руб. по всей нашей границе, из коих до 9 млн. руб. относятся на Царство Польское...» [9. Д. 429. Л. 7].

Постепенное искоренение контрабанды на морских направлениях в конце века позволило обратить внимание на ряд новых проблем обеспечения экономической безопасности в территориальных водах России, таких как необходимость охраны рыбных и иных морских богатств от расхищения браконьерами, иностранными промышленниками, а также тайный провоз рыбы, неоплаченной пошлиной. В этой связи 20 мая 1885 г. было принято постановление «О новом штатном составе чинов по охране морских вод Уральского войска». Согласно этому документу казачеству предписывалось обратить внимание на «охрану собственного морского участка... от потаенного рыболовства», а в 1886 г. для охраны рыбных и других морских промыслов Приамурского края из состава Сибирской военной флотилии были выделены корабли «Клипер», «Абрек», «Горно-стай» и «Нерпа», а для северо-восточного района – шхуна «Алеут» и крейсер «Забияка» [5, с. 29].

Также 12 июня 1885 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета было разрешено приобретение парохода для разъездов администрации Кольского уезда (Архангельской губернии) вдоль мурманского берега и отпущено на его содержание в течение трех лет, по сметам министерства внутренних дел, начиная с 1886 г. по 16 626 р. в год [9. Д. 384. Л. 1].

Для строящегося на Ньюландском заводе в Христиании парохода Министерством финансов разрабатывались обязанности по поддержке торгово-промышленных интересов страны в северном крае. Пароходу поручалось установление надлежащего надзора за правильным производством китового и иных морских промыслов; недопущение иностранных промышленников в пределы русских территориальных вод (семиверстная полоса от берега материка и

островов); контроль за отсутствием ввоза контрабандных и запрещенных товаров; обязательное крейсерство около Рыбачьего полуострова со стоянкою у мыса Немецкого, Айновских островов, Волоколовых губ и Цыпь-Наволока. С целью содействия таможенному надзору в Северном крае, на все время плавания парохода в течение навигации на него назначался таможенный чиновник снабженный «надлежащей инструкцией, как по преследованию контрабанды, так и по наблюдению за судами и их припискою к русским портам» и за «точным исполнением правительственного распоряжения о воспрещении привоза спиртных напитков на мурманские берега» [9. Д. 384. Л. 20–21].

В 1884 г. появились проблемы, связанные с тайным провозом рыбы, неоплаченной пошлиной, в водах Кубанского войска. Складывалась ситуация, при которой отсутствовало взаимодействие смотрителей рыболовных участков хозяйственного правления Кубанского казачьего войска, Темрюкской таможенной заставы и полицейских приставов по преследованию тайных обловщиков рыбы в сбыте ими на приходившие в Темрюк суда рыбных продуктов, не оплаченных пошлиной в пользу Войска [9. Д. 34. Л. 2].

Однако разрешение вышеуказанных проблем не входило в пределы ведения Департамента таможенных сборов и не затрагивало по существу его интересы, вследствие чего на рубеже XIX–XX вв. Министерством финансов проводились новые реформы по выделению из таможенных ведомств подразделений, осуществлявших защиту экономических интересов государства как на сухопутных, так и на морских направлениях. В 1893 г. был создан отдельный корпус пограничной стражи, шефом которого стал министр финансов. Деятельность его требует самостоятельного изучения.

В заключение отметим, что, несмотря на ряд угроз экономической безопасности на морских направлениях в общем и на Балтике в частности, Министерство финансов благодаря проводимым реформам по совершенствованию таможенного и пограничного надзора в XIX столетии довольно успешно справлялось с возникавшими проблемами. По нашему мнению, подобный анализ исторического опыта поможет избежать ошибок прошлого на современном этапе развития и позволит разработать комплекс мер по противодействию угрозам экономической безопасности Российской Федерации в начале XXI в.

Список литературы

1. Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н. Пограничный надзор на море: ист.-документальный очерк. – М., 2006.
2. Вестн. Европы. – СПб., 1868. – Т. 5. – Кн. 9. – С. 383–441.
3. Ежуков Е.Л. Концепция охраны границ Российской империи. – М., 2008.

4. Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России. – М., 2004.
5. Мошков А.Ф. Морпогранохрана России: от Петра I до наших дней. Краткий исторический очерк. – М., 2005.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 22. Оп. 1.
7. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1.
8. РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 21. Оп. 1.
10. Шаламов С.В. К вопросу о российской политике по противодействию контрабанде на Балтике в XIX веке // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. № 6(38). – 2014. – С. 51–56.

Требования к должности издателя-редактора периодического издания начала XX в.

В статье анализируются требования, которые предъявлялись Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи в начале XX в. к редакторам – издателям новых периодических изданий. Данная проблема рассматривается на примере прошений, поступавших в канцелярию Главного управления по делам печати. Автор статьи приходит к выводу о том, что предъявляя определенные требования к редакторам – издателям вновь создаваемых периодических изданий, главное управление по делам печати таким образом оказывало влияние на то, в каком направлении эти периодические издания излагали события, формируя тем самым общественное мнение.

The article is dedicated to the requirements of the General Administration of Press in the Ministry of the Interior in Russia at the beginning of the XX century to the editors and publishers of new journals and newspapers. The research is based on the petitions from the office the General Administration of Press. The author of the article concludes that these requirements to the editors and publishers helped the General Administration of Press to create public opinion.

Ключевые слова: Главное управление по делам печати, редактор, издатель, ходатайство, печать в начале XX в.

Key words: The General Administration of Press in the Ministry of the Interior, the editor, the publisher, the petition, the press, the media at the beginning of the XX century.

Начало XX в. в России характеризуется ростом общественного движения. Выразителем общественных настроений нередко становилась печать. Предъявляя определенные требования к редакторам – издателям вновь создаваемых периодических изданий, Главное управление по делам печати, входившее в состав Министерства внутренних дел, контролировало, в каком ключе эти периодические издания излагали текущие события, формируя тем самым общественное мнение [см.: 1]. Для выяснения этих требований обратимся к материалам, хранящимся в Российском государственном историческом архиве в фонде Главного управления по делам печати, о разрешении издавать новые печатные органы за период с 1900 по 1903 гг.

24 ноября 1899 г. в канцелярию Главного управления по делам печати обратился потомственный дворянин Константин Петрович

Кублицкий-Пиотух с ходатайством о разрешении издавать в Санкт-Петербурге ежемесячный журнал под названием «Арабески из области прекрасного». По запросу, сделанному Главным управлением 29 декабря 1899 г. относительно личности просителя, в Департаменте полиции оказалось, что «проживающий в Харьковской губернии дворянин Константин Петров Кублицкий-Пиотух, 35 лет, холост, занимается сельским хозяйством, ведет образ жизни замкнутый и ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был. Кроме имения, находящегося в нераздельном владении между пятью братьями и двумя сестрами, состоящего из 400 десятин земли, ценою в 80 000 рублей, Кублицкий других средств не имеет. Восемь лет тому назад Кублицкий страдал расстройством умственных способностей, хотя в настоящее время резких явлений его ненормального состояния не замечается, однако, он, все-таки, производит впечатление больного человека. В виду сего Кублицкий, по отзывам местных властей, вряд ли может издавать и редактировать журнал» [3. Л. 9].

4 марта 1900 г. К. П. Кублицкому-Пиотух было сообщено, что на ходатайство о разрешении издавать журнал «приказано г. Министром внутренних дел неподлежащим удовлетворению» [3. Л. 12].

Через три года, в 1903 г., Константин Петрович вновь обратился с прошением в канцелярию Главного управления по делам печати. На этот раз он ходатайствовал о разрешении ему издавать в Санкт-Петербурге журнал «Что бог даст». Первоначально рассмотрение ходатайства шло в положительном для истца направлении. 20 января 1903 г. ему было сообщено, что «в дополнение к ходатайству ... надлежит доставить в Главное управление сведения о подписной цене на проектированное издание и еще одну герб. марку 60 коп. достоинства» [10. Л. 5]. Согласно ст. 118 п. 1. Устава о цензуре и печати каждое поданное в Главное управление по делам печати прошение об открытии нового повременного издания должно было содержать «названия или заглавия издания, программы оно, сроков выхода в свет и подписной цены» [12, с. 55].

12 февраля из канцелярии Харьковского губернатора пришли запрошенные Главным управлением по делам печати сведения о том, что «за время его проживания в Сумском уезде, постоянно по 17 января, под судом и следствием не состоял и ни в чем предосудительном как в нравственном, так и в политическом отношении замечен не был» [10. Л. 9]. В этот раз местные власти сообщили о его благонадежности.

Однако в запросе, сделанном в Департамент полиции 15 февраля, сообщились те же сведения, что и три года назад, повторив, что «Кублицкий страдал расстройством умственных способностей... и по отзывам местных властей, вряд ли может издавать и редакти-

ровать журнал» [10. Л. 13]. Таким образом, не смотря на то, что в 1903 г. сведения из канцелярии Харьковского губернатора были положительными, тем не менее, сообщение о его прошлой болезни послужило решающим пунктом для отказа в ходатайстве.

Решением по Главному управлению по делам печати стало: «В виду того, что по имеющимся в Главном управлении по делам печати сведениям, г. Кублицкий-Пиотух не обладает образовательным цензом, необходимым для исполнения редакторских обязанностей, Главное управление полагало бы настоящее ходатайство отклонить» [10. Л. 14]. 24 апреля 1903 г. Константину Петровичу было сообщено об отказе [10. Л. 15]. Таким образом, в положительном для истца решении могло быть отказано в случае сообщения о нем неблагоприятных сведений местными властями. Просителю о причине отказа не сообщалось.

Из-за отсутствия высшего образовательного ценза было отказано в разрешении издавать журнал на немецком языке и редактору – издателю журнала «Русский вестник» Александру Богдановичу Блаубергу, директору общества дрожжевого завода, имевшему собственную типографию и, по сведениям Департамента полиции, обладающему «весьма солидными материальными средствами» [6. Л. 3].

15 февраля 1900 г. Главное управление по делам печати постановило: «В виду того, что редактирование литературно-художественного журнала имеющего в своей программе также отдел «обзор столичной и провинциальной прессы» может быть доверено лишь лицам, обладающим высшим образовательным или литературным цензом и что у г. Блауберга такого ценза не имеется, Главное управление по делам печати полагает настоящее ходатайство отклонить» [6. Л. 4].

О мотивах отказов в утверждении редакторов пишет Н.Г. Патрушева во вступительной статье в справочном издании «Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. ...»: «Во-первых, необходимо было, чтобы 3 отделение Собственной его императорского величества канцелярии дало положительный отзыв о благонадежности будущего редактора. Во-вторых, против нового издания могла возражать местная администрация» [2, с. 27]. Данные мотивы наглядно подтверждаются материалами, хранящимися в фонде Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. В качестве примера можно привести дело о ходатайстве жены капитана Софии Константиновны Акимовой о разрешении ей издавать в Москве журнал под названием «Школьное дело» [4] и дело об издании в Москве журнала «Нотариальный вестник» [9].

В первом случае, в деле С.К. Акимовой на запрос Главного управления по делам печати «является ли упомянутая жена капита-

на Акимова по своим личным качествам, общественному положению, образовательному цензу и педагогической деятельности, заслуживающею предоставления ей права издавать и редактировать журнал для учащихся» [4. Л. 8], неблагоприятных сведений в департаменте полиции не оказалось [4. Л. 11]. Тем не менее, из отзыва московского обер-полицеймейстера «удовлетворение означенного ходатайства просительницы»¹ представлялось «нежелательным» [4. Л. 10].

27 января 1900 г. московским обер-полицеймейстером было сообщено, что «жена капитана Софья Константиновна Акимова имеет звание домашней учительницы, полученное ею по выдержании экзамена на Педагогических курсах в Москве. Ранее Акимова проживала в г. Курске, где и имела с 1889 по 1895 г. включительно, прежде начальное училище, а затем профессиональную школу. ... С мужем своим Акимова вместе не живет, вследствие, будто бы, ее болезни, препятствующей супружескому сожитию. В настоящее время она больна, лежит в постели и никого к себе не принимает. Акимова содержит мастерскую волшебных фонарей. ... Вообще Акимова как в отношении выполнения ею частных обязательств, так равно и в отношении исполнения законных обязанностей, налагаемых на нее административными распоряжениями, – является личностью неодобрительною: она нередко игнорирует требования полиции по уборке улицы и содержанию таковой в надлежащем порядке и отвлекает дворника от прямых его обязанностей, давая ему разные поручения по хозяйству в то время, когда он должен исполнять полицейские обязанности и находится на улице, два раза она привлекалась даже к ответственности, за неисполнение требований полиции по содержанию владения в исправном виде, и оба раза была признаваема мировым судьей виновною и подвергается каждый раз штрафу» [4. Л. 12–12 об.].

Делая вывод о ее политической благонадежности, московский обер-полицеймейстер затруднился ответить однозначно, так как «выяснить ее деятельность и установить круг ее знакомства в данное время не представляется возможным. На основании же сведений об образе жизни и занятиях Акимовой позволительно с большою вероятностью заключить, что Акимова имеет значительные связи среди политически неблагонадежных лиц, кои, вероятно, и будут работать в журнале, руководя его направлением» [4. Л. 12 об. – 13].

Принимая во внимание подобную характеристику С.К. Акимовой и программу журнала, в которой «приведена тенденция указания читателям журнала книг для чтения, казалось бы, что дозволение

¹ Здесь и далее – подчеркнуто в источнике.

Акимовой выступить в роли редактора – издателя журнала «Школьное дело» едва ли может представляться желательным» [4. Л. 13]. Правительство четко ограничило компетенцию редакторов – издателей в обсуждении вопросов, которые они могли затрагивать на страницах своих изданий. Как отмечает Е.С. Сониная: «Можно проследить стремление не допустить в массовые издания какую-либо негативную информацию о власти, положении общества и особенно простонародья, любых сообщений о противных монархизму учениях и т. д. Основной круг тем, запрещенных к публикации, оговаривался в цензурном уставе, но циркуляры резко расширяли его» [11, с. 148].

24 марта 1900 г. министр внутренних дел постановил: «В виду выраженного его императорским высочеством московским генерал-губернатором мнения о нежелательности удовлетворения ходатайства Акимовой и принимая во внимание сообщенные департаменту полиции московским обер-полицеймейстером неблагоприятные сведения о занятиях и образе жизни просительницы, дающие основания сомневаться в политической благонадежности ее ... Главное управление по делам печати полагало бы настоящее ходатайство отклонить» [4. Л. 15].

В случае же с ходатайством об издании в Москве журнала «Нотариальный вестник» по запросу, сделанному в Департаменте полиции 7 марта 1903 г., выяснилось, что о просителе, мещанине Моисее Львове Зайцеве, неблагоприятных сведений не имеется. На момент подачи прошения «Зайцев – еврей, принявший православие, образования домашнего, бывший Звенигородский нотариус, имеет капитал до 10.000 рублей, ныне состоит частным поверенным при московском окружном суде» [9. Л. 7].

15 марта 1903 г. из управления московского генерал-губернатора было сообщено, что «хотя Зайцев получил лишь домашнее образование, но принимая во внимание, что он уже занимает должность нотариуса (в Звенигороде) и в настоящее время состоит частным поверенным при московском окружном суде, а из п. 1-го программы "Нотариального вестника" видно, что статьи будут исходить от специалистов по нотариальной части, московский генерал-губернатор признавал бы означенное ходатайство просителя заслуживающим удовлетворения» [9. Л. 8].

На данный отзыв 20 марта последовало разрешение просителю издавать и редактировать «Нотариальный вестник» «под условием некоторых редакционных изменений в проекте программы этого издания» [9. Л. 10].

Просителю могло быть отказано также, если у него не было литературного и публицистического опыта и капитала для издания предполагаемого журнала. В январе 1900 г. в канцелярию Главного управления по делам печати с ходатайством о разрешении изда-

вать ежемесячный журнал под названием «Джунгль» в Санкт-Петербурге обратились титулярный советник Н.Е. Пушкин и камер-юнкер Г.М. Хитрово. Из запроса, сделанного в Департаменте полиции, стало ясно, что «титулярный советник Николай Евгениев Пушкин служит помощником делопроизводителя в канцелярии министра путей сообщения, существует на получаемое содержание и имеет много долгов, а камер-юнкер Георгий Михайлов Хитрово живет на средства матери, вдовы гофмейстера Софии Петровны Хитрово, нигде не служит и ничем не занимается» [5. Л. 3].

Таким образом, «принимая во внимание, что гг. Хитрово и Пушкин не занимались литературной и публицистической деятельностью и что судя по сообщенным департаментом полиции сведениям, они не имеют никаких материальных средств для издания проектированного журнала» [5. Л. 5]. Главное управление по делам печати отклонило данное ходатайство.

Однако просители подали повторное ходатайство 14 марта 1900 г. с просьбой разрешить издание журнала по той же программе [5. Л. 7]. В ходатайстве Н.Е. Пушкин, в частности, указал, что «имея за собою ... издательское имя и пригласив в качестве редактора Г.М. Хитрово, служебное и общественное положение которого отвечали за непоявление в журнале чего-либо несовместимого с видами правительства, я не мог предполагать, что возбужденное мною ходатайство получит неблагоприятное разрешение, вследствие чего помимо значительных предварительных затрат, принял на себя ряд обязательств, которых выполнить ныне не в состоянии» [5. Л. 7]. Резолюция, однако, на прошении была: «За состоявшимся решением не подлежит удовлетворению» [5. Л. 7].

По этой же причине последовал отказ и в деле о ходатайстве мещанина А. Мейера о разрешении ему издавать в Санкт-Петербурге газету «Торгово-промышленный вестник» [8]. Редактором газеты в прошении был указан П. Лаврентьев.

По присланным 14 марта 1903 г. из Департамента полиции сведениям оказалось, что «об означенных в помянутом отношении лицах неблагоприятных сведений в виду Департамента не имеется. К сему департамент считает долгом присовокупить, что Александр Мейер, 30 лет, вероисповедания лютеранского, служит счетоводом на Николаевской железной дороге и нанимает комнату с платой за 12 рублей в месяц, а Петр Лаврентьев – запасный фельдшер 5-го флотского экипажа, служит ныне писцом в государственном контроле, получая в месяц 50 рублей, на какое жалование и проживает» [8. Л. 8]. В результате, «принимая во внимание, что по сведениям департамента полиции мещанин Мейер не располагает материальными средствами, необходимыми для издания периодического органа печати, Главное управление полагало бы настоящее

ходатайство отклонить» [8. Л. 10]. Таким образом, настоящее ходатайство так же было рассмотрено министром внутренних дел как «не подлежащим удовлетворению» [8. Л. 11].

Отказано могло быть и по причине «ошибок юности». Примером подобного может служить дело канцелярии Главного управления по делам печати о ходатайстве Николая Николаевича Алябьева и Георгия-Юрия Константинова Арцыбушева о разрешении издавать журнал «Вертоград "Многоцветный"» [7]. 10 января 1903 г. было дано прошение. По сведениям, поступившим из управления московского генерал-губернатора, стало ясно, что «Алябьев, 27 лет, православного вероисповедания, образование получил в императорском московском университете, где окончил курс наук по историко-филологическому факультету» [7. Л. 8]. На момент подачи прошения Николай Алябьев числился преподавателем в Александро-Мариинском институте. В 1901 г. в журнале «Русская мысль» были опубликованы его переводы с итальянского языка нескольких стихотворений. Этим его литературная деятельность ограничилась. «Будучи студентом императорского московского университета Николай Алябьев участвовал в студенческих беспорядках, происшедших в Москве в 1896 году, за что содержался некоторое время под стражею в московской центральной пересыльной тюрьме, 8-го октября 1897 г. он присутствовал на недозволенной сходке, ... в ночь на 21 апреля 1899 года Алябьев вместе с братом своим Тимофеем Алябьевым был подвергнут обыску и привлечен к расследованию, производившемуся при московском охранном отделении по делу о "Всероссийском студенческом съезде" в Москве» [7. Л. 8].

Потомственному дворянину Георгию Арцыбушеву была дана положительная характеристика, отмечалось, что он «занимается художественными работами, чем добывает более двух тысяч рублей в год и имеет наличный капитал в 10 тысяч рублей. Нравственных качеств Арцыбушевы хороших и неблагоприятных в политическом отношении сведений о них не имеется» [7. Л. 8 об. – 9]. 10 апреля последовало решение Главного управления по делам печати об отклонении настоящего ходатайства [7. Л. 12]. И хотя издатель получил положительную характеристику, тем не менее, политическое прошлое редактора будущего журнала Алябьева стало причиной отказа без объяснения таковой просителям.

Таким образом, в разрешении открыть новое периодическое издание могло быть отказано ввиду отсутствия образовательного ценза, по сообщению местных властей о возможных психических расстройствах, политической неблагонадежности просителей, вследствие неблагоприятных сведений о занятиях и образе жизни, ходатайствующих по причине отсутствия необходимого, с точки зрения Главного управления по делам печати, литературного и публи-

цистического опыта и отсутствия материальных средств, из-за участия в юности в антиправительственных выступлениях.

Итак, издателем-редактором официально разрешенного издания могло стать лицо без различия пола и сословия, но имевшее опыт литературной и публицистической деятельности, надежное в политическом отношении и обладавшее необходимым капиталом для самостоятельной организации издательского дела. Если проситель по сведениям, собранным Департаментом полиции, не обладал необходимыми средствами, то при прочих условиях ему могло быть отказано в положительном рассмотрении его ходатайства. Именно обладавший перечисленными характеристиками издатель – редактор, по мнению правительства, мог освещать события общественной жизни страны начала XX в. в правильном с точки зрения правительства русле.

Список литературы

1. Крылова Е.Н. Основные направления деятельности Главного управления по делам печати в 1901 г. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина: науч. журн. – 2014. – № 1. – Т. 4. История. – С. 169–177.

2. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: справ. изд. – СПб., 2011.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 8. Д. 1314.

4. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1317.

5. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1320.

6. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1396.

7. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1676.

8. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1677.

9. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1678.

10. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1680.

11. Сони́на Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX в. – СПб., 2004.

12. Устав о цензуре и печати с позднейшими установлениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. сената и административными распоряжениями. – СПб., 1900.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(47)«199»

Я.С. Петрова

Российско-польские отношения в 90-е годы XX века

В статье рассматриваются основные тенденции и проблемы развития межгосударственных отношений России и Польши в годы президентства Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.). Анализируется нормативно-правовая база двустороннего сотрудничества. Проводится сравнительное исследование подходов министров иностранных дел России А.В. Козырева и Е.М. Примакова к российско-польским отношениям.

This article presents the main tendencies and development problems of state-to-state relations between Russia and Poland during the presidency of Boris Yeltsin (1991–1999). The author analyses the legislative and regulatory framework of bilateral cooperation, and conducts comparative research of Russian ministers of foreign affairs Andrey Kozyrev and Yevgeny Primakov approaches to their strategy for the Russian-Polish relations.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Польша, российско-польские отношения, внешняя политика, вступление Польши в НАТО, Калининград, газопровод «Ямал-Европа».

Key words: The Russian Federation, The Republic of Poland, Russian-Polish relations, foreign policy, Polish accession to NATO membership, Kaliningrad, gas pipeline «Yamal-Europe».

Исторические судьбы российского и польского народов были тесно связаны на протяжении последних веков. Россия играла значимую роль в польской истории и де факто определяла ее дальнейшее развитие. Поэтому исторически сложилось так, что отношения между двумя государствами были, и по сей день остаются, весьма напряженными.

Современный этап российско-польских отношений начался с визита в Москву в мае 1992 г. президента Польши Л. Валенсы, в ходе которого между Российской Федерацией и Республикой Польша был подписан Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве [5]. Это произошло в условиях новой геополитической реальности, вызванной распадом Советского Союза в конце 1991 г., а также ликвидацией Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи.

Социально-экономические и политические преобразования в обеих странах, формирование нового международного порядка, заставившие Россию и Польшу по-новому оценивать их международные позиции и перспективы взаимоотношений, а также историческое наследие, стали первопричиной перемен, в том числе сложностей и конфликтов в российско-польских отношениях.

Россия и Польша перестали быть соседями в геополитическом плане. Они пространственно отделились друг о друга. Их разделяют новые независимые государства – Белоруссия и Украина. Вместе с тем Россия и Польша имеют общую границу в районе Калининградской области.

Распад СССР привел к тому, что Россия оказалась в новой, неблагоприятной для нее геополитической и экономической ситуации, а переход от плановой экономики к рыночной привел страну к сильнейшему экономическому кризису. Международный вес и статус России резко снизились и ослабли. Встал вопрос о новом самоопределении России в Европе и мире. Польша же достаточно быстро самоопределилась как составная часть Запада, переориентировавшись на него в военно-политическом и экономическом отношении. Таким образом, произошла перестройка геополитических интересов двух стран.

Политика Польши была направлена на скорейшее вступление в евроатлантические структуры и тесные отношения с западными странами. В отношении России со стороны Польши всячески фокусировалось внимание на тяжёлом историческом наследии.

Обе стороны вначале полагали, что стратегические интересы обеих стран не будут противоречивыми, а их реализация будет способствовать развитию сотрудничества. Б.Н. Ельцин заявил, что новая политика основывается на принципах уважения суверенитета, невмешательства, равноправия, партнерства, взаимного учета коренных интересов. Россия декларировала искреннее стремление к «историческому прорыву», «новой эпохе», «новому летоисчислению» в отношениях с Польшей [10, с. 21–26].

В тот период основную роль в процессах определения внешнеполитической линии России играли министры иностранных дел А.В. Козырев (1990–96) и Е.М. Примаков (1996–98). Сравнительное исследование их подходов к российско-польским отношениям позволяет на конкретно-историческом материале выявить основные тенденции российской внешней политики 1990-х гг., что важно для формирования всесторонней картины внешней политики России периода президентства Б.Н. Ельцина (1991–99) и для развития российско-польских отношений на современном этапе.

А.В. Козырев целью российской политики в отношении Польши и некоторых стран Центральной Европы определил сохранение уже

существующей инфраструктуры взаимных отношений при одновременном изменении основ, на которые эти отношения опирались. Он заявил, что отношения должны носить «демократический характер, исключая какой-либо диктат или неравенство» [19]. Вместе с тем А.В. Козырев выступал против участия этих стран в НАТО.

Основным моментом, определяющим российско-польские отношения 1992–1993 гг., стал вопрос вывода российских вооружённых сил с польской территории. Несмотря на возникавшие трудности в связи с внутривосточными проблемами в обеих странах, российская сторона обеспечила выполнение своих обязательств. Принципиально важным для Польши было то, что Россия согласилась вывести войска без предъявления каких-либо дополнительных требований, ограничивающих польский суверенитет на международной арене [2]. В целом, по российским данным, из Польши были выведены около 46 тыс. военнослужащих, 685 танков, 965 бронированных машин, 440 орудий и минометов калибра свыше 120 мм, 300 самолетов, 134 вертолета [1].

Также значимыми событиями и достижениями данного периода стал перевод торгово-экономических отношений на рыночную основу, раскрытие и публикация документов о катынской трагедии, доступ польской стороны к российским архивам.

В этот период начинает развиваться межрегиональное сотрудничество. Так, в мае 1992 г. заключается Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Польша «О сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и северо-восточных воеводств Республики Польша» [12]. В октябре 1992 г. между правительством Российской Федерации и правительством Республики Польша было подписано «Соглашение о сотрудничестве региона Санкт-Петербурга и регионов Республики Польша» [13].

В августе 1993 г. состоялся визит Б.Н. Ельцина в Варшаву, в ходе которого Л. Валенса смог убедить Б.Н. Ельцина в том, что Польша вправе самостоятельно решать вопрос о своем вступлении в НАТО. Однако позже МИД РФ опроверг это заявление и смягчил формулировку. В Совместной российско-польской декларации было записано: «Президенты затронули вопрос о намерении Польши вступить в НАТО. Президент Л. Валенса изложил известную позицию Польши на этот счет, что было воспринято президентом Б. Ельциным. В перспективе такое решение суверенной Польши, направленное на общеевропейскую интеграцию, не противоречит интересам других государств, в том числе интересам России» [11, с. 15–16].

Во время визита президенту Польши были вручены копии документов о катынской трагедии, «в атмосфере взаимопонимания и

доброй воли были выяснены обстоятельства катынского преступления» [14, с. 14]. Президент России, стоя у Катынского креста в Варшаве, негромко произнес: «Простите, если можете» [8, с. 5Б].

В рамках визита были подписаны следующие документы:

- соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования [15];

- договор о торговле и экономическом сотрудничестве [6], в котором говорится о взаимном предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле (для участников внешнеторгового обмена со всеми формами собственности), развитии кооперации в области производства, взаимных инвестициях, создании совместных предприятий со смешанным капиталом.

- соглашение о создании системы газопроводов для транзита российского газа через польскую территорию и о поставках газа в Польшу [16]. Соглашение о строительстве польского участка газопровода «Ямал-Европа» премьер-министр Польши Х. Сухоцкая окрестила «контрактом века». Оно имело важный внешнеполитический аспект, так как на тот момент 100 % транзита российского газа в Европу осуществлялось через украинскую территорию.

Визит Б.Н. Ельцина в Польшу завершает создание правовой базы российско-польских отношений на новых основах. Итого в ходе поездки Л. Валенсы в Москву и Б.Н. Ельцина в Варшаву в общей сложности было подписано около 20 различных документов, регулирующих практически все стороны отношений.

После того, как в 1993 г. президент Польши Л. Валенса (1990–95) добился принципиального согласия на вступление своей страны в НАТО, российская дипломатия стала критически оценивать перспективы расширения альянса на Восток. Основным аргументом А.В. Козырева было то, что НАТО пока не сумело адаптироваться к новой геополитической реальности и продолжает действовать по логике холодной войны. При этом, Россия не проявляла должного интереса к европейской интеграции Польши: сближению Брюсселя и Варшавы.

Варшава с 1 января 1994 г. начинает последовательно реализовывать Европейское соглашение, предусматривавшее ассоциацию Польши с Европейскими сообществами. Курс на вступление в ЕС был подтвержден Национальной стратегией интеграции 1996 г.

Начиная с этого момента, Польша стала выстраивать отношения с Россией исходя из приоритетности взаимодействия со странами – членами НАТО и ЕС, таким образом, отодвигая российско-польское сотрудничество на второй план. Это сильно ударило по внешнеэкономическим связям. «Любые инициативы и действия в отношении России, как правило, согласовывались с НАТО, США и ЕС» [3, с. 25].

По инициативе польской стороны с целью преодоления недоверия России по отношению к польским планам начались переговоры о развитии военно-технического сотрудничества. Однако большинство договоренностей так и остались на бумаге.

Ухудшению отношений способствовали различные политические демонстрации обеих сторон: отсутствие польского президента на праздновании в Москве 50-й годовщины победы над фашистской Германией, отмена визитов Б.Н. Ельцина на празднование 50-летия Варшавского восстания и 50-й годовщины освобождения нацистского лагеря уничтожения в Освенциме, а также его отсутствие на церемонии закладки первого камня в фундамент памятника расстрелянным польским военнопленным в Катыни.

С приходом к власти президента А. Квасьневского (1995–2005) в конце 1995 г. началась тенденция к некоторому оживлению двусторонних отношений.

Приближающиеся президентские выборы и непопулярность А.В. Козырева привели к тому, что Б.Н. Ельцин был вынужден отправить его в отставку, несмотря на то что он много лет был членом ельцинской команды. Сменивший на посту А.В. Козырева и сыскавший репутацию критика концепции однополярного мира Е.М. Примаков обозначил новый этап российской внешней политики. В марте 1996 г. он совершил первый за восемь лет официальный визит в Польшу, продемонстрировав тем самым своё внимание к диалогу с Варшавой. В ходе переговоров Москва вновь выразила своё принципиальное несогласие с перспективой вступления Польши в НАТО. При этом Е.М. Примаков позитивно высказывался о возможностях укрепления европейских структур и включения в них новых членов, в том числе Польши.

В апреле 1996 г. состоялся первый официальный визит президента Республики Польша А. Квасьневского в Россию, в рамках которого он посетил Иркутск и Нижний Новгород.

Несмотря на то что именно в этот период Польша стала членом альянса, Е.М. Примаков продолжил налаживание конструктивного диалога с польской стороной, основываясь на принципах новой политической реальности. Высоко оценивая перспективы развития двусторонних гуманитарных и экономических контактов, Е.М. Примаков стал одним из инициаторов заключения Соглашения о молодёжном сотрудничестве [17], способствовал интенсификации экономических отношений Калининградской области с Польшей.

Польское руководство пыталось отделить болезненный вопрос безопасности от внешнеэкономических отношений. Благодаря усилиям левого правительства В. Чимошевского в этот период характерен рост польского экспорта в Россию и положительная динамика взаимного товарооборота в целом. Однако существенным негативным фактором того периода стало блокирование возможности от-

крытия филиалов российских банков в Польше и доступа их на польскую биржу ценных бумаг.

В ответ на эти действия с российской стороны начались попытки активизации отношений, в частности Россия предложила создать зону свободной торговли и ввести безвизовый режим. Но это предложение было отвергнуто, также осталась нереализованной Комплексная программа развития российско-польских отношений 1996 г.

Во второй половине 90-х гг. в российско-польских отношениях была закрыта долговая проблема, которая осталась в наследство от СССР и ПНР. Россия погасила задолженность поставками спецтехники [4, с. 70].

В 1996 г. между Россией и Польшей возник конфликт в связи с российским предложением создать транспортный коридор Гродно – Калининград («сувалкский коридор») как альтернативу литовскому маршруту. Превращение Калининградской области в эксклав поставило перед российскими властями проблему связи области с исторической Россией. Местные польские власти дали согласие на строительство «сувалкского коридора», однако центральные власти Варшавы наложили вето на это соглашение, считая, что такой коридор является нарушением суверенитета страны.

Российско-польские отношения резко ухудшились в связи с приходом к власти в сентябре 1997 г. коалиционного правого правительства во главе с Е. Бузеком. Дефолт 1998 г. был неверно оценен министром финансов Л. Бальцеровичем как «вползание» российской экономики в затяжной кризис, который может иметь самые серьезные последствия для польской экономики [4, с. 72]. Польским экспортерам было рекомендовано минимизировать сотрудничество с Россией. Также с польской стороны был ужесточен пограничный контроль в отношении россиян, посещающих Польшу.

В связи с приближающимся вступлением Польши в НАТО Варшава стала открыто проводить политику антагонизации взаимных отношений при помощи различного рода недружеских заявлений и действий, демонстрируя идеологически-политический подход к экономическим отношениям с Россией.

О снижении роли и места Польши в российской внешней политике свидетельствовал тот факт, что в течение восьми лет (1994–2001) не было ни одного официального визита Президента России в Польшу и шести лет – премьер-министра.

А. Квасьневский в июне 1998 г. с неофициальным визитом посетил Москву, в ходе которого в том числе встретился с президентом России. Во время беседы А. Квасьневский заявил, что «мы соседи – на всю жизнь» [9], но не в ущерб отношениям с Западом. Он подчеркнул, что дискуссия на тему членства Польши в НАТО должна быть закрыта, так как это уже необратимый факт. Вместе с тем «президенты остались на своих позициях» по данному вопросу [9].

Вопрос расширения НАТО по-прежнему разделял Варшаву и Москву, но уже не так сильно влиял на взаимные отношения, особенно после того как Россия, поставленная перед фактом неизбежности этого процесса, приступила в начале 1997 г. к переговорам с Североатлантическим альянсом, которые завершились в мае подписанием соглашения Россия-НАТО [7, с. 243–245].

В этот же период Е.М. Примаков выступает сторонником ведения диалога между Россией и Польшей в рамках ОБСЕ, где польской стороне предстояло председательствовать в 1998 г. В этой связи можно говорить и об определённом сотрудничестве между Польшей и Россией на белорусском направлении – именно в 1998 г. было открыто официальное представительство ОБСЕ в Минске, чему в т. ч. способствовали совместные усилия Москвы и Варшавы. Глава российского МИД сумел выстроить рабочие отношения со своим польским коллегой Б. Геремеком (1997–2000), которого стремился привлечь к решению проблемы Косово совместно с Россией, создавая, таким образом, позитивную повестку в переговорах Москвы и Варшавы. Югославский кризис и внутривнутриполитическая ситуация в России привели к тому, что Е.М. Примаков не смог реализовать все свои инициативы в отношении Польши, а в сентябре 1998 г. покинул пост главы МИД и возглавил правительство России.

Сравнивая место Польши во внешнеполитических подходах А.В. Козырева и Е.М. Примакова, следует отметить, что для обоих министров российско-польские отношения никогда, разумеется, не стояли на первом месте. Однако если для А.В. Козырева диалог с Варшавой был важен в первую очередь в более широком контексте отношений России с США и с Западом в целом, то для Е.М. Примакова польское направление имело самостоятельную ценность и было одним из элементов многовариантности российской дипломатии, её стремления строить многополярный мир [2].

Вступление Польши в Североатлантический альянс было воспринято польским общественным мнением как поражение России, поскольку ей не удалось, несмотря на все попытки, воспрепятствовать изменению геополитического положения Польши [4, с. 75]. Польша, таким образом, реализовала свои стратегические цели.

Оптимистические прогнозы о том, что вступление Польши в НАТО приведет к улучшению российско-польских отношений, не оправдались. Польская сторона продолжала политику антагонизации России. В феврале-марте 1999 г. возник скандал в связи с тем, что польские власти отказали 15 российским бизнесменам в получении временного вида на жительство в связи с тем, что они угрожают национальной безопасности Польши. Россия в ответ на этот шаг предупредила о возможной высылке некоторых крупных польских предпринимателей, работающих в России.

В январе 2000 г. МИД Польши потребовал высылки девяти российских дипломатов, обвинив их в проведении на территории Польши разведывательной деятельности. МИД России расценил эту акцию польских властей как беспрецедентный шаг [18]. В ответ на этот недружественный акт Москва приняла решение выслать девять сотрудников польского посольства.

Тогда же группа поляков ворвалась на территорию Генерального консульства России в Познани, сорвала и растоптала российский флаг и оставила антироссийские надписи на здании консульства. Польская полиция присутствовала, но бездействовала. В тот же день подобные демонстрации были организованы в Гданьске, Кракове и Варшаве.

Инцидент привел к взрыву антипольских настроений в России. Несмотря на извинения польских властей, никто наказан не был. Это привело к очередному обострению российско-польских отношений, впоследствии чего был отменен запланированный визит в Польшу министра иностранных дел России И. Иванова, российский посол был отозван на консультации в Москву.

В результате эти негативные события помешали формированию по-настоящему добрососедских, партнерских связей.

Подводя итоги, следует отметить, что в 90-е гг. XX в. впервые за 300 лет была открыта новая страница отношений демократических независимых государств – России и Польши. Годы президентства Б.Н. Ельцина стали весьма непростым этапом в истории развития двусторонних связей. Среди достижений российско-польского взаимодействия рассматриваемого периода следует назвать определение сторонами взаимных интересов в различных областях сотрудничества, создание нормативно-правовой базы межгосударственных отношений, регулирующих практически все сферы взаимодействия.

Оценивая российско-польские отношения в 90-е гг., можно констатировать, что обе страны оказались в схожем переходном положении. С одной стороны, это их сблизило, а с другой – еще больше отдалило. Свою роль в этом сыграло то, что происходившие в России и Польше перемены ощущались по-разному и, не смотря на их общее сходство, все-таки не были идентичными. Прежде всего, расходились внешнеполитические цели двух стран.

Список литературы

1. Баранец В.Н. Генштаб без тайн. – URL: militaria.lib.ru (дата обращения: 12.03.2015).
2. Бруневич Д.С. Становление и развитие российско-польских отношений в 1990-е гг.: от идеализма Козырева к Realpolitik Примакова // Мир и политика. – 2012. – 17 окт. – URL: <http://mir-politika.ru/1620-stanovlenie-i-razvitie-rossiysko-polskih-otnosheniy-v-1990-e-gg-ot-idealizma-ozyreva-k-realpolitik-primakova.html> (дата обращения: 12.03.2015).

3. Бухарин Н.И. Россия–Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX в. – первое десятилетие XXI века. – СПб., 2013.
4. Бухарин Н.И. Российско-польские отношения: 90-е годы XX в. – начало XXI в. – М., 2007.
5. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве от 22.05.1992 г. // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=19229> (дата обращения: 12.03.2015).
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о торговле и экономическом сотрудничестве от 25.08.1993 г. // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=19122> (дата обращения: 12.03.2015).
7. Менкишак М. Польская политика в отношении России в 1989–2002 гг. // Центрально-Европейский ежегодник 2003. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. – М., 2003.
8. Московские новости. – 1994. – 10–14 апр. – №15.
9. Российская газета. – 1998. – 30 июня.
10. Россия-Польша. Визит Л. Валенсы в Россию // Дипломатический вестник. – 1992. – № 12.
11. Россия-Польша. Визит Б.Н. Ельцина в Польшу // Дипломатический вестн. – 1993. – № 17–18.
12. Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша «О сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и северо-восточных воеводств Республики Польша» от 22.05.1992 г. // Консультант Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124416/ (дата обращения: 12.03.2015).
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве региона Санкт-Петербурга и регионов Республики Польша от 22.10.1992 г. // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=19680> (дата обращения: 12.03.2015).
14. Совместная российско-польская декларация. Варшава, 25 авг. 1993 г. // Дипломатический вестн. – 1993. – № 17–18.
15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 25.08.1993 г. // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=23116> (дата обращения: 12.03.2015).
16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о создании системы газопроводов для транзита российского газа через территорию Республики Польша и поставках российского газа в Республику Польша от 25.08.1993 г. // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=19238> (дата обращения: 12.03.2015).
17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о молодежном сотрудничестве от 09.04.1996 г. // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=19611> (дата обращения: 12.03.2015).
18. Сообщение на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: <http://mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e432569e60030a534!OpenDocument> (дата обращения: 12.03.2015).
19. Polytika. – 1993. – № 36.

Д.Н. Щербаков

Варианты периодизации российско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере после распада СССР

В статье исследуются варианты периодизации энергетического сотрудничества Китая и Российской Федерации. Понимание сущности данной периодизации является важным для определения перспектив российско-китайского энергетического сотрудничества.

На данный момент в российской и зарубежной историографической литературе нет единого подхода к периодизации нефтегазового сотрудничества России и Китая. Задачей автора данной статьи являются анализ плюсов и минусов имеющихся периодизаций и попытка выработки новой взвешенной периодизации сотрудничества с начала 90-х по настоящее время.

The article investigates different approaches to energy cooperation periodization between China and Russia. Understanding the essence of this periodization is important to determine the prospects for Sino-Russian energy cooperation.

At this point in the Russian and foreign historiographical literature there is no single approach to periodization of the oil and gas cooperation between Russia and China. The author's objective is to analyze existing approaches to periodization and try to come out with a new well-grounded periodization.

Ключевые слова: энергетический рынок, газ, нефть, сотрудничество, этапы, периодизация, российско-китайские отношения.

Key words: energy market, gas, oil, cooperation, stages, periodization, Russia-China relations.

На данный момент в российской и зарубежной исторической литературе нет единого подхода к периодизации нефтегазового сотрудничества России и Китая, хотя это важный вопрос для прогнозирования и реализации дальнейшего сотрудничества между странами.

Так, О.А. Тимофеев рассматривает периодизацию российско-китайского энергетического сотрудничества, начиная с 2001 г. По его мнению, началом активного сотрудничества в энергетической сфере следует считать именно этот год, когда состоялось подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и была создана ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) [9]. Данный этап сотрудничества продлился до 2008 г. и характеризуется формированием институциональной и экономической базы для дальнейшего развития сотрудничества.

В 2008 г. после окончания демаркационных работ была окончательно определена линия российско-китайской границы, что устранило важнейший фактор, в перспективе способный привести к обострению отношений. Также в 2008 г. объем двусторонней торговли впервые преодолел планку в 50 млрд долл. Россия стала превращаться в одного из наиболее перспективных партнеров Пекина в сфере нефтегазового сотрудничества. Была подписана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. [9].

Следующий этап энергетического сотрудничества, по мнению О.А. Тимофеева, начался в 2009 г. и продолжался до 2014 г. В этот период энергетическое сотрудничество России и Китая активизировалось. В 2009 г. в Екатеринбурге состоялся пилотный саммит БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), способный после вступления России в ВТО стать мощным фактором защиты интересов развивающихся стран в разработке справедливых условий мировой торговли. Кроме того, в 2009 г. было подписано Межправительственное соглашение между Россией и Китаем о сотрудничестве в нефтяной сфере.

В 2010 г. по предложению Китая российско-китайские отношения были охарактеризованы с помощью новой формулы – всестороннее стратегическое партнерство, что стало итогом анализа новых тенденций в двусторонних отношениях [5]. В 2011 г. была подписана «Сианьская инициатива», давшая старт Энергетическому клубу ШОС.

Новый председатель КНР Си Цзиньпин в ходе состоявшегося в марте 2013 г. визита охарактеризовал двусторонние отношения как наиболее важное стратегическое партнерство. Си Цзиньпин предлагал рассматривать взаимодействие с Россией в качестве образцовых отношений подобного типа.

В российском альтернативе Совместного заявления 2013 г. появляется термин «всеобъемлющее партнерство» как вариант перевода китайского термина «全面» [9]. Данная формула зиждется на трех равноценных составляющих: политическом партнерстве, экономическом взаимодействии и гуманитарных связях.

В 2014 г. после долгих переговоров был подписан контракт на поставку газа Китаю, знаменуя начало нового этапа энергетического сотрудничества, который продолжается по сей день и продлится как минимум до 2018 г. Очевидно, что стабильное и поступательное развитие стратегического партнерства с северным соседом имеет для Пекина крайне важное значение и с точки зрения реализации ресурсов так называемой «мягкой силы» (软实力) [9], которым руководство КНР уделяет в последние годы столь пристальное внимание.

Н.С. Осинцева рассматривает периодизацию российско-китайского энергетического сотрудничества, начиная с 1992 г. по 1999 г. При этом содержание этапов сотрудничества, по мнению Н.С. Осинцевой, коррелирует с развитием политических отношений России и Китая.

Первым этапом сотрудничества автор называет конструктивное партнерство 1992–1994 гг. На данном этапе российский лидер Б.Н. Ельцин впервые посетил Китай в декабре 1992 г., дальнейшие переговоры российского президента Б.Н. Ельцина и председателя КНР Цзян Цзэминя привели к подписанию ряда соглашений, провозглашавших решимость двух стран развивать отношения конструктивного партнерства, ориентированные на XXI в. [4]. Таким образом, этап конструктивного партнерства можно считать подготовительным к реализации энергетического сотрудничества.

Следующий этап российско-китайских отношений, по мнению Н. Осинцевой, – стратегическое сотрудничество (1995–1996). В ходе визитов глав КНР и РФ друг к другу лидеры стран договорились о проведении ежегодных встреч в верхах, регулярных встречах премьеров и постоянных консультациях на уровне министров иностранных дел. Таким образом, на данном этапе была сформирована нормативно-правовая база и внедрен механизм обмена на высшем и высоком уровне, необходимые для осуществления сотрудничества в энергетической сфере.

С 1997 по 1999 гг. российско-китайские отношения вышли на уровень углубленного, расширенного стратегического взаимодействия на практике. В указанный период на высшем уровне состоялись четыре встречи глав государств России и Китая. Лидеры России и Китая заявили о необходимости построения многополярной политической системы на основе долговременных, равноправных и доверительных межгосударственных отношений между странами. Следующей крупной вехой в укреплении российско-китайского политического диалога стал визит в ноябре 1997 г. российского президента Б.Н. Ельцина в Китай [4]. В ходе визита главы государств договорились, что обе страны будут всеми силами содействовать развитию и подъему на новый уровень отношений стратегического взаимодействия, обращенных в XXI в. Так, с 1997 по 1999 гг. премьеры двух стран провели четыре встречи. Из чего следует, что российско-китайское политическое сотрудничество приобретает системный и долговременный характер.

Ж.В. Петрунина, обращаясь к периодизации российско-китайского нефтегазового сотрудничества, ограничивается рамками 2006–2014 гг. При этом периодизация автора строится на реализации практических шагов со стороны предприятий нефтегазового сектора.

Итак, по мнению Ж.В. Петруниной, российско-китайское сотрудничество в нефтяной области началось с торговли нефтью и нефтяным инженерно-техническим обслуживанием, а также с разведки и разработки нефтяных месторождений и др. К этому с российской стороны были привлечены такие крупные компании, как «НК «Роснефть», «АК «Транснефть», ОАО «ЛУКОЙЛ». В октябре 2006 г. ОАО «НК «Роснефть» и China National Petroleum Corporation (CNPC) учредили на территории РФ совместное предприятие по разведке и добыче углеводородов – ООО «Восток-Энерджи» (ОАО «НК «Роснефть» – 51 %, CNPC – 49 %) [6]. В 2006–2007 гг. ОАО «НК «Роснефть» и CNPC создали и зарегистрировали на территории КНР в сфере нефтепереработки АО «Китайско-Российская Восточная Нефтехимическая компания» («Восток-Нефтехимия»). Целью создания этого совместного предприятия являлось строительство нефтеперерабатывающих мощностей и реализация продуктов нефтепереработки на новых рынках.

2008–2009 гг. – очередной этап российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере. Сотрудничество между Россией и Китаем в нефтяной сфере постепенно вышло на новый уровень, что вылилось в подписание Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве в нефтяной сфере (2008) и Соглашения о принципах строительства и эксплуатации нефтепровода «Сковородино – граница КНР» между ОАО «АК «Транснефть» и КННК (2008) [6].

Реализация этих соглашений позволила заключить в Пекине Межправительственное соглашение между Россией и Китаем о сотрудничестве в нефтяной сфере (2009 г.). Данное соглашение формализовало условия и параметры строительства нефтепровода от нефтеперерабатывающей станции «Сковородино» до нефтеперерабатывающей станции «Мохэ» в Китае. В соответствии с договоренностями российская компания «Транснефть» приступила к строительству объектов нефтепровода «Сковородино – граница КНР» на российской территории с апреля 2009 г. В мае 2009 г. компания начала строительство линейной части магистрального нефтепровода «Сковородино – Дацин» на территории КНР.

Следующий этап нефтегазового сотрудничества, как полагает Ж.В. Петрунина, начался в 2010 г. и продолжался до 2012 г. В мае 2010 г. было закончено бурение разведывательной скважины Блок-1 на Западно-Чонском участке. В сентябре 2010 г. ОАО «ЛУКОЙЛ» и CNPC подписали Соглашение о расширении стратегического сотрудничества. В соответствии с ним компании обозначили намерения развивать сотрудничество по действующим проектам «Кумколь», «Северные Бузачи» (Казахстан) и «Арал» (Узбекистан), а также по перспективным апстрим-проектам в России, Китае и третьих странах [6].

В августе 2010 г. на станции «Сковородино» в Амурской области состоялась церемония завершения строительства российского участка нефтепровода «Сковородино – Мохэ» – «Сковородино – граница КНР» и начала его заполнения технологической нефтью. С 1 января 2011 г. начались постоянные поставки нефти по российско-китайскому трубопроводу. Благодаря введению в эксплуатацию нефтепровода Россия-Китай значительно увеличился объем экспорта нефти из России в Китай при снижении себестоимости ее перевозки. При этом между сторонами возникли проблемы, связанные с оплатой за поставляемую нефть [6]. В ходе визита российской делегации в Пекин в октябре 2011 г. сторонам удалось урегулировать многие вопросы, связанные с поставками нефти. Однако уже в феврале 2012 г. глава Китайской нефтегазовой компании PetroChina (дочерняя компания CNPC) Цзян Цземинь заявил, что стороны по-прежнему имеют разногласия по ценам.

А.В. Лукин рассматривает периодизацию российско-китайского энергетического сотрудничества, начиная с 1991 г. По его мнению, период с 1991 по 2000 г. можно условно разделить на три этапа. На протяжении первого этапа, с 1991 по 1993 гг., Россия и Китай рассматривали друг друга в качестве дружественных стран. На втором этапе, с 1994 по 1995 г., между Россией и Китаем складываются отношениями конструктивного партнерства. Третий этап, с 1996 по 2000 год, характеризуется установлением отношений стратегического партнерства [8].

В апреле 1996 года в ходе визита президента РФ Б. Ельцина в КНР была подписана «Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики», в которой установились отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. С момента установления между РФ и КНР в 1996 г. отношений стратегического партнерства повысился уровень доверия в политической области и практического сотрудничества между двумя странами. Развитие российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия является приоритетным направлением внешней политики двух стран [8].

Следующий период российско-китайского сотрудничества, в том числе и в энергетической сфере, начинается в 2000 г. и продолжается до 2011 г. [5]. По приглашению президента России В.В. Путина бывший председатель КНР Цзян Цзэминь 15–18 июля 2001 г. посетил Россию с официальным визитом. Руководители двух стран подписали «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», который создал дополнительные возможности для дальнейшего укреп-

ления отношений между двумя странами путем наполнения их новым содержанием и выведения на качественно новый уровень.

«Московское совместное заявление глав государств России и Китая» от 16 июля 2001 г. заложило прочную базу для развития российско-китайских отношений в энергетической сфере, а также способствовало их выходу на качественно новый уровень.

15 июня 2001 г. в Шанхае состоялась встреча глав России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, на которой было провозглашено создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Ранее Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан вошли в состав «Шанхайской пятерки». Впоследствии к ним присоединился и Узбекистан [8]. Главы шести государств подписали «Декларацию о создании ШОС».

В «Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики», принятой в мае 2003 г. отмечалось, что «углубление отношений добрососедства, дружбы, взаимовыгодного сотрудничества, партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем будет оставаться приоритетным стратегическим направлением внешней политики двух стран» [8].

Кроме того, в июле 2005 г. в Кремле президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию России и Китая «О международном порядке в XXI веке». Россия и Китай пришли к широкому консенсусу в отношении наиболее значимых вопросов российско-китайских отношений.

В 2010 г. главы двух стран опубликовали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия». В этом документе главы государств дали высокую оценку значительному прогрессу, достигнутому за последние годы во всех сферах сотрудничества [5].

17 июля 2011 г. председатель КНР Ху Цзиньтао и президент России Д.А. Медведев опубликовали «Совместное заявление в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ». Договор не только является итогом развития отношений двух стран за 10 лет, но и указывает пути дальнейшего сотрудничества. Таким образом, в период между 2001 и 2011 гг. отношения стратегического партнерства подтверждались неоднократно.

Кеди Хань рассматривает периодизацию российско-китайских отношений в энергетической сфере, определяя их развитие в соответствии с развитием торгово-экономических взаимоотношений России и Китая.

С 1992 г. по настоящее время экономические отношения между Россией и КНР быстро развивались. Этот период можно условно разделить на три этапа. На протяжении первого этапа (1992–1993)

обе стороны прилагали усилия для развития двусторонних экономических отношений. В 1992 г. объем товарооборота составил 5,8 млрд долл. США и увеличился на 50 % по сравнению с 1991 г. В 1993 г. объем товарооборота достиг 7,6 млрд долл. США и повысился на 31 % по сравнению с 1992 г. [10].

На втором этапе (1994–1999) из-за реформы экономического механизма двух стран развитие экономических отношений проходило медленно. В 1994 г. началось снижение объема товарооборота между Россией и Китаем, продолжавшееся до 1999 г., несмотря на некоторый рост с 5,4 млрд долл. США в 1995 г. до 6,1 млрд долл. США в 1997 г. [10].

На третьем этапе, с 2000 г. по настоящее время, экономические отношения между Россией и КНР быстро развиваются. Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2000 года предусмотрено развитие сотрудничества в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной и других областях, которое содействует развитию экономических отношений и межрегионального и приграничного сотрудничества двух стран.

Кроме этого, ряд соглашений, также ставших важной основой для развития торгово-экономического сотрудничества, был подписан в ходе регулярных встреч глав правительств двух стран. На встрече премьеров двух стран в сентябре 2001 г. в Санкт-Петербурге был достигнут консенсус по углублению торгово-экономического сотрудничества, подписано семь экономических соглашений, которые дали новый импульс экономическому сотрудничеству на длительную перспективу [10]. В 2002 г. на седьмой регулярной встрече премьеров двух стран были подписаны соглашения, которые способствовали упрощению процесса оплаты в торговых операциях приграничных районов и развитию кредитно-финансового обслуживания.

В 2006 г. в ходе одиннадцатой регулярной встречи глав правительств были подписаны три соглашения и протокол в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Кроме того, были подписаны соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, соглашение о режиме государственной границы и протокол о расширении географических рамок приграничных территорий в Китае.

22 марта 2006 г. в Пекине состоялся первый Российско-Китайский экономический форум, который стал одним из наиболее масштабных мероприятий Национального года двух стран, одной из платформ развития экономических отношений [10]. В 2007 г. в рамках закрытия Года Китая в России состоялся второй Российско-Китайский экономический форум.

«План российско-китайского инвестиционного сотрудничества», одобренный в ходе визита в Москву председателя КНР в 2009 г., является важной основой для дальнейшего развития инвестиционного сотрудничества между двумя странами.

10 октября 2011 г. в Пекине открылся шестой Российско-Китайский экономический форум, на котором предприятия двух стран подписали шесть торгово-экономических совместных проектов на общую сумму более 7 млрд долл. США [10].

Очевидно, что экономические отношения между двумя странами в последние 14 лет динамично развиваются, и вместе с ними развивается сотрудничество в энергетической сфере.

Из всех проанализированных материалов наиболее обоснованными представляются варианты периодизации О.А. Тимофеева и Ж.В. Петруниной – в силу того, что говорить о «сотрудничестве» в 90-е гг. недостаточно корректно ввиду отсутствия практических шагов взаимодействия.

Представляется, что первым этапом российско-китайских энергетических взаимоотношений является период с начала 90-х до 2006 г. – в это время происходило формирование предпосылок для сотрудничества в нефтегазовой сфере. Сторонами были задекларированы намерения о сотрудничестве, сформировались нормативно-правовая база и регламент сотрудничества.

Второй этап сотрудничества – 2006–2009 гг. характеризуется появлением реальных проектов в нефтяной сфере (Восток-Энерджи, Восток-Нефтехимия). В 2007 г. было подписано соглашение между российской Роснефтью и китайской нефтехимической корпорацией Синорес по совместной разработке Венинского блока в рамках проекта Сахалин-3, т. е. появление совместных российско-китайских нефтегазовых проектов на российском шельфе.

Третий этап сотрудничества: 2009–2014 гг. Это период развития поставок нефти из РФ в Китай. Также в 2009 г. произошло подписание Межправительственного соглашения и начало строительства трубопровода в Китай.

Четвертый этап сотрудничества начался в 2014 г. подписанием «Газового контракта» – соглашения о поставках газа в Китай. Данный этап на сегодняшний день характеризуется активизацией поставок газа в Китай и реализацией совместных инфраструктурных проектов.

В дальнейшем следует ожидать интенсификации двустороннего сотрудничества в энергетической сфере, возможно расширение областей двустороннего сотрудничества за счет появления совместных проектов в области «апстрима» на территории Китая и проектов на территории третьих стран.

Также необходимо отметить, что заключенный в 2014 г. контракт на поставки газа открывает новые возможности по сотрудничеству в таких областях, как нефтехимия и газопереработка.

Список литературы

1. Восточный нефтепровод, ВСТО: экспертный портал. – URL: <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=228>.

2. Карасий Г. Россия-Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – № 2. – С. 36.

3. Нефтепровод работал надежно и без аварий. – URL: <http://primamedia.ru/news/asia/05.01.2012/185917/v-2011-godu-po-truboprovodnoy-sisteme-vsto- v-kitay-prishlo-15-mln-tonn-nefti.html>.

4. Осинцева Н.С. Российско-китайский политический диалог в 90-е гг. XX века // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск-Хэйхэ, 17–18 мая 2012 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск, 2012.

5. Островский А.В. Перспективы торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР в Северо-Восточной Азии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г.). – Благовещенск, 2011.

6. Петрунина Ж. Российско-китайское сотрудничество в нефтяной сфере в XXI веке // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск-Хэйхэ, 17–18 мая 2012 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск, 2012.

7. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. – URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_743/doc743a830x878.htm.

8. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / ред. А.В. Лукин. – М., 2013.

9. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Вестн. Амурск. гос. ун-та. Сер.: гуманитар. науки. – 2014. – № 64. – С. 57–61.

10. Хань Кеди. Китайско-российские отношения стратегического партнерства в рамках треугольника «Китай – Россия – США» // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. – М., 2012.

11. ЭнергодIALOG Россия – Китай. – URL: <http://minenergo.gov.ru/china/oil/>.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.23-25)«1703/1713»

П.В. Крылов

Рецензия на кн.: Базарова Т.А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб.: Гйоль, 2014. – 408 с.

Исследование Т.А. Базаровой, вышедшее в весьма продуктивном в последние годы издательстве, специализирующемся на книгах по истории Невского края, являет собой плод многолетнего изучения одного из самых интересных периодов существования Санкт-Петербурга – первых десятилетий строительства новой крепости, порта и города на Балтийском побережье в царствование Петра I. Несмотря на то что тему возведения Санкт-Петербурга «из тьмы лесов, из топи блат» нельзя назвать малоизученной, тем более, что 300-летний юбилей города, отмеченный в 2003 г. помпезными торжествами, сопровождался массовой публикацией работ по его истории, издание рецензируемой книги представляется своевременным, полезным и актуальным.

Автор, основываясь на архивных документах, в том числе обнаруженных им в Архиве СПбИИ РАН, часть из которых впервые вводится в научный оборот, освещает целый ряд сюжетов в ранней истории Санкт-Петербурга, которые до сих пор остаются вне серьезного внимания заинтересованного читателя. В их числе боевые действия на территории Приневья, оставшиеся в тени сражения у белорусской деревеньки Лесная, Полтавская битва и взятие Нарвы. Всестороннее освещение также получают рейды шведских войск под командованием И.Г. Майделя, Г. Любеккера и И. де Пру в 1704 и 1708 гг., равно как и противодействие им сил Ф.М. Апраксина и Р.В. Брюса. Отдельными сюжетами книги являются взаимоотношения русской армии и населения Невского края, строительство Кроншлота – сложного фортификационного объекта в акватории дельты Невы, а также меры по обеспечению города рабочей силой. Главы, касающиеся писем русских воинов, осаждавших Нарву, организации пожарной охраны в строящейся столице, устройства праздников и триумфальных шествий или судьбы ветряных мельниц, украшавших в первые годы существования Санкт-Петербурга виды стрелки Ва-

сильевского острова, собранные в одном издании, составляют яркую и полнокровную картину российской повседневности начала XVIII в., написанную уверенно и с любовью к делу.

Книга может быть использована для написания работ по истории России и Санкт-Петербурга в начале XVIII в., при разработке учебных курсов и пособий по региональному компоненту отечественной истории (история Санкт-Петербурга и Ленинградской области), её можно рекомендовать специалистам, студентам и всем, кто интересуется историей Санкт-Петербурга. Живой и увлекательный стиль изложения и хороший литературный язык, доступная форма повествования, не идущая в ущерб строгому академическому подходу к интерпретации источников и анализу историографии, будут очевидным образом способствовать успеху книги у читателя.

Необходимые критические замечания только оттеняют положительные впечатления, сформировавшиеся у рецензента в процессе чтения книги.

Главное замечание состоит, пожалуй, в том, что в исследовании Т.А. Базаровой бессмысленно будет искать ответ на вопрос, который, разумеется, имеет более публицистический, нежели научный характер. Тем не менее, регулярность, с каковой он поднимается в общественной дискуссии, на страницах прессы и в разговорах петербуржцев, требует, по мнению рецензента, высказывания авторской позиции известного исследователя-петербурговеда на страницах её книги. Имеется в виду вопрос о «городе, построенном на костях». С одной стороны, автор ссылается на исследование Е.А. Андреевой (с. 49), пришедшей к выводу о довольно низком уровне смертности занятых на строительстве рабочих (максимум 13,25 %). С другой стороны, приведённые Т.А. Базаровой страницей ниже сведения из челобитной старосты карельской деревни свидетельствуют о том, что из 53 отправленных на работу мужчин 26 «померли» (с. 50). Конкретный факт, разумеется, не может служить опровержением статистических выкладок, однако он требует, на наш взгляд, более развёрнутого комментария и сопоставления с иными подобными фактами.

Автор подчёркивает, что тезис о больших количествах жертв среди первостроителей Санкт-Петербурга фигурирует в текстах, оставленных посещавшими петровскую Россию иностранцами. На наш взгляд, было бы продуктивно попытаться выяснить причину и источник подобных представлений. Являются ли они следствием желания опорочить честное имя царя Петра перед Европой? Или же иностранные наблюдатели всего лишь транслировали те слухи о «городе на костях», которые, возможно, ходили среди их русских собеседников. Их примером является блуждавшая в те годы по

Москве молва о двух тысячах раненых и больных солдат, утонувших в Петербурге во время наводнения, упомянутая Т.А. Базаровой (с. 48). Что можно сказать об общественном фоне в самой России вокруг возведения Санкт-Петербурга? Насколько он мог влиять позитивно или негативно на восприятие детища русского царя иностранными авторами? С другой стороны, автору было бы полезно сравнить меры российских властей по обеспечениюстроек работными людьми с мерами европейских монархий того же времени при воплощении в жизнь строительных задач подобного размаха. Впрочем, выводы о том, явился ли образ «города на костях» доморощенным творением соотечественников Петра Великого, проявивших подобным образом их недовольство резкими переменами в их жизни, или же стал плодом зарубежного злопыхательства, автор, как будто, предлагает делать читателям самостоятельно, снабдив их достаточным материалом для размышлений.

Некоторое количество возможных замечаний касаются топонимики. Так на с. 325 Васильевский остров упоминается дважды под разными названиями: Койвусаари и Хирвисаари, тогда как на шведских картах под названием Койвусаари фигурирует Б. Берёзовый (Городовой) остров. Аптекарский остров на той же странице назван «Вороньим» – Корписаари. Тем временем, остаётся неясным, какое финское слово оказалось зафиксировано шведским картографом: «ворон» (korppi) или же «тёмный лес», «глухая чаща» (kopri). К сожалению, автор не поясняет, к какому времени восходит приводимый ею перевод топонима Корписаари. Встречается ли он на русских картах петровского времени или представляет собой перевод, сделанный кем-то из позднейших авторов с целью пояснения русскому читателю финского топонима.

Особенное значение тема перевода приобретает в связи с названием острова, избранного для постройки Петропавловской крепости. В российской историографической традиции утвердилось представление о том, что остров назывался Заячьим – Яниссари. В то же время слово «jäni», может быть переведено не только как «заяц». Янис – также уменьшительная форма от мужского имени Иоанн. И топоним Яниссари, в таком случае, может переводиться как «Иванов остров», «Ивановский остров», «Ванькин остров».

В качестве курьёза хотелось бы отметить, что на с. 69 маркиз де Торси, в полном согласии с Википедией, назван «министром иностранных дел», в то время как во Франции начала XVIII в. такого поста не существовало. Правильнее было бы назвать высокопоставленного дипломата «государственным секретарём по иностранным делам». Одновременно на с. 230 шведский офицер, очевидно, немецкого происхождения назван «Крузенштерной». Представляется более

правильным избрать либо шведский вариант произнесения этой фамилии – «Крусеншерна», либо же немецкий – «Крузенштерн».

Впрочем, данные замечания не умаляют убеждения рецензента в высоком качестве опубликованного научного исследования, которое с момента своего выхода вызвало большой интерес среди всех, кому дорога ранняя история Санкт-Петербурга. Автору же хочется от всей души пожелать дальнейших творческих успехов, новых архивных открытий и новых увлекательных книг.

**Строительство Российской империи
в контексте золотоордынского опыта: рецензия
на диссертационное исследование И.И. Булякова***

В статье проанализирован вклад современного исследователя И.И. Булякова в новейшую историографию проблемы формирования России как империи. Показана роль сделанных Буляковым выводов в решении проблемы использования Россией опыта Золотой Орды в процессе собственного государственного строительства. Обозначены дискуссионные моменты, характерные для исследования.

In the article the contribution of modern researcher I.I. Bulyakov to the newest historiography of a problem of Russia's formation to Empire is analysed. The role of the conclusions drawn by Bulyakov in a solution of the problem of use by Russia of experience of the Golden Horde in the own state creation is shown. The debatable moments, characteristic for research are designated.

Ключевые слова: Российская империя, Башкирия, Золотая Орда, историография.

Key words: Russian Empire, Bashkiria, Golden Horde, historiography.

Длительное время в отечественной исторической науке единственно возможная характеристика региональной системы управления Российской империи была производной от оценки самой империи как «тюрьмы народов». Современная наука в общем и целом преодолела этот подход и предложила совершенно новую исследовательскую парадигму, которая получила название «новой имперской истории» (в России базой развития данного направления являются «Центр исследований национализма и империи» при Казанском университете и международный журнал *Ab Imperio*).

Названное направление далеко от идеализации империй, но не склонно и воспринимать их излишне критически. Сегодня под империей понимается способ управления гетерогенным пространством в условиях модернизирующегося общества, способ преодоления мировой локальности. «Мир-империя» (Ф. Бродель, И. Валлерстайн) предстает эластичной и вариативной системой управления различиями и сложностями [4]. При всей важности вопроса о причинах

© Любичанковский С.В., 2015

* Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении Уфимским уездом (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2011.

краха империй в XX в. изучение имперского способа управления должно дать ответ на не менее важный вопрос: каким образом на протяжении нескольких веков Романовым удавалось обеспечить феноменальную устойчивость такого сложного конгломерата народов и культур, каковым была Российская империя? Исследовательские акценты в настоящее время смещены на выяснение потенциала управленческих технологий, способных эффективно и адекватно реагировать на быстроменяющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру в условиях мультикультурного сообщества.

В итоге в последние годы феномену империи, особенностям организации имперской власти в России, отечественному опыту регионализма в исторической науке уделяется значительное внимание. Становление «новой» российской государственности, процессы развития самоуправленческих начал на уровне отдельных районов единой, но культурно весьма неоднородной страны делают актуальными исследования различных аспектов этой крупной научной проблемы [2; 3; 4; 5]. В исследовании молодого уфимского ученого Ильнура Ильдусовича Булякова, защищенном в качестве кандидатской диссертации в 2011 г. в Оренбурге, дан анализ проблемы встраивания, включения одного из крупных народов, населяющих Урало-Поволжье – башкир в Российское государство во второй половине XVI – первой трети XVIII в. [1]. Внимание автора привлек один из самых дискуссионных аспектов данной проблематики, связанный с поиском ответов на вопросы о том, как именно было оформлено подданство башкирских родов русскому царю и насколько сильно в установившемся механизме реализации подданства были использованы государственные традиции Золотой Орды.

Актуальность диссертации И.И. Булякова нам видится как в академическом, так и научно-прикладном плане. Изучение стратегии и тактики правительственного курса в выстраивании такой системы подданства для башкир, которая бы соответствовала исторической, социальной и геополитической реальности XVI–XVIII вв., позволило автору внести существенный вклад в изучение вопроса о степени эффективности российской системы управления регионами в целом.

Вместе с тем научный анализ отечественного опыта управления культурно неоднородными территориями определяется и потребностями современного российского общества и государства, которые переживают очередной этап обновления административной системы в условиях гетерогенного пространства страны и региональной асимметрии. В этой связи обращение к истории той непростой эпохи является полезным и поучительным, поскольку помогает

более отчётливо увидеть современные проблемы государственной и общественной модернизации.

В географическом плане в исследовании речь идет об основной части территории расселения башкирских племен, которая в административном плане обозначалась Москвой как Уфимский уезд, а с 1708 г. стала Уфимской провинцией. Избранный для изучения период являлся специфическим этапом в жизни башкирского населения, связанным со сменой сюзерена и установлением той системы реализации российского подданства, которая просуществовала без радикальных изменений вплоть до указа 1736 г. Также и для Российского государства и общества рассматриваемый период был одним из ключевых, переломных моментов исторического развития. По сути, в это время происходило складывание всех условий, необходимых для начала реализации Россией имперского проекта, и собственно начальный этап строительства империи – феномена, под которым современная историческая наука понимает оригинальный способ управления сложным, культурно-гетерогенным пространством. И тот путь эволюции, который был в итоге избран и официально оформлен в 1721 г., с момента принятия Петром I титула императора (на западноевропейский манер), определил особенности исторического пути России на века вперед. В определенной мере сделанный в ту эпоху выбор оказывает влияние и на современную нам действительность, в которой проблема сохранения исконных начал российской государственности приобретает все большую остроту. Таким образом, выбор данных хронологических рамок – это методологически оптимальный выбор для рассмотрения процесса становления в России государственно-правовых отношений между центром и инокультурной периферией.

Указанная проблема давно привлекает внимание историков. И.И. Буляков показал хорошее знание историографии в соответствующем разделе введения и убедительно обосновал вывод о том, что, несмотря на обилие серьезной научной литературы по этой тематике, вопрос об использовании Россией золотоордынского опыта государственного строительства нуждается в специальном изучении. Именно на этой проблеме применительно к башкирским племенам и сосредоточился молодой исследователь.

В первую очередь автор на основании внимательного изучения первоисточников выявил основные принципы и механизмы управления башкирскими племенами, применяемые в улусе Джучи и постордынских государственных образованиях (гл. 1), а затем последовательно рассмотрел механизмы реализации российского подданства в первые семьдесят лет с момента падения Казани в 1552 г. (гл. 2) и далее от калмыцкого набега на башкирские земли в 20–30-х гг. XVII в. вплоть до 1736 г., когда под воздействием крупно-

го башкирского восстания правительством был взят курс на коренное изменение сложившихся за предыдущие два века взаимоотношений (гл. 3). Иными словами, в исследовании просматривается классический проблемно-хронологический подход к изучаемой проблематике.

В основу рассматриваемого исследования положена широкая источниковая база: законодательные и нормативные акты как русского, так и монгольского происхождения, делопроизводственные материалы (большой их комплекс был извлечен автором из семи фондов РГАДА), свидетельства современников (арабских и западноевропейских путешественников и миссионеров), памятники устного народного творчества башкир (шежере, таварих, эпосы), отражающие представления самих башкир о ряде событий в их жизни. Отметим, что автор привлек источники, написанные как на русском, так и на башкирском языке.

Особенностью работ по отечественной истории данного периода является то, что большое количество источников уже введено в научный оборот. Эта ситуация в полной мере характерна и для данного исследования. Однако выработанный автором концептуальный подход, основанный на четко поставленной задаче выявления золотоордынских практик управления башкирами в условиях российского подданства, позволил И.И. Булякову рассмотреть содержание источников, в том числе и уже опубликованных, под иным углом зрения и добиться новизны их интерпретации.

В результате реконструированная автором картина государственно-правовых отношений Москвы и башкирских племен в XVI–XVIII вв. выглядит гораздо более сложной и глубокой, чем распространенные тезисы о том, что статус башкир определялся добровольностью либо, наоборот, насильственностью их вхождения в состав России.

Так, на основании изучения архивных материалов ученому удалось сделать важный вывод о том, что общественно-политическая система «чингисизма» была распространена на башкирские племена не в классическом варианте, а в модифицированном виде, а именно – в форме вассалитета. Исследователь аргументированно указывает на основные факторы, приведшие к такому варианту развития событий: проживание башкир на территории, которая была малопригодной для круглогодичного ведения кочевого скотоводства, и установление дружественных дипломатических отношений родов легендарных Майкы- и Муйтен-биев с завоевателями. Обоснованно сделан вывод о том, что в рамках данной системы основные стороны внутренней жизни башкирских племен, включая и отношения по поводу земельной собственности, оставались неподконтрольными Золотой Орде.

Автор доказал, что основные характеристики данной системы управления башкирами были сохранены и в постордынских государственных образованиях.

Новаторским является вывод исследователя о высокой степени влияния сложившихся в управлении башкирами с золотоордынских времен государственно-правовых традиций на практику государственного строительства России в этом регионе. И.И. Буляков предлагает конкретный перечень основных элементов выявленной преемственности: вассалитет и вообще схожее оформление отношений подданства основных башкирских родов; наделение русского царя правопреемственностью по отношению к владикам Золотой Орды; сохранение вотчинного права на занимаемые башкирами земли с признанием царя верховным распорядителем этих земель; признание традиционного самоуправления, тарханов, шариатского суда; консервация монгольских принципов организации военной службы.

Вместе с тем отметим, что, анализируя причины заимствования Москвой золотоордынских государственных традиций в сфере управления, автор в качестве одной из причин называет демонстрацию готовности Москвы «идти на значительные уступки», имея в виду желание Ивана IV продемонстрировать казанским башкирам, что Россия готова «жаловать льготы и привилегии с тем, чтобы в будущем не иметь проблем во взаимоотношениях с их единоплеменниками в Ногайской Орде». Полагаем, что использованный в данном контексте термин «уступки» неадекватно отражает смысл описываемой в работе внешнеполитической игры, поскольку подразумевает, что без раскола башкирских племен между Россией и Ногайской Ордой Иван Грозный не стал бы реализовывать свою власть над башкирами по золотоордынскому образцу. На наш взгляд, у автора нет достаточных фактических оснований для однозначного утверждения этого тезиса.

Представляет научный интерес помещенная в исследовании сравнительная таблица, отражающая основные золотоордынские государственные традиции, присущие включенным в состав России башкирским племенам и независимому от России Казахскому ханству. Она содержит информацию, структурированную по таким параметрам, как отношение к центральной власти, поземельные отношения, самоуправление, право, аристократия, повинности и службы. Сравнение наглядно показало общие черты систем управления, присущие двум указанным районам исчезнувшей Золотой Орды, несмотря на разницу их исторического пути, оформившуюся с середины XVI в.

Автор сумел аргументированно показать, что в основе серии башкирских восстаний, имевших место в XVII–XVIII вв., лежало не

стремление обрести полную независимость от России, а протест против изменений, вносимых Москвой в сложившиеся традиционные механизмы управления башкирскими племенами.

Таким образом, в исследовании И.И. Булякова проведен добротный научный анализ проблемы преемственности золотоордынских традиций управления башкирами в условиях их включения в состав России.

Вместе с тем некоторые положения работы являются дискуссионными. Так, автору присуще стремление рассматривать государственно-властные отношения в рамках системы «русский царь – башкирские племена» как нечто уникальное, как вынужденный для Москвы отход от «стандартных» для России механизмов управления в условиях общения с подданными-кочевниками. На наш взгляд, такое понимание ситуации является упрощенным. Выявленные И.И. Буляковым основные признаки «особых» отношений в рамках названной системы – опора царя в реализации своей власти на местную элиту, сопровождаемую соблюдением автономности в решении внутренних вопросов общины, и выстраивание символической преемственности прав на верховное правление между бывшим сюзереном и нынешним – были реализованы Россией в разных модификациях (связанных с учетом типа хозяйства, отношений с соседями и др.) по отношению ко многим народам, населявшим в свое время Золотую Орду (калмыкам, казахам, бурятам), а также и к другим народам, которые не являлись подданными Золотой Орды (поляки, финны и др.). В современной науке (А. Каппелер, С. Беккер, А.В. Ремнев) признано, что данные механизмы управления есть необходимый признак вообще любой империи как способа управления сложным, культурно-гетерогенным пространством. В этом контексте полученные автором результаты, по нашему мнению, можно трактовать не столько как вынужденный и уникальный, сколько как закономерный и типичный элемент формирования российского имперского проекта уже в XVI–XVII вв., задолго до появления на картах термина «Российская империя».

Дискуссионным также выглядит и тезис о том, что именно в 1736 г. было положено «начало интеграции башкирского общества в общеимперскую структуру». На наш взгляд, этот тезис противоречит всем вышеописанным результатам рецензируемого исследования. Ведь когда автор в первой главе работы выявляет основные принципы, на которых строилось подчинение башкир Золотой Орде в XIII–XV вв., а затем подчинение Казанскому ханству, он подчеркивает включенность башкирских племен в структуру Золотоордынского государства и Казанского ханства соответственно. Почему же реализация по отношению к башкирскому обществу тех же принципов и норм управления, но уже не Сараем или Казанью, а Москвой, не

считается автором началом интеграции в Россию? Думается, поворот правительственного курса 1730-х гг. был бы просто невозможен без более чем полуторазекового опыта существования башкир в Российском государстве. Думается, новый курс правительственной политики нужно интерпретировать не как начало интеграции башкир в империю, а как начало реализации второго этапа имперской миссии – подтягивания данного участка периферии к внутренним стандартам империи. Кстати, в итоге этого сложного процесса, к концу XIX в. в Уфимской губернии, в отличие, например, от Оренбургской, уже не будут проживать особые военно-служилые сословные группы населения, будут в полном объеме действовать суды присяжных, земские органы и проч., что говорит, в общем и целом, об успешности реализации в этом регионе имперского проекта.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемое исследование представляет собой важный вклад в развитие современной исторической науки. Реализованный проект позволяет не только решить отвлеченные от современной жизни задачи постижения далекого прошлого, но и указывает на имеющиеся в нашем обществе ресурсы стабильности, а также существующие «точки хрупкости» социума, не учитывать которые при принятии государственных решений было бы по меньшей мере неразумно. Признавая самостоятельную научную ценность и законченность рецензируемого труда, научное сообщество историков находится в ожидании выхода монографии И.И. Булякова на ту же тему, где были бы учтены высказанные в адрес исследования пожелания.

Список литературы

1. Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении Уфимским уездом (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2011.
2. Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 2. – С. 165–169.
3. Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. – 2005. – № 3. – С. 125–131.
4. Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский ист. вестн. – 2013. – № 3(40). – С. 59–68.
5. Любичанковский С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX вв. – Оренбург, 2004. – С. 33–45.

Сведения об авторах

Абанин Андрей Васильевич – аспирант кафедры истории, Московский государственный областной гуманитарный институт; e-mail: andrej.abanin@yandex.ru

Баширова Лариса Викторовна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: laura71@mail.ru

Бобков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского; e-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

Васильев Дмитрий Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, Институт государственного управления, права и инновационных технологий, первый проректор; e-mail: dvvasiliev@mail.ru

Емельянов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: sergeje@mail.ru

Каминский Валерий Владимирович – Ph. D. истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminsckij.valera@yandex.com

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: koznik49@yandex.ru

Крылов Павел Валентинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Крылова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@ya.ru

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, старший научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН; e-mail: svlubich@yandex.ru

Мельникова Юлия Николаевна – выпускница аспирантуры, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: um13.80@mail.ru

Михайлова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории; e-mail: mikhailova.irina@inbox.ru

Никуленкова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Петрова Ярослава Сергеевна – аспирант кафедры международных отношений на постсоветском пространстве, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: yasmirnova@yandex.ru

Свердлов Михаил Борисович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: sverdlovmb@mail.ru

Смирнова Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия; e-mail: ghjdjqye@mail.ru

Стерликова Арина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: arinast@mail.ru

Тошев Роман Александрович – аспирант, Юго-Западный государственный университет; e-mail: toshev-ra@yandex.ru

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Уваров Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия; e-mail: sergey.uvarov@mail.ru

Шабалин Георгий Симонович – соискатель кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет; e-mail: shabalings@mail.ru

Шаламов Сергей Владимирович – аспирант кафедры истории и методики ее преподавания, филиал ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани; e-mail: shalamoff.sergey@yandex.ru

Щербаков Дмитрий Николаевич – аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ; e-mail: dmeetry@yandex.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;

- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 2
Том 4. История**

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 22.06.2015. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 11,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1151

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10